

ВИКТОР ФЕДОРОВ

ЗАКАТ БЕССМЕРТИЯ

СИМФАРЕЯ — КНИГА 4

Виктор Федоров

Закат Бессмертия

«Автор»

2026

Федоров В.

Закат Бессмертия / В. Федоров — «Автор», 2026

В Симфарее капли дождя мешаются с кровью. За клятвами и белизной одежд кроются заговоры, а тот, от кого теперь зависит слишком многое, судорожно ищет свой собственный путь. Эдвину предстоит решить, за что он сражается: за будущее, которого не ждет, или за прошлое, которое уже не вернуть? Родной город встречает Райю осенним холодом и новыми потрясениями. Место, которое она когда-то называла домом, теперь полно чужих лиц и темных тайн. Противясь уходу в небытие, Рикард все отчетливее понимает, как мало ему осталось. Но белоголовый, когда-то обреченный империей на рабство, может оказаться единственным, кто спасет страну.

© Федоров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Погребенный	5
Глава 1. Сувенир из прошлого	12
Глава 2. Те, кому не все равно	19
Глава 3. Белоголовый и медальон	31
Глава 4. Согреваясь ложью	41
Глава 5. Плесень	51
Глава 6. Два безумца	61
Глава 7. Портреты	70
Глава 8. Хромая забота	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Виктор Федоров

Закат Бессмертия

Пролог. Погребенный

Осфетид уставился на вытянувшегося по струнке солдата, ощущая, как мешки под глазами тянут голову обратно к земле. Ему было паршиво. Будто за прошедшие недели прожитый им срок успел удвоиться. Мрачные мысли не давали покоя.

Но лишь мысли. Выдумки. Сложно думать о хорошем, когда вокруг сплошь плохое. Что бы о нем ни говорили, какие бы нелестные слова ни гуляли эхом по всему континенту, Осфетид никогда не желал всех этих смертей. Только некоторых. Необходимых.

Жаль, что почти всегда его желания расходились с реальностью.

Усталый разум играл с ним в нечестную игру. Кости ломило, глаза норовили закрыться, в голове гудело. Нужно больше спать.

Сон. Роскошь, которую он редко мог позволить себе в последнее время.

Глубоко вздохнув, Осфетид сглотнул вязкую горькую слюну и нахмурился. Повел подбородком — привычным жестом, в котором легкое недовольство мешалось с сухой благосклонностью. Кадык солдата пришел в движение — парень заметно нервничал.

— Возникли некоторые сложности.

— Сложности? Какие сложности могут возникнуть с грудой камней?

— С камнями никаких, господин. То есть там теперь... Э-э-э... — Парнишка окончательно запутался. Пытаясь заполнить неловкую паузу, вытянулся еще сильнее. Казалось, его позвоночник вот-вот лопнет от натуги. — Главный обязан доложить. Сказал, что лучше, если вы сами посмотрите.

Осфетид большим и указательным пальцем провел по бровям, будто в раздумьях, а на деле давая себе пару мгновений на то, чтобы прикрыть веки. Очередная проблема, которую никто не может решить без его участия? Ничего нового. С недавних пор объем его забот стал размером с весь континент. Или даже мир, если верить людям куда более осведомленным. Слово «люди» он употребил по привычке.

Тем более советчик был один-одинешенек и именовать его можно было как угодно, но не человеком.

На лбу солдата забила жила; похоже, он явился с подобным докладом впервые в жизни. А чего еще ожидать? Вояки постарше, те, кто остался в городе, имели дела поважнее, чем скакать по лестницам с донесениями. Особенно рискуя нарваться на гнев своего владыки.

Плевать. Время гневаться уже прошло... или еще даже не настало. Не переживай, малыш.

И пусть впереди маячил только пятый десяток, сейчас Осфетид и правда чувствовал себя не по годам мудрым. Всезнающим. Счастья ему это не принесло, но именно так должен поступать настоящий правитель. Не бояться брать ответственность. Принимать решения. Направлять. Даже если ты один против всеобщих устоев.

— Пошли. — Он поднялся на ноги, стараясь придать движениям твердость, которую не ощущал. — Еще что-нибудь?

— Что-нибудь, господин?

— Подробности.

Не дожидаясь ответа, он размашисто зашагал по вычищенным до блеска мраморным плитам. Тот, кто совсем недавно ползал тут по локоть в багровой пене, постарался на славу. Солдатик пошел, или, судя по звуку, побежал следом.

— Раскопки продолжались от рассвета до заката, как и было велено. Но утром следящий явился на пост, и ему пришлось остановить работы. После чего он затребовал нашего командира. А тот отправил меня к вам. Похоже, э-э-э, что-то случилось.

Осфетид вздохнул.

— Как тебя зовут? Без звания, только имя.

Нервный вдох.

— Ланс, господин.

— Ланс. Избавься от слова «похоже» в своих донесениях. И от невнятных звуков, которые ты издаешь, когда не знаешь что сказать. Настоящий солдат Фарота должен уметь не только держать оружие, но и подбирать слова. Они порой могут ранить куда сильнее.

Ланс шумно выдохнул, не сумев скрыть испуг и замешательство. Отчеканил:

— Так точно, господин.

— Хорошо. Тогда продолжай.

Парень, похоже, не знал, что еще сказать, но, подпустив в речь хрипотцы, важно поведал:

— Сегодня на рассвете ответственный за раскопки спустился в кладовые. По его словам, он делает это каждое утро, в одно и то же время. Принимает отчет о вечерних работах и руководит сменой бригад. Но в этот раз он... Сказал, что это... Хм. Не представляется возможным. Ну, сказал он не совсем так, просто было столько брани... — Ланс вновь сбился, но Осфетид был почти готов погладить его по светлой голове за старание. — Похо... Рабочих что-то сильно напугало. И меня послали сюда, сообщить об этом. А все необходимые подробности командир хочет доложить лично вам.

Осфетид задумчиво кивнул. Проблема... очередная в списке. Но что могло там случиться? Обвал? Снова? Надо признать, навряд ли бы его пригласили оценить ущерб лично. Смерти вокруг множились, но всегда где-то далеко, за пределами его взора. И поступали в виде сухих чисел в отчетах.

Да и что это за обвал, способный так испугать людей внизу? В крайнем случае работа застопорится. Но не эту проблему он был готов решать прямо сейчас.

О нанятых рабочих он забыл сразу после того, как отдал приказ. Сделал это, повинувшись нелепой просьбе и заодно собственному чутью. Границы его владений были нарушены, и теперь предстояло докопаться до сути.

Докопаться. Хорошее слово, меткое. Однако война пожирала ресурсы, а голова была занята совсем другим, поэтому приказ он отдал лишь недавно.

Донесения зачастую приходят оттуда, откуда их совсем не ждешь.

К тому же успехи первого дня обратились в пыль. Гидеон, будь он проклят, испарился. Эта мысль до сих пор отзывалась болью в спине — будто туда вбили тяжелый гвоздь. Просчет, последствия которого настигнут его рано или поздно.

Воспоминание об увиденном заставило Осфетида поморщиться. Весь этаж вырезали. И в совпадения он не верил. А значит, подосланный к Тавору убийца тоже улизнул, а не обратился в груды окровавленных костей. По словам тех, кто продрался сквозь пожарище, на шее у него болталась вещичка, которую ни с чем не спутаешь. Верилось в это с трудом, но только личная встреча могла бы расставить все по местам. Не сложилось.

Те, кто играл с ним в эту опасную игру, припасли немало козырей. С этим приходилось считаться.

Ну и, наконец, самый умный человек в этом городе — по его собственному заверению — обратился в горстку никчемного пепла. Вместе со всей своей писаниной. Работу он выполнил, но Осфетид не желал Тавору такой участи. Даже несмотря на противный характер. Старик и правда гений. Был им. И заслужил иной конец. Жаль, что выбирать порой не приходится.

А потому, как ни неприятно это признавать, в первые дни Осфетид поддался эмоциям. Носился по замку, подхваченный ураганом, что бушевал у него в душе. Не щадил никого и

растрачивал внимание именно тогда, когда требовалась выдержка. Еще тяжелее было сознавать, что он больше не может положиться на тех, кому привык доверять.

А от редких визитов Себастьяна толку было мало.

Словно пытаясь что-то доказать самому себе, он все же распорядился расчистить завал в старых кладовых. Подъемник подле кабинета Тавора теперь вел к пепелищу. А груда камней на пороге древних проходов оставалась напоминанием об этой насмешке судьбы.

Как там было сказано?

«Самому обозначать цели и достигать их?»

Осфетид сжал зубы. Ну и хорошо. Ну и отлично. Пусть в этот раз он снова слепо пошел на поводу у чужих намеков. Но на пространных рассуждениях Себастьяна далеко не ускачешь, а о своих владениях он способен позаботиться и сам. Вот только неприятности продолжали множиться. Похоже, теперь даже древний камень противился чужому вторжению.

За раздумьями он успел миновать большую часть пути. Ланс плелся следом. Осфетид намеренно выбрал маршрут, пролегающий вдали от кратера, не желая в очередной раз узреть чернь на фоне неба. Сегодня он был к этому не готов. Но направление определял безошибочно: воронка — справа, а главный тракт, ведущий к Аргенту, — слева. Катастрофа с одной стороны, война — с другой. И сам он посередине, будто в тисках.

Коридоры сузились. С каждым шагом каменная кладка стен выглядела все древнее. Гобелены уступили место трещинам, а рунные светильники — факелам в нишах. Один из них Ланс снял со стены, подсвечивая путь своему господину. Осфетид шагал вперед, ориентируясь по намалеванным на стенах отметкам.

Последний отрезок пути охранял командир стражи. Заложив руки за спину, он нервно вышагивал туда-сюда на небольшом пяточке, как пес на привязи. Позади него, у стены, сидел плюгавенький мужичок с хитрым лицом, в перепачканной пылью одежде.

Заметив правителя, он вскочил на ноги. Оба мужчины вытянулись по струнке: вояка — умело, рабочий — криво и косо, ни дать ни взять деревце на ветру. Редкие волосы свалились от пота, живот качнулся над подпоясанными нитью штанами. Осфетид остановился, свел руки за спиной.

Командир отчеканил:

— Господин, приветствую вас. Прошу простить, что...

— К делу. — Имени его Осфетид не помнил и не горел желанием вспоминать. За время прогулки по заметно опустевшему замку настроение успело еще больше испортиться. — Что тут происходит?

Стоит отдать ему должное: вояка не стал тратить время на лесть и поклоны. Кивнул, повернулся к рабочему и, взяв его за плечо, мягко, но уверенно вытолкнул на свет. Тот шурился и сильно робел — глаза метались туда-сюда.

— Говори.

Потрескавшиеся губы раскрылись, словно прося выпивки, тонкие нити слюны приклеились к подбородку. Мужчина вытер лицо ладонью, размазав по коже пыльную крошку.

Осфетид сжалился:

— Как твое имя?

— Я... Мартин, господин. Ага. Так кличут.

— Мне доложили, что работы приостановлены. Расскажи мне, Мартин, почему.

— Ну так... странное дело там. — Он суетливо пригладил ладонью пряди на макушке, посмотрел правителю прямо в глаза, тут же потупился. — А может, кого-нибудь из церкви позвать? На всякий случай.

— Из церкви? — Брови Осфетида поползли вверх.

Командир стражи привычно рывкнул:

— Не мямли. Наверное, лучше все-таки я...

— Тихо. — Осфетид остановил военного взмахом ладони. Обратился к Мартину: — Спокойно. И без суеты. Расскажи мне, что было сегодня утром. По порядку.

В душу уже закралось нехорошее предчувствие. Робеющий мужичок явно был не в том положении, но таки нашел в себе силы начать с просьбы. И, кто бы мог подумать, речь зашла не о деньгах. Что такого должно произойти, чтобы этот человек вдруг захотел исповедаться?

Будто вдогонку его мыслям, Мартин приложил пальцы ко лбу.

— Ага. Конечно, так точно, господин. Проснулся я, значит, на рассвете, как обычно. Конечно, поспать охота, но оно же как устроено: не приду вовремя, так эти дураки палец о палец не ударят, а отвечать потом мне... Ага? Ну, в общем...

Осфетид терпеливо ждал, бессвязная речь царапала уши сродни колючкам.

— Явился, как заведено, со двора, где на подпись стоят. По тем же коридорам всегда иду, что и вы. У нас тут правила простые: утром прихожу, отметку ставлю, где и как начали. В течение дня подстегиваю, чтобы не дремали на работе. На следующее утро сверяю: как далеко забрался, парней отмечаю, говорю, кто и где трудится. И так все дни было, ага?

Сам он, очевидно упиваясь ролью начальника, камни дробить не спешил. Впрочем, Осфетид это в данный момент волновало меньше всего.

— Какую метку я вчера оставлял — помню, сейчас затерлась она... Продвинулись-то хорошо, но еще работать и работать, ага? Парней вчера распустил, как обычно. А сегодня прихожу, — он вновь замялся, — а Струп перепугался весь.

Повисла тишина.

— Струп?

— Работник мой. Ну... Говорит мне: там-то закончили накануне. Порода крепкая, движемся... Двигались нормально, вы не сомневайтесь! Тут уж как ни старайся, а больше, чем мы выкапывали, никто не выкопает, ага? Ну а этим утром прихожу, а на нем лица нет, да и на парнях тоже. А среди стенки, которую мы оставили накануне, — провал. Вход там, где мы закончили, а впереди — потемки. Я уж не стал продолжать, понял, что нужно доложить...

Точнее, перепугался и решил переложить ответственность на кого-то рангом повыше.

— Еще что-нибудь?

— Ну... Господин, лучше вы сначала сами посмотрите...

Не дожидаясь конца фразы, Осфетид шагнул вперед, пытаясь обуздать раздражение. Камни он никогда не дробил, смыслил в этом деле мало и разбираться не спешил. Но если там просто что-то обвалилось, провалилось и порядок работ был нарушен, а этот Мартин теперь пытается уберечь себя от чужого гнева...

Зона раскопок представляла собой нагромождение камней, подпертое и укрепленное балками. В глубинах рудников Осфетид не бывал, как и любой нормальный человек. Но задался вопросом: неужели там все именно так?

Копатели подошли к делу основательно: проход был широк и уходил далеко вперед. Осфетид с внезапной опаской осмотрел свод и убедился, что с него не сорвалось ни пылинки. Он сделал еще несколько шагов, но тут же вздрогнул, заприметив впереди какое-то движение.

Перед ним сгрудились те, кто принял на себя всю пыль и грязь этой работы.

Перемазанные рабочие — и когда только успели, ведь день едва начался? — сидели ближе к концу прохода, кто где горазд. При его приближении они подняли головы: только белки глаз блестят в свете факелов. Воздух давил со всех сторон — тяжелый, спертый. Не спасал даже легкий сквозняк, тянувшийся откуда-то из-за спины. Осфетид подавил желание прижать платок к губам.

Появление высокородного в подобном месте вызвало именно ту реакцию, которой и следовало ожидать. Быстрого взгляда хватило; после люди начали смотреть куда угодно, но только не на него. Интересно, знали ли они вообще, кто этим утром решил навестить их перед работой? Осфетид не без оснований подозревал, что многие жители Фарота понятия не имеют, как

он выглядит. Может, видели стоя в толпе, издалека, мельком. А кто-то мог и без этого обойтись, живя свою жизнь и оставаясь в неведении по многим другим вопросам. Их право.

Он слегка повел подбородком, вояка рявкнул из-за его плеча:

— Всем встать! Расселись мне тут...

Конец фразы потонул в суетных звуках: кто-то вскочил на ноги резко, прочие поднялись неохотно, отводя глаза. Осфетид, не обратив на это внимания, прошел еще немного вперед, мимо людей. Осмотрелся.

До этого путь был расчищен образцово ровно. Вряд ли в том была большая заслуга начальства. Скорее каждый из присутствующих пекся о сохранности собственной головы. На самой границе обвала — похоже, именно тут Мартин ставил метку накануне — стены сужались, но достаточно плавно. Под ногами валялись инструменты, а груды камня, земли и трухи, все вперемешку, ожидали отправки на поверхность. Осфетид одной рукой подобрал полы мантии, а другой оперся на камень и устремил взор в темноту.

Впереди, у самой земли, в провале зияла дыра. Не маленькая, но и не шибко большая: взрослый человек мог бы влезть в нее, как следует согнувшись. Именно к ней правитель сейчас приник лицом, будто к лону возлюбленной.

— Правильно ли я понял, что вчера всего этого не было?

Мартин откашлялся.

— Ну как сказать, господин. Я, если честно, думал, что еще копать и копать, ага? Камни были один на другом. А сегодня... Пусть лучше Струп расскажет.

Сказав это, Мартин предусмотрительно юркнул за спину командиру стражи, подальше от дыры и гнева правителя, одновременно указав пальцем куда-то в сторону. Проследив за жестом, Осфетид наткнулся взглядом на тощего и крепкого землекопа, по возрасту годящегося ему в отцы. Глубокие морщины пробурили борозды на его щеках и лбу, но стоял он ровно, а смотрел прямо, не в пример суетливому Мартину.

— Струп, значит?

— Это я.

— Добавляй «господин» в конце, — настоятельно шепнул командир.

— Это я, господин.

— Хорошо. И что ты можешь мне рассказать?

От предчувствия защемило сердце. И с чего он вообще мог поверить, что такой человек, как Себастьян, будет разбрасываться словами за так? Пожелания изначального их всех и упокоят, рано или поздно. Хоть бы не в этом, подпертом балками зале.

Струп начал говорить, неожиданно ровно, ничуть не робея:

— Плохо сплю я, господин. Уже много лет как пары часов хватает, встаю и ложусь при свете луны. А потому выхожу на смену раньше, что без дела сидеть? Ну и за лишние монеты, что уж скрывать, ведь лишними они не бывают. Разметчик я. Прикидываю, куда дальше лезть и как, чтобы эта хрень на голову не упала. — Он посмотрел вверх, потом на Осфетида. Сообразил, что ругнулся, осторожно добавил: — Господин.

Его слова внезапно подтвердил не Мартин, а военный:

— Это правда. Наши ребята предупреждены, пускают его еще до рассвета.

— И сегодня ты заявился сюда раньше всех, как обычно?

— Так и есть. Но не как обычно.

— Объяснись.

Струп повел плечами.

— На первый взгляд все как всегда, это верно. Глаза мои, если по правде, уже не те, что в молодости. Но на память не жалуюсь. Одно другим восполняю, можно и так сказать. И где какой булыжник лежал накануне — помню точно, ведь все от этого зависит. Сегодня осмотрелся и вижу: просел камень. И плохо просел, у земли, нормально так провалилось. Бывает

такое в одном случае: если пустоты внутри. А пустоты — это плохо. Чуть зазеваешься и будешь похоронен прямо тут.

Про «господина» он благополучно забыл. Плевать. Осфетид вдруг проникся симпатией к этому мужику, несмотря на то, что его рассказ не сулил ничего хорошего. Все как обычно: спокойный и ответственный Струп подходил на роль главного куда лучше, чем суетливый и заискивающий Мартин. Но такие люди, как правило, не ищут власти и находят успокоение в простой работе. Именно поэтому в мире царит такой бардак, ничего не попишешь.

— Ну я, значит, и встрепенулся, все, что на землю просыпалось, оттащил в сторону, полез внутрь, укрепить все это дело. До прихода ребят времени нормально еще оставалось...

— Провал был меньше?

— Да уж... поменьше, скажу так.

Во фразе не было ничего необычного, но Струп произнес ее таким тоном, что тени вокруг сгустились.

Осфетид выпрямился.

— Что было дальше?

— Ползаю я, значит, туда-сюда, суечусь, вспотел весь. И тут слышу звуки, такие, знаете... странные.

— Странные?

— Оттуда, — Струп указал пальцем в провал, — шуршание, будто трется что-то о камни. И я, честно сказать, даже испугаться не успел. Никогда не бывало, чтобы камни со мной разговаривали. Замер, ноги к полу приросли. А потом...

Он примолк, обвел присутствующих взглядом, заранее готовясь к тому, что ему не поверят. Чуть тише продолжил:

— Ну и не знаю, что меня дернуло, — похоже, совсем умом повредился на старости лет. Я постучал.

— Постучал? — Осфетид ощущал себя полнейшим идиотом. Все вопросы, приходившие ему в голову, казались до смешного простыми. Хотелось переспрашивать.

— Именно так. Господин... Нагнулся и костяшками пальцев сделал тук-тук. Ровно в том месте, где вы сейчас стоите. И услышал стук в ответ.

Тишина. Осфетид отряхнул ладони друг о друга. Выдавил:

— Стук в ответ?

— Да. Я стукнул дважды, и оттуда раздалось то же самое. Ну я и решил, что раз уж свихнулся, то надо до конца идти, понимаете? Даже не испугался, просто постучал еще раз, уже трижды. И получил ответ. А потом... честно скажу, уже не по себе стало. Но раскинуть мозгами не успел. То, что мне отвечало, начало рваться наружу. Резко так, одиночными ударами. Как если, — он притопнул ногой, подняв облако пыли, — вот так бить по камню, со всей мочи. Бам, бам, бам. С потолка сыпаться начало. Я поджал лапы и назад, думал, все уже — подохну в этой дыре.

Внезапно в его голосе прорезалась неуместная гордость:

— А вот нет, устояло все, не зря я расчеты проводил. Но в тот момент надо было бежать прочь, по-хорошему. Вот только оклематься я не успел, камни те выбило наружу. Одним махом, с пылью, громом, все как положено. Я повалился на спину, вот там, — он показал место, — дыхание сбило, да и спина уже не та.

Он примолк, Осфетид нетерпеливо уточнил:

— Что еще ты видел?

— Немного. Скорее слышал. Падающие камни, шорох осыпающейся крошки да собственный крик. А если именно видел, то вокруг пыль была по большей части, а в ней... метнулось что-то. К выходу, прочь отсюда.

— Что-то? Или кто-то? Большое, маленькое?

— Да уж как мы с вами, с человека размером. Но что за человек из такого места может выпрыгнуть? Явно небытие на нас ополчилось — не знаю, что еще сказать. — Струп приложил пальцы ко лбу.

Суеверия простаков Осфетида волновали мало. С недавних пор он с суевериями общался лично. На лбу выступил пот, холодный, неприятный. Веки больше не норовили закрыться, вместо этого к земле тянуло всем телом, сердце колотилось.

Восприняв его молчание как недоверие, Струп осторожно добавил:

— Сейчас-то безопасно уже, загляните внутрь. Я изучил одним глазком, но тогда Мартин уже явился и ребята прочие. Ну и я сразу сказал: тут продолжать такое себе.

— Я говорил, что бред это, — тихонько шепнул Мартин, — но ребята ни в какую. А потом сам взглянул и послал за командиром. А он за вами.

Вояка промычал:

— Господин, если вас не затруднит...

Правитель отвернулся от него. Уже не заботясь о чистоте облачения, опустил к земле и опять приник к каменной нише, забравшись в нее с головой. Ланс подошел сзади и заботливо развеял тьму.

Отверстие оказалось не таким большим, как выглядело поначалу. Скрючившись подобно зародышу, Осфетид смог бы протиснуться в него целиком, если бы захотел.

Но он не захотел.

Вместо этого оглядел неровный узор камней, неосторожным движением поднял в воздух пыль. Глаза заслезились. Это не помешало увидеть то, что так сильно напугало Струпа, Мартина и всех людей, покорно стоящих сейчас за его спиной.

Тонкие борозды, высеченные на грубой породе. Разной длины и в разных местах, но повсюду. Беспорядочные, хаотичные, если уж на то пошло, а оттого еще более пугающие.

Борозды, похожие на следы от ногтей.

Глава 1. Сувенир из прошлого

Отсыревшая стена холодила спину. Рикард удовлетворенно прищурился и подставил лицо тусклым лучам осеннего солнца. На душе было тихо и спокойно.

Наконец-то.

Впервые за многие годы.

Несмотря на все пережитое.

Несмотря на все предстоящее.

Несмотря на то, что сегодня у него был день рождения.

Делиться этой новостью с окружающими он не стал. Не видел смысла, да и не хотел. К столь важной для многих дате он с детства относился спокойно. Чествований и прочих бесполезных штук в Карпете заведено не было. Но и без того радоваться очередному прожитому году Рик считал странной традицией. Не умер раньше времени, ну и молодец. Живи дальше, думай о будущем, а не о прошлом.

Так он размышлял до того, как будущее у него отобрали.

Теперь эта дата значила одно: очередной шаг в небытие. Сегодня ему исполнилось двадцать лет.

А значит, если все сложится, еще один такой день, следующей осенью. А потом... Закономерный итог.

Итог, с которым он уже смирился. Если по-хорошему, то стоило закричать, да так, чтобы в горле что-то разорвалось. Трястись всем телом, задрав голову к небу, биться в истерике от осознания. Но кольцо на шее говорило совсем о другом.

От себя не убежишь.

Хотеть принимать решения и научиться их принимать — разные вещи. Все это время он желал свободы. Но оказалось, что свобода заключается не в отсутствии удавки на шее. А в готовности эту удавку сохранить.

Отточенным жестом Рикард погладил кольцо ошейника, прикрытое вязаным шарфиком унылой расцветки: серые нити чередовались с чуть более серыми. С наступлением осенних холодов скрывать свою натуру стало проще и приятнее: шея больше не потела под слоями ткани. Вместо этого подбородок чуть покалывало, но это он не считал неудобством. Скорее приятным напоминанием о детстве, пусть в те времена холода и были куда более кусачими.

Поэтому наряд его, за исключением обязательного шарфика, был по местным меркам легок. Плотная светлая рубаша, надетая на исподнее, да широкие штаны из коричневой шерсти. Ноги он впихнул в округлые кожаные ботинки, что и вовсе можно было счесть роскошью. Из всех нарядов, которые ему пришлось сменить за последние месяцы, этот нравился Рiku больше всего.

Он опустил взгляд, слегка оттянул рукав, ведь всегда полезно напомнить себе: бывает и хуже. Еще совсем недавно на этом месте краснел след от веревки — Лис не церемонился, связывая его. Справедливо. Знай Рик, чем обернется его мнимая свобода, то связал бы сам себя, да покрепче. Карпетский вор успел понадевать дел.

Даже в сопровождении конвоя и за время, проведенное на руднике, он ни разу не очутился в кандалах. Да, вечно в тюрьме, стены порой давили, это верно. До определенного момента в Фароте, где все и оборвалось. Но стоило только карпетскому вору получить контроль, и он тут же оказался связан по рукам и ногам.

Надо отдать должное стараниям Парацельса и Райи — путы с него сняли. Да, ему все еще запрещалось бродить по замку и округе в одиночестве, а общаться приходилось с кем придется, а не с кем хочется. Но недоверие равномерно шло на убыль. Вроде бы.

Остаток недоверия тихо кашлянул, Рик покосился на серого плаща.

Доспехи Бася оставил где-то в замке, но с накидкой на плечах он никогда не расставался, может, даже спал в ней. В нее он завернулся и сейчас, будто теплого солдатского одеяния, куда более теплого, чем у Рика, было недостаточно. Впрочем, осень перевалила за середину, а жители столицы и окрестностей были куда более мерзлявы.

Если бы не отношение к нему окружающих, то без сопровождения молчаливого воина вполне можно было обойтись. Да, Парацельс не знал местные улочки так же хорошо, как вествудские, но в городе ориентировался уверенно. Рика он потащил с собой вовсе не ради аптекарских советов — это было очевидно, и юноша был искренне благодарен старику. Оба понимали, что для свободных прогулок по большому городу пока рановато. Не прикован к кольцу в стене — и на том спасибо. Поэтому пожилой доктор пользовался любой возможностью вытащить своего вновь обретенного друга на свежий воздух.

Друга. Да, именно так. Честно сказать, Рик не помнил Гааза плачущим. До недавних пор. Внезапная встреча расставила все по своим местам.

Ну а Бася... Ходил вместе с ними, потому что другим так было спокойнее. Достаточно честно, учитывая, сколько всего Рик успел наворотить, прежде чем вынырнуть на поверхность. Это если верить рассказам; для него самого пережитое под личиной карпетского вора было скрыто туманом.

Отдельные образы иногда просачивались наружу, пробивая дымку неведения. Запахи крови, пота и огня лезли в нос, звон железа и крики стучали по ушам, вспышки света резали глаза. Однако общая картина не складывалась.

Последним ярким воспоминанием было то, как он стоит, перемазанный кровью, сжимая кинжал в подвалах фаротской обители. А потому ничего о своих приключениях, с момента той вылазки и до прибытия в Аргент, Рик рассказать не мог. Что еще больше влияло на отношение к нему.

И поэтому серый плащ сидел сейчас по левую руку, на деревянной скамье у входа. На всякий случай.

Его присутствие Рика не смущало. Солдат был не шибко его старше, но невзгод успел пережить достаточно. Отпечаток их хранился на симпатичном, в чем-то даже невинном лице. Эти голубые глаза и соломенные волосы могли бы вскружить голову любой дамочке. Но Рик больше ценил молчаливость и размеренность, находя в них что-то близкое себе. Есть дело — делаешь. Нет дела — ждешь.

Вот они и ждали. Плащ не шевелился, могучие руки покоились на скамье. Лишь глаза нет-нет да и бегали по улице справа налево и слева направо, высматривая возможную угрозу. Ну и на Рика он тоже поглядывал, украдкой, в этом сомневаться не приходилось.

О положении в городе можно было судить по тому, что некогда оживленная, в этом Рик был уверен, улица теперь казалась вымершей. В поле зрения всегда находилось около десятка человек, но все они спешили по своим делам и старались нигде не задерживаться. Несколько лавок напротив и вовсе не открылись — то ли не посчитав это нужным, то ли исчерпав свои запасы. Война наконец настигла Аргент. Подобное уныние Рик уже наблюдал. В Фароте, в первые дни после катастрофы.

Тут катастрофы еще даже не случилось, по его мнению. И все же город заметно сдал. Рик бывал здесь мимоходом, достаточно давно, во времена своего побега с севера. В юношеских воспоминаниях город сохранил образ гигантского, суетливого муравейника. Теперь же он напоминал развороченное палкой гнездо, которое капризный ребенок продолжал топтать ногами, решив во что бы то ни стало довести начатое до конца.

Собеседника выбирать не приходилось, да и покорный серый плащ был не лучшим источником сведений. Но время ползло вперед со скоростью улитки, а вопросы вертелись на языке. Рик ловил краем уха чужие шепотки, догадывался, что за его спиной обсуждают много чего интересного.

Поэтому Рик спросил улицу, не утруждая себя поворотом головы:

— Дела идут так себе, верно?

Тишина. Не удержавшись, он покосился влево, чтобы увидеть, как брови Баси слегка приподнялись. Вот и весь ответ. Понятно. Пожалуй, следует уточнить.

— Я с вами не так давно, но уже достаточно, чтобы заметить: эта... этот... В общем, Черная мантия все время как на иголках.

Тишина.

— Могу понять. Город штурмует хренова армия, весь мир на грани. Но смотреть стоит не на то, что лежит на поверхности, а на то, что скрыто. Прошло уже достаточно времени, чтобы Вильгельм наконец подобрал нужные слова и вышел к людям. Но нет. Если верить моим ощущениям, хоть что-то пытается делать только Морн. А это выглядит довольно паршиво. Ведь от государственного совета, по словам Райи, остались главный старик да церковник. Остальные либо предатели, либо покойники.

Он прикусил язык, сообразив, что причислил отца Райи к покойникам. Хорошо, что она этого не услышала.

После небольшой паузы Бася все же ответил:

— Не только. Но Урбейн — единственный, кто пользуется всеобщим уважением и обладает достаточным весом, чтобы считаться вторым после Вильгельма.

— Как Байрон в Фароте?

— Именно так.

— Одна семья, как-никак. Какой он?

— Не встречал.

— А по слухам?

Минутное раздумье.

— Толпам вещают обычные священнослужители. Святой отец спихнул на них большую часть забот, а сам занят своими делами, какими бы они ни были. И это хорошо. Для всех. Если он вдруг окажется рядом и прознает о наших делах и твоей шее, долго мы после этого не проживем.

Понять, шутит Бася или говорит серьезно, было невозможно. Однако резон в его словах был.

— Я не об этом. Не совсем об этом. Здорово, конечно, что Морн пытается хоть что-то сделать. Сомнительная привилегия — вариться в самом центре котла, но что есть, то есть. При этом обычные люди чувствуют себя брошенными. Пропаганда священников и шепотки, которые Черная мантия распространяет через своих людей в городе, — этого недостаточно. Что может быть хуже, чем оказаться в осажденном городе? — Рик слегка повернул голову. — Оказаться в осажденном городе, где все жители — злые как собаки.

Бася пересекся с ним взглядом. Его молчаливость могла бы раздражать, но Рик был не против поговорить сам с собой, выплеснуть то, что крутилось на языке. Это помогало думать. Он указал подбородком на закрытые лавки:

— Такой печальной картины не было даже в Фароте, хотя кратер там размером с дыру в... В общем, большой. А по периметру торговля и вовсе бушевала, особенно когда город прикрыли. Настоящий торгаш всегда успеет нажиться на чужих бедах. А тут ни всплеска, ничего. Увядание.

— Не все привыкли к войне под боком.

— Даже я еще не привык. Особенно если учесть, что присоединился к ней далеко не в начале. Хотя война была всегда. Просто моя — личная. — В ответ на приподнятую бровь Рик уточнил: — Не берем в расчет отрезок, который я не помню.

— Стоит вспомнить.

Определенно стоит. Рик вскинул бровь, предлагая плащу продолжать.

— Благодаря Райе Гидеон, Гектору Коске, Фрею и тебе...

Рик был благодарен за это уточнение. А еще забавно, что полное имя Фрея не было известно примерно никому.

— ...секрет устройства ошейников уже не такой уж и секрет. Но ты свою удавку потерял где-то по пути. Кто и зачем ее с тебя снял — является ключом ко всему.

— Зачем — могу предположить, без проблем. Уж не знаю, какими дорогами меня вело, но конечная точка известна. — Он пристукнул ботинком по земле. — Не думал, что скажу это, но хорошо, что ошейники можно не просто снимать, но и надевать обратно. Не сомневаюсь, карпетский вор собирался оставить после себя огромное наследство. Если судить по Фароту — размером примерно с полгорода.

Бася кивнул, соглашаясь. Еще совсем недавно невозможным считалось снять ошейник. Все поменялось. И, по заверениям Райи, ныне покойный Мортимер продлил отпущенный белоголовому «срок» до нескольких недель. И это без каких-либо шансов для проверяющих. Учитывая, сколько времени прошло с вылазки, и если прикинуть, что ошейника Рик лишился сразу после... Вовремя, очень вовремя он решил вернуться в игру.

— Теперь это не имеет значения. Нам повезло. Часть вражеских планов сорвали твои друзья в Фароте, Лис и Эдвин выполнили свою работу здесь. Попутно удалось добыть ценные сведения. Впрочем, это только начало.

Юноша подхватил:

— Но это мелочевка, не более. Все наши успехи — ерунда, если вспомнить, что у этой змеи больше одной головы. Осадная армия все еще у стен города и становится сильнее с каждым днем. Это одна сторона монеты. Я правильно понял, что они взорвали мост, чтобы...

— Я не буду говорить об этом.

— По указке Морна? — Рик хмыкнул. — Пускай. Ученый из меня так себе. Но догадаться, как поломка этой штуковины скажется на жизни столицы, не так уж сложно. Я знаю, что очистка воды...

— Я не буду говорить об этом.

Рикард пожал плечами.

— Тогда о второй стороне монеты. Байрон и тот, кто отдавал ему приказы, живы и бодры, а значит, проблема кратеров никуда не исчезла. И пока мы торчим в этом городе — кто-то добровольно, кто-то нет, — ему открыт весь остальной континент, чтобы наворотить там дел.

— Это изменится.

— Может, поделишься, откуда такая уверенность?

Пробный бросок ушел в никуда. Были у Рика кое-какие подозрения, уж очень разношерстная компания подобралась. Даже эта дамочка, Лира, ради которой Бася был готов пройти сквозь огонь, оказалась не так проста. Она нашла подход даже к Гаазу. Рик не раз замечал, как старый врач внимательно слушает ее где-нибудь в сторонке. Что уж говорить о Морне, который держал в руках все ниточки и дергал за них в нужный момент.

Не то чтобы у Рика было время узнать их получше, но первого впечатления хватило — роли быстро распределились. Эти двое напоминали сварливых родителей, давно живущих порознь, но все еще способных объединиться ради одного — чтобы запретить что-нибудь окружающим или объяснить им, как следует жить.

С Парацельсом и Ани все было понятно. Прошное решило напомнить о себе, выбрав для этого знакомые лица. Приятно. Правда, торговку одеждой он помнил смутно, ее образ был слегка смазан количеством клиентов, которые гостили на пороге врача за годы. Зато она его точно узнала, чуть глаза на лоб не вылезли. И с тех пор они едва успели перекинуться хоть парой слов.

Но кто бы мог подумать, что он будет так рад увидеть высокородную. Запихивая Райю в подъемник, он знал, что спасает ее. Искренне верил, что это их последняя встреча. И на

тебе. Она благополучно вернулась в столицу, зацепив по дороге парочку приятелей, и, будь все проклято, сразу отдала должок сполна. Он потрогал ошейник Ловчего. Да, это все было не так-то легко уложить в голове.

Сэт, будь он неладен, его чуть не упокоил, там, в грязи. Обижаться на такое не получалось. Только уважать. Крепкая, заматеревшая скотина. Рассуждать тут не о чем: хорошо иметь такого человека на своей стороне. Но Лис был старым воякой, судя по выправке, и пока не был готов ответить взаимностью. Ну ничего. Рик надеялся, что сможет доказать свою полезность: не словом, так делом.

Загадкой оставался спутник Сэта. В умении помалкивать Эдвин мог посоревноваться с Басей и шибко полезным не выглядел. Без обид. Рик все никак не мог раскусить этого парня, постоянно отводящего глаза. Но прекрасно помнил, как нечто швырнуло его на землю, тогда, в драке. Даже скачки Лиса в пространстве, которые он видел своими глазами, волновали Рика не так сильно. Ведь он, как-никак, вырос в северном подполье. У кого-то в голове живет... Жил безумный вор и убийца. А кто-то дерется нечестно и носится туда-сюда сквозь небытие. У каждого свои причуды.

Ну а Манэ... После короткой встречи, мельком, ее образ осел где-то на краю сознания и оставался там все это время, среди прочих мыслей. Стоило вспомнить эту ехидную улыбку, как где-то в груди загорался огонек интереса. Его не могла погасить даже отсыревшая холодная стена, в которую он упирался позвоночником. Интересно, к чему бы это все...

— У меня есть вопрос. — Внезапно Бася развеял тишину. — Ты сбежал с рудника. Был там, жил жизнью белоголового. Как это было?

Вопрос Баси ввел его в замешательство, Рик подавил гримасу удивления. Заодно проглотил рвущиеся с языка слова.

«Я все еще белоголовый».

— Паршиво. — Помолчал, сознавая, что от него ждут подробного ответа. — Каторга, что тут скажешь? Я провел там не так много времени, но мозоли на пальцах так и остались. Недолгий сон, потом изматывающая работа. Вокруг злобные ублюдки в форме, которые следят за каждым твоим шагом. И так день за днем, а выход только один: небытие. Ждешь, когда откроется дверь на ту сторону... Либо дергаешь за ручку сам.

Он демонстративно провел пальцем вдоль шеи. Бася смотрел прямо перед собой. Рик осторожно добавил:

— Но я оказался на худшем руднике из возможных. Или лучшим, как посмотреть. Я же здесь.

Серый плащ умолк, отгородившись от него стеной молчания. Проклятье, кого он потерял? Судя по возрасту, навряд ли сына. Получается, брата. Интересно. Рука сама потянулась к ошейнику.

Рик попытался сменить тему:

— Как я и сказал: если у монеты две стороны и на обеих паршиво, постарайся оказаться на ребре.

Рядом хлопнула дверь.

— Не у всех получается, но ты, мальчик, имеешь все шансы вновь удивить меня.

Парацельс вышел на улицу и положил завернутые в бумагу травы на скамью. Тон его был благостен, а в сравнении с серым плащом доктор и вовсе светился от удовольствия. Правда, от Рика не укрылось, что благодать эта — напускная. Слишком уж хорошо он знал старика. Тот пялился на него в упор: добродушие на лице плохо вязалось с тревогой в глазах. Немудрено: для всех настали тяжелые времена.

Рик скосил глаза в сторону. Пробежался взглядом по кончикам стеблей и высушенным цветам. Слегка поморщился. Вновь осмотрел сверток, уже внимательнее. Переглянулся с Гаазом, но смолчал; врач выдавил в ответ легкую полуулыбку. Юноша заинтересованно прищелк-

нул языком. Пожилой доктор варил нечто любопытное — во всяком случае, именно на это указывал подобный набор сухоцветов. Расспрашивать смысла не было, не время и не место.

— Поспешим, друзья? Хотелось бы успеть на интереснейшее обсуждение, которое ждет нас в стенах замка. — Гааз вопросительно посмотрел на Басю и ободряюще — на Рика. — Думаю, каждому из нас будет что из него вынести.

Рик покивал, серый плащ тоже уловил намек:

— Ему пока не позволено.

— Брось. Мир катится в бездну, не время для споров. — Старик посмотрел на Рика. — Я ручаюсь за этого молодого человека. Уже говорил и не раз.

— Лира...

— Если у нее будут вопросы, я на них отвечу.

— Морн...

— Аналогично. Если его что-то не устраивает, то мы можем уйти в любой момент. Свою часть сделки Лис выполнил.

Бася кивнул, нехотя. Рик подозревал, что плащу откровенно наплевать, будет ли кто-то еще посвящен в секретные планы его драгоценной госпожи или кого-то еще. Молодой воин следовал приказам.

Доктор повозился в сумке, которая висела на поясе. Выудил на свет еще один сверток, небольшой, продолговатый, длиной чуть больше ладони. Протянул его Рiku. Парировал в ответ на вопросительную мину:

— В память о былом. Сейчас не время для торжеств, но в такой день не мог оставить тебя без подарка.

— В такой день?

— В день твоего появления в этом мире.

Рик поперхнулся:

— Не припомню, чтобы я...

— Рассказывал мне об этом? Ничего удивительного, много лет прошло. Главное, что я помню.

Гааз подмигнул. Как будто этого было мало, серый плащ тут же похлопал юношу по плечу. Затем поднялся и замер, скрестив на груди могучие руки. Похоже, этот жест был самым большим проявлением чувств, какое Бася мог себе позволить. Но Рик все равно застыл на скамье, слегка ошалело глядя на сверток в руке. Мысли и чувства, сплетенные где-то внутри в тугой клубок, были для него в новинку, а потому разобраться в них было не так-то просто.

С одной стороны, считать этот день чем-то важным было глупо и бессмысленно. А с другой... Да гори оно все пламенем.

Он потянул за веревочку, разорвал плотную бумагу. Некстати вспомнилось, что почти так же он вскрывал пропитанный кровью сверток с браслетом, который теперь висел у Райи на запястье. Отогнав воспоминания, Рик уставился на вытянутую деревянную коробочку, сдвинул крышку в сторону. Покосился на врача. Тот пожал плечами:

— На старости лет начинаешь ценить символические жесты. Мог отдать его тебе и без упаковки, но подумал, что с футляром будет посимпатичнее.

— Это...

Бася слегка вытянул шею, чтобы заглянуть внутрь, но от расспросов деликатно воздержался. Рик благосклонно озвучил:

— Нож для конвертов. Из твоей лавки. Я помню. Он всегда лежал на первом этаже, за стойкой. Это действительно он?

— Именно так. Успел прихватить в последний момент, хотя лавку пришлось покинуть довольно спешно.

— Не думаю, что я буду получать почту в ближайшее время, — сказал Рикард, чтобы что-то сказать. Во рту пересохло.

— А дело и не в этом. Насколько я знаю, нож за пазухой для тебя будет не в новинку. — Парацельс развел руками, объяснил: — Расспросил госпожу Райю. А это приятный сувенир из прошлого и заодно напоминание. О том, что не все ножи служат одной цели.

Бася повел плечами, явно не разделяя этого мнения, но и не протестуя. Еще один шагжок на пути к доверию. Нож успел притупиться и заканчивался округлым наконечником, а серебро во многих местах потемнело. Но в умелых руках...

Рик провел пальцами по вензелю на рукояти, захлопнул крышку. Тоже поднялся на ноги, в очередной раз изумившись, что давно перерос целителя на полголовы. На лице доктора отразилось легкое волнение.

— Если это не то, что ты...

Не дав ему договорить, Рик притянул старика к себе и крепко обхватил руками, уткнувшись лицом куда-то в плечо, повторив неловкое объятие при первой встрече. Парацельс одеревенел, после чего обхватил его рукой в ответ. Где-то рядом шевельнулся и вновь затих Бася, но юноше было наплевать.

Так они и стояли на промозглом осеннем ветру, и Рик чувствовал, что пустота в душе, совсем недавно образовавшаяся, понемногу уступает место чему-то новому.

Глава 2. Те, кому не все равно

— Где остальные?

— Скоро будут.

— Подождем?

— Подождем, но с пользой. Многое нужно обсудить и еще больше — сделать.

— Хорошо. Во имя всех изначальных или еще кого-нибудь, закройте уличную дверь. Не все тут слеплены из... уж не знаю из чего.

Сэт хмыкнул, но толкнул плечом дверь на балкон, отрезав тянущийся оттуда сквозняк. Привалился к ней боком, да так и замер. Райя чинно отрапортовала:

— Благодарствую.

Не могла она найти подход к этому мужчине в жилете. Ну никак. С большинством долго думать не приходилось: на одних хорошо действовали высокородные обороты и витиеватые речи. Людей попроще подкупала ответная простота — этот навык она успела как следует отточить в Фароте. Сэт ни одеждой, ни выражением лица на обитателя высоких этажей не походил. Но что-то в нем заставляло Райю слегка робеть и зачастую общаться так, словно перед ней был... да кто угодно, только не тот человек, которого видели все остальные.

Мужчину это определенно забавляло, даже сейчас он кривил губы в легкой улыбке. Повторил в очередной раз:

— Обращайся ко мне на «ты».

— Я помню. — Райя дернула плечом.

— Попрошу об ответной любезности. Передашь чай?

Девушка посмотрела на дымящийся сосуд на столе, попутно сообразив, что подчиняется просьбам как какая-то служка. Взяла чашку здоровой рукой, сделала шаг вперед. Лис, как его именовали друзья, покачал головой, а заодно и пальцем в ее сторону.

— Не так.

Райя вспыхнула. От подобного обращения и от осознания, что этот умник не готов принять очевидное: чудеса ей плохо даются. То, что она оказалась в Аргенте, было чудом, это верно. Но теперь...

— Давай.

Фрей, вольготно развалившийся в кресле, хмыкнул, но благоразумно отодвинулся. Девушка попыталась испепелить его взглядом, но здоровяк развел руками. И правда, наемник, которого ее перемещение раскроило напополам, был причиной замены ковра в этой комнате. Осторожность не помешает.

— Ну?

Она уставилась на Сэта, сосредоточив все свое внимание на щетинистом лице. Напрягалась, да так, что кровь прилила к щекам, на лбу выступил пот. В ответ мужчина слегка приподнял бровь, издеваясь. Райя стиснула зубы, представляя, как она оказывается вплотную к нему. Вот честное слово, преодолей она эти несколько шагов, и от хлесткой пощечины Лиса ничто не спасет...

Рука затряслась от натуги, горячая жидкость дрогнула, ошпарив ей пальцы.

Девушка ойкнула, смогла удержать чашку, но зрительный контакт был потерян. Рассеянно посмотрела на покрасневшие пальцы; спесь слетела, оставив место разочарованию. Сэт покачал головой и через мгновение возник прямо у нее перед носом. Подхватил чашку, спасая ее от превращения в грудю осколков. Держа ее за нагретую часть, но при этом не испытывая никаких неудобств, медленно отпил, глубоко вдохнув травяной аромат.

— Благодарствую в ответ.

Он прошествовал обратно к балконной двери — к счастью, просто пешком. Вальяжной походкой, именно так Райя мысленно ее описала. Ошпаренная рука безвольно повисла вдоль тела. Фрей больше не ухмылялся. Ко многому в жизни можно привыкнуть, но не к этому. И плевать, что еще недавно случались вещи страшнее и страннее.

— Я же говорила: не получается.

— Я бы принял это «не получается», — Лис еще раз отпил из кружки, — если бы оно пришло письмом из Фарота. Где, как я слышал, вам обоим и гвардейцу Коске следовало бы быть. Но все вы здесь. А значит, ты, девочка, плохо стараешься.

Гектор Коска сейчас отсутствовал. Известие о потере отца он принял стоически: не было озвучено никаких надежд, тела никто не видел. Наверное, оно было упокоено где-то на холме посреди фаротского лагеря, надеяться на благополучный исход было глупой затеей.

По словам все того же Лиса, генерал Коска Эйгон промял своим телом в доспехах с десяток вооруженных солдат. А после сгинул в начавшейся суматохе. У всего есть пределы. Но один родственник у капитана в столице все же остался. Сейчас он находился у постели деда, сознавая, как легко порой упустить единственный шанс попрощаться.

Райя переглянулась с Фреем.

— В Фароте все произошло случайно. А заодно, — она помахала перебинтованной рукой, — перед этим мне пробили ладонь болтом. Может, попробуем повторить?

— Нет надобности.

— Может, тогда мне тоже выпить что-нибудь? И предлагаю перед этим высыпать в чашку рун, да побольше. По словам Мортимера, это тоже важная часть.

Фрей прервал поток ехидства:

— Мы хотим, чтобы ты разобралась с прыжками сквозь небытие и взяла эту хрень под контроль, а не умерла. Даже, повторюсь, даже если бы Мортимер выжил, я бы не позволил ему пичкать тебя рунами. Было бы невозможно проверить: помогает он или пытается нанести вред. Уверен, если получилось в прошлые разы, получится и снова. Нужно тренироваться. Тут я согласен с Сэтом.

Тренироваться. Ну конечно. Эти двое спелись почти сразу, бывшего трактирщика тянуло к таким типам... Подозрительным и опасным. Шутка ли, но даже близкие приятели иногда беззастенчиво именовали Сэта «вором». За былые заслуги?

Вор требовал от нее одного и того же, с заядлым постоянством. Райя делала все, как он говорил: представляла место, в которое хотела попасть, концентрировалась и все такое. Пару раз получилось, но с тем же успехом она могла споткнуться и рухнуть плашмя в нужное место: преодоленное расстояние не превышало пары шагов. Прыжки через небытие выматывали ее, даже если конечная точка находилась в той же комнате, как сейчас. Может, зараза преодолев расстояние между двумя городами, она растеряла весь свой ресурс?

Но этот человек был не из тех, кто спотыкается о надуманные препятствия.

Морн не сидел без дела, окружив себя новыми лицами за время ее отсутствия: никого из этих людей Райя в столице ранее не встречала. Разве что имя Лиры Августин отозвалось в голове слабым эхом: они определенно пересекались на каком-то из крупных торжеств.

Когда настал момент рассказать о пережитом в Фароте, девушка с замиранием сердца ждала обвинений в безумии. Хоть кто-то должен был усомниться в ее словах, как это всегда происходило на государственном совете: бесконечные пререкания и взаимные обвинения в невежестве. Теперь она смотрела на мир иначе и была уверена: убедить остальных в том, что все катится в бездну, будет непросто.

Впрочем, этих людей было сложно чем-нибудь удивить.

Она покинула столицу, когда Аргент был пышущим жизнью городом, главным на континенте. А вернулась в тот миг, когда привычный порядок вещей получил сокрушительный удар под дых.

Поэтому известие об их чудесном перемещении вызвало не перешептывания и косые взгляды, а сдержанный интерес. Например, пожилой врач — на тот момент Райя даже не знала его имени — бинтовал ей руку, мазал разбитый нос вонючей мазью, а попутно пытался вызнать всевозможные подробности о методах «лечения», которыми Мортимер едва ее не прикончил.

С тех пор недомогание отступило. Лишь изредка Райе казалось, что вот-вот и ее настигнут страдания, но все заканчивалось, не начавшись. Голова больше не разрывалась от боли, горло пришло в норму, а в груди не пылал огонь.

Если Йозеф не соврал и болезнь имела не физическую природу, то, вернувшись домой, Райя наконец обрела покой. Также сыграло роль то, что ее перестали ежедневно пичкать рунами, будь они неладны. Иногда она просыпалась среди ночи и с ужасом подносила к лицу перебинтованную ладонь, ожидая, что рана вот-вот начнет светиться, но нет. Тело поглотило все выплеснувшиеся на нее руны без остатка.

Светящиеся крупички были ключом ко всему, однако дозировку, которой ее пичкал ныне покойный исследователь, не знал больше никто. И даже выдай Райя позволение на дальнейшие опыты, остальные бы резко этому воспротивились, по разным причинам.

У Парацельса и вовсе отвисла челюсть от подобной задумки; пожилой врач долго не мог прийти в себя. А после пустился в длинные рассуждения, из которых стало ясно, что за годы врачебной практики он успел насмотреться на пациентов с рунным отравлением. Красочные эпитеты и подробное описание симптомов отбили бы тягу к экспериментам у кого угодно. Зато глава тайной службы почесывал подбородок и то и дело бросал на нее косые взгляды. Выражение его лица слишком уж напоминало то, которое Райя не раз видела на общих собраниях.

Закономерно, что история с перемещением сильнее всего заинтересовала человека, способного сходить через ту сторону за чашкой с напитком. Когда он впервые проделал это, даже не утруждая себя объяснениями, Райя устояла на ослабевших ногах, но окончательно убедилась: Симфарее, которую она знала прежде, пришел конец. Невероятное стало обыденностью.

Сэт взялся за нее как следует. Задавал вопросы, на которые у нее не было ответов. Поучал, объяснял и требовал. Обыденно сообщил, что первые несколько шагов через ту сторону дались ему спустя годы тренировок. Услышав обреченное фырканье в ответ, добавил, что у нее этих лет в запасе не имеется, а потому следует поторопиться.

Криво улыбнулся и наконец поделился с Райей своей историей.

В первые дни девушка пыталась оправиться от потрясения: больше рассказывала сама, чем узнавала что-то новое. Наверняка Мортин потребовал от остальных держать язык за зубами. Встреча с Риком и совместная с Гаазом борьба за его освобождение тоже отсрочили неизбежное, как Райя теперь понимала.

К известию о том, что ее родной город находится в осаде, добавилось новое знание: кратер, по которому ей удалось пройти своими ногами, был частью общей мозаики. А потом пришло понимание, насколько соблазнительно порой отмахнуться от правды с недоверчивой усмешкой.

Когда она узнала историю Эдвина, пальцы сами легли на лоб в молитвенном жесте — предельно искреннем, впервые за долгое время.

Этот странный парень с самого начала вызывал у Райи противоречивые чувства. Во всей истории с делегацией, смертью Хейзела и появлением Рика в столице она инстинктивно отдала главенствующую роль Лису. Молчаливый юноша, постоянно маячащий где-то неподалеку, больше напоминал покорного адъютанта. Выделялся он странным цветом волос, которые то и дело прятал под шапкой, шевелящимися невпопад, потрескавшимися губами, а также побитым и несчастным видом. Ну и глаза. Глаза, которые вмещали в себя всю тоску этого мира, так это выглядело.

Помимо тоски там таилось кое-что еще.

Девушка могла позавидовать Фрею. Узнав, что в одной комнате с ними находится божественная сущность, имя которой известно каждому на континенте, он лишь крикнул и почесал мясистый затылок. Сразу принял правила игры. Она могла бы поискать отражение собственных чувств на ошалевшем лице Коски, но ни молодого гвардейца, ни Рика рядом в тот момент не оказалось. Инициатива ли это Морна, Лиры или их обоих, Райя так и не выяснила. Поэтому пришлось вглядываться в лица новых знакомых, надеясь отыскать в них хотя бы намек на шутку.

Его там не было.

Когда Эдвин криво улыбнулся и развел руками, предлагая принять неизбежное, стало даже хуже. В этот момент жестами и мимикой он копировал Лиса. Райя буравила его взглядом, пытаясь осознать: неужели там, за этим тонким барьером из кожи, костей и чего-то еще, пока неподвластного ее пониманию, таится причина и следствие их существования?

«А теперь, госпожа Гидеон, будьте добры вновь поведать нам о том, что Йозеф Мортимер рассказывал вам о своих... идеях».

Одной этой просьбой Лира обозначила, как сильно может различаться взгляд на вещи. Кто мог подумать, что безумный исследователь окажется не так уж и безумен? Самопожертвование Годвина даровало миру спасение, взамен обрекая их всех на медленную и мучительную расплату. Сотни белоголовых томились на рудниках, разбросанных по континенту. Над мирозданием нависла угроза кратеров, ответов стало не многим больше, чем вопросов. А ее другу с седой макушкой оставалось жить пару лет, не более.

И их всех теперь объединила общая цель: убить бога. Узнав об этом, Райя все чаще отводила взгляд, стоило Эдвину посмотреть в ее сторону.

— Вы закончили?

Воспоминания и размышления уместились в одно мгновение; в реальности Мортнер нетерпеливо уставился на Лиса, безмятежно попивающего из кружки.

Глава тайной службы выбрал самый неудобный стул в комнате и теперь сидел на нем скрючившись, даже от одного вида у Райи заломило спину. Мысленно выразив протест подобному обращению с собой, она уселась в удобное кресло и придвинулась ближе к Фрею. Так, чтобы здоровяк заслонил собой место, где еще совсем недавно лежал Мортимер с перерезанным горлом. Она бы с удовольствием проводила эти встречи в другом месте, но довольствоваться пришлось тем, что пропитанный кровью и рвотой ковер отсюда вынесли.

— Лис, я не думаю, что из этого выйдет толк.

Райя дернула плечом. Голос Лиры звучал тускло, под стать физиономии. Она была красива и умна, этого не отнять, но в присутствии этой женщины у Райи всегда портилось настроение. Неважно, чем все завершится: паломница уже смирилась с тем, что с ними покончено. Вор носил в себе ту же тяжесть, но прикрывал ее ухмылкой и живым блеском глаз. Лира же смотрела на мир через тусклое стекло.

Надо признать: вначале она собиралась пожертвовать собой. Но с недавних пор груз лежал на чужих плечах. Поэтому немного поддержки не помешало бы. В то, что можно оказаться у центра впадины и вернуться живым, Райя не поверила ни на секунду. Эта мысль вызвала легкую тошноту, стоило начать задумываться.

При этом паломница никогда не упускала случая напомнить, что на кону стоит весь мир и жизнь каждого в Симфарее. Она умела отделять важное от второстепенного, этого у нее не отнять. Жаль только, что к второстепенному относились жизни людей, с которыми Райя совсем недавно познакомилась. До этого ей хватало и одного обреченного друга.

— Толк выйдет. Нужно время.

Сэт посуровел. С Лирой его явно связывали крепкие договоренности, заключенные перед концом света. Но порой в его интонациях проскальзывало что-то личное, и тогда по спине девушки пробежал холодок.

Райя догадывалась, что паломница терпит попытки Лиса обуздать перемещение сквозь небытие. Отослать Эдвина прочь при первой же возможности — таково было ее желание. Даже из осажденного города можно без проблем найти выход, главное — знать, где искать. И у кого спросить: не просто так глава тайной службы находился с ними в одной комнате. Лиру точно распирало от желания как можно скорее воплотить свой безумный план в жизнь, пусть даже чужими руками. Но одно дело — очутиться подле самой впадины, хотя и это представлялось задачей не из легких. Совсем другое — оказаться в ее эпицентре.

По словам вора, это расстояние в десятки раз превышало предел его возможностей. Даже при помощи Эдвина. Даже при условии, что перед этим они смогут зайти достаточно далеко, чтобы сделать этот последний, самоубийственный прыжок. Но появление Райи в Аргенте, как уверял Лис, все меняло.

К счастью, никто не потребовал от нее отправиться к центру впадины, самолично, прямоком с больничной койки. И все же у Райи было нехорошее подозрение, что стоит один раз повторить успех и кто-нибудь поднимет эту тему. Она даже знала кто, в очередной раз скользнув взглядом по хмурому лицу Лир.

Вначале паломница согласилась с доводами Сэта и даже присутствовала при их вялых попытках обуздать ту сторону. Говорила, что появилась возможность разобраться с этим сразу, не полагаясь на случай и удачу. Раз уж Йозеф смог спровоцировать путешествие между городами, то Лис мог рассчитывать на повторение успеха. Даже если ради этого придется влить в себя мешок рун, конец цитаты.

И теперь Лира, утратив терпение, постукивала сапогом по земле и пыталась решить, на кого сделать ставку: на старого вора, уже смирившегося со своей судьбой, или на девчонку, куда более способную, но совершенно не стремящуюся к смерти. Именно так Райя описывала себя в собственных мыслях.

— Об этом потом. — МORN побарабанил кривыми пальцами по колену. — Надо поговорить о более насущных вещах. Сначала я хотел бы...

— Сомневаюсь, что есть проблема серьезнее, чем угроза, о которой я напоминаю вам день за днем. — От Лир повеяло холодком.

МORN посмотрел на нее, прищурившись.

— Я, госпожа Августин, умею расставлять приоритеты. И если вам нужно напомнить о другой серьезной проблеме, то можете выйти на балкон.

— Это...

— Если вы все еще считаете нужным быть здесь, в чем меня заверили и вы сами, и ваши друзья, то я в очередной раз напомню: можете бороться за наше с вами будущее сколько угодно. Но даже если, — он намеренно выделил «если», — вы добьетесь успеха, то будущее, в котором от Аргента не осталось камня на камне, меня не интересует.

— Камня на камне? Войско утопает в грязи возле стен уже кучу времени. Вы могли убедиться: они не пойдут в атаку.

МORN слегка повернулся на стуле, посмотрел на Сэта.

— Господин Лис, окажете любезность? Давайте проговорим очевидное вслух? Вещи, понятные нам с вами, могут быть непостижимы для других.

Вор глотнул чая.

— Аргент в дерьме.

— Спасибо. А теперь поподробнее, пожалуйста.

— У Осфетида есть армия. Неплохая, крепкая. Всегда такой была. То, что я увидел при встрече с Колом Брутом, делает им честь. Впрочем, этого недостаточно, чтобы взять город прямо сейчас. Подобных ресурсов ни у кого нет, да никогда и не было. До недавнего времени. Ведь еще совсем недавно сложно было вообразить, что кто-то решится пойти войной на Аргент. Правила игры меняются чересчур быстро.

Райя нервно уточнила, погладив безделушку на запястье:

— Дело в браслетах?

— В том числе. Я долго ломал голову, какой браги напился Осфетид, что решился на подобное. С твоим прибытием, девочка, многое прояснилось. В былые времена этих ребят смяли бы, даже без привлечения дополнительных сил. Официально рунное оружие скрывалось в ножнах долгие годы, но оставалось веским аргументом в любых спорах. С ним приходилось считаться. А теперь обычный ли меч или светящийся — значения не имеет. Это преимущество утрачено.

— И что это значит? — Фрей вступил в разговор.

— Значит, что взятие города возможно, но это в теории. Им придется идти на жертвы. Много людей погибнет и Аргент почти наверняка победит, но высокой ценой. Навряд ли у Кола Брута есть указание рисковать всем достигнутым.

Лира скривила лицо:

— Тот факт, что куча военных возится в размокшей грязи, не имеет значения. Ведь в это время...

— Имеет. У них было время укрепиться и нарастить мощь. Тут надо поблагодарить Трагота Хослоу. Какой бардак творится в расквартированных по континенту гвардейских корпусах, еще предстоит разобраться. Кому-нибудь, кто будет готов с головой окунуться в дерьмо. Еще совсем недавно у армии Аргента было неоспоримое преимущество, Фелестин Тавор свел на нет аргумент двадцатилетней выдержки.

Он многозначительно посмотрел на Райю.

— Даже будь я на месте нового главнокомандующего, то точно не решился бы вывести войска из крупных городов. Попытавшись нарастить поддержку здесь, придется ослабить гарнизоны по всей стране. Вкус победы окажется с горчинкой, когда выяснится, что остатки войска по-прежнему заперты в городе, который теперь осаждают не только Кол Брут и его армия.

— Получается...

— Получается, что атаковать прямо сейчас — плохая идея. Даже в случае победы Аргент окажется ослаблен и открыт для будущих нападков. Которые, безусловно, последуют. Если попытаться подтянуть дополнительные силы — тот же результат, если не хуже. Будет потрачено время, а последствия могут быть катастрофическими. Для столицы, во всяком случае.

— Но чем лучше простое ожидание? То, что творится сейчас?

— Абсолютно ничем. Они крепчают с каждым днем, несмотря на погоду. И Осфетид согнал сюда отнюдь не всех, кого мог.

Лира нервно поправила волосы.

— Хорошо. Я услышала. Но с каких это пор вы боретесь за чужих господ?

Повисла тишина. Паломница объяснила:

— Если это настолько большая проблема, то пусть Вильгельм разбирается с ней сам. Вы уже успели заключить одну сделку за моей спиной и чудесным образом закрыли ее. Долг выплачен.

— Без этого долга, госпожа Августин, вы бы тут не сидели. — Морн ухмыльнулся.

— Но я здесь. И, будьте уверены, если учесть, какому риску подверг себя мальчик, то я бы лучше...

— Он уже не мальчик. И может принимать решения сам. — Сэт покачал головой, посмотрел на Морна. — А вот с остальным сложно спорить. Все договоренности выполнены. Рано или поздно мы уйдем, вы обеспечите нам безопасный путь отхода, а Вильгельму придется справляться самому. — В его голосе Райе почудилось злорадство. — Единственное, что меня удручает в этом городе, — это возможность как следует подготовиться к последнему этапу.

Девушка отвернулась к стене, сделав вид, что изучает трещины в камне. С подготовкой могут быть проблемы. Морн безумно хихикнул, не разделив ее мрачный настрой:

— Пусть так. Ваша позиция мне понятна. Но, насколько я помню, вначале вы явились ко мне в кабинет, чтобы рассказать о случившемся в библиотеке и воззвать о помощи. Сейчас там даже мышь не пробежит без моего разрешения, можете быть спокойны. И все-таки ресурсы не бесконечны. Если город падет...

— Не падет. — Лира скрестила руки на груди. — А если и так... К тому времени основная проблема будет решена. Иначе и быть не может.

— Будет ли? Путь на север долог. Вы, госпожа Августин, останетесь в городе, я так полагаю. В таком случае навряд ли наше с вами пребывание здесь будет продолжительным и комфортным. Скорее наоборот.

— О чем вы? Армия не возьмет город, а вы не можете прорвать осаду в ответ, как и было сказано. Паритет. Игра на истощение, и мне, если честно, плевать, кто победит.

— Об этом я и хотел поговорить. Госпожа Гидеон?

Райя вздрогнула:

— Да?

— Теперь попрошу вас выступить в качестве поддержки. Думаю, так будет более доходчиво. Вы успели провести определенное количество времени на государственном совете. К сожалению, состав его успел несколько поредеть. С бывшим главнокомандующим Хослоу мы теперь общаемся за закрытой дверью. Напомните, за что он у нас отвечал?

— Армия.

— Именно так. Не буду повторяться, господин Лис достаточно подробно озвучил проблемы, с которыми мы столкнулись в этой области. Далее. Господин Хейзел нас скоростижно покинул, о чем, честно говоря, у меня нет времени сожалеть. Теперь, за отсутствием официальной замены, я принимаю отчеты от Артамира. Его имя не столь на слуху, расскажете непосвященным?

— Привратник столичного рудника.

— На протяжении долгих лет. Несмотря на преклонный возраст, его доклады читать — одно удовольствие. Буква к букве, цифры перепроверены и не вызывают сомнений. Столица купается в рунах. Купалась.

Сэт нехорошо улыбнулся, одними губами повторил последнее слово. Морт сложил руки в замок, обратился к ней:

— Госпожа Гидеон?

— Э-э-э... — Ответ тут же нашелся. — Дата ближайшей поставки?

— В точку. Белоголовые потрудились как следует. Можно было бы порадоваться, вот только Аргент ничего не получит. Конвой был перехвачен, та область взята под контроль врагом. Гвардейцы и работники, сопровождавшие груз, были убиты.

Фрей поперхнулся:

— Каким это образом? Для этого понадобилась бы отдельная...

— Об этом чуть позже. Но вы, господин Лис, не удивлены.

Морт пожал плечами.

— Логичный шаг. Отрезать город от основного источника рун — это смело.

— Какова вероятность, что их следующей целью будет рудник?

— Высока. Кол Брут прекрасно осознает зависимость города от этих поставок. Среди прочего, их армия растет, а значит, нужны дополнительные ресурсы на производство этих штук. Вор указал себе на запястье, — и другие военные нужды. Полагаю, что Брут пока не готов уводить часть войска прочь от столицы, еще и сражаться придется не в самых полезных для здоровья условиях. Но это вопрос времени.

— Хренова провокация. — Фрей рубанул ребром ладони по воздуху. — На руднике служит не так много людей, если сравнивать с целым городом. Еще обычные работники и белоголовые, множество их. Это главный рудник на континенте. Тот же Иммар был послабее, но

там орудовало куда меньше людей, я читал отчеты. Лакомый кусочек, и они уже вооружились вилкой и ножом.

— Да. Единственная причина, по которой они захватили груз, но не сам рудник, — упомянутая провокация. — Лис со стуком отставил кружку в сторону.

Морн пожевал нижнюю губу, живущий отдельно от остального лица рот искривился в улыбке.

— Госпожа Гидеон?

— Хотят, чтобы вы... Мы бросились на защиту рудника. Отправили туда гвардию, вынудив себя воевать сразу на нескольких направлениях.

Было крайне тяжело избавиться от вопросительной интонации; Райя порадовалась, что сказанное прозвучало твердо. Как будто она была уверена в своих словах. К счастью, Сэт подтвердил:

— Они понимают, что мы понимаем.

— Уже представляю, как будут ныть высокоро... Какое недовольство поднимется в случае дефицита, — Фрей пристукнул каблуком по полу, — но я привык чистить сапоги при свете свечи, чего и вам желаю.

Морн перестал улыбаться, вперившись взглядом в своего информатора.

— Сапоги могут остаться не чищены, большой беды нет. А вот все городские структуры, которые существуют и функционируют за счет рун, не могут просто остановиться. Нужно ли мне перечислить их все по порядку?

— Обойдусь.

Райя нервно поерзала в своем кресле. Черная мантия взял слово:

— Тогда отдельно поговорим о переправе через озеро. Она могла бы функционировать сама по себе, даже без рун, пусть и с меньшей эффективностью. Сомнений нет, именно поэтому ее недавно взорвали. Наглядная демонстрация серьезности намерений. Госпожа Гидеон, вы посетили множество уроков по истории города. Поделитесь, чем нам это грозит?

Уже подзабытая роль примерной ученицы, ну наконец-то. Райя принялась вспоминать:

— Раньше это была переправа, но с появлением рудников арочные опоры были переделаны и улучшены, что добавило городу автономности. Вода стала поступать из озера напрямую, там же и очищаясь. Это не было заложено при постройке, поэтому не похоже на обычный акведук. Процесс, насколько мне помнится, сильно зависим от рун: они приводят водоотвод в движение. Без этого желоб выкачивал бы воду чересчур медленно.

Даже Морн слегка приподнял бровь. В ответ на удивленные взгляды Райя смущенно буркнула:

— После того, как я узнала о случившемся, посидела над книгами и освежила знания. Так вот. О нынешнем состоянии механизма в старых бумагах ничего нет, понятное дело. Но тот, кто планировал взрыв, знал, что делал, я так полагаю.

— Правильно полагаете. — Черная мантия скупно кивнул. — Подача воды нарушена. Сохранившаяся часть структуры, ближе к городу, продолжает работать, но на износ. Чтобы вода дошла куда нужно, требуется в разы больше рун, чем раньше. Долго так продолжаться не может.

— Это значит, что с нарушением поставок подача воды скоро прекратится?

— В нужном городу объеме — да. Уже прекратилась.

Все замолчали; Фрей почесал лысину и ввернул, ни к кому особо не обращаясь:

— Раз нет воды — придется травиться пойлом покрепче. Я как будто опять в лавке, в Фароте.

— Превратить город в один большой замызганный трактир — плохая идея.

— Как скоро люди озвереют, оставшись в городе взаперти, без воды, удобств...

— Это еще не все.

Морн оглядел присутствующих, хмыкнул, когда даже Лира выпрямилась в своем кресле.

— Далеко не все. Теперь я знаю, кто взорвал опоры. И подозреваю, что поставку с рудника захватили те же люди, пока Кол Брут не отходит от города ни на шаг. Амирель.

— Амирель, — вор отлип от балконной двери, — правительница Вествуда?

— Да.

— Звучит как бред. Я был там. Мы были, совсем недавно. По городу расхаживает гвардия и никаких следов подготовки к мятежу. Это не могло пройти незамеченным: перебросить целое войско с запада в Столичные земли...

— Западное войско сейчас на западе. Ставлю бутылку вина: план в том, чтобы дожидаться, когда мы перетянем силы на помощь столице. После чего провернуть то же самое, что учинил Осфетид в Фароте. Похоже, они с Амирель прекрасно спелись на почве ненависти к владыке.

— И что говорит по этому поводу сам владыка?

— Не ваше дело. Но задумка логичная: Вествуд не близко, но в пределах разумного. Расчет понятен. Сейчас возле столицы орудует небольшая часть западной армии. Та, которую Амирель выделила для поддержки Бруту. И они уже дважды успели как следует отметиться.

Фрей пробурчал:

— Как эти ублюдки оказались здесь так быстро, да еще и не привлекая внимания, — отдельный разговор.

— Следите за языком, — Морн звучал почти весело, — правительница среди них.

— Что?

— Сомневаюсь, что она лично бегала вокруг озера или резала глотки при захвате конвоя, но Амирель всегда была бойкой девочкой. Даже чересчур бойкой. Чтобы обуздать ее нрав после смерти отца — понадобилось достаточно много сил и времени, вы должны помнить.

Казалось, челюсть Сэта лопнет от напряжения, эмоции стерлись с лица. Райя непонимающе pokrутила головой.

— О чем идет речь?

— О, об этом вы не в курсе. Уважаемый Лис не всегда носил этот чудесный жилет. Двадцать лет назад он был среди тех, кто занял Вествуд, будучи одетым в серебряные доспехи.

— Вы были гвардейцем?!

— Не хочу говорить об этом.

— Но резня в Вествуде...

Райя осеклась; Сэт покачал головой, повторил:

— Не хочу говорить об этом. А вы слишком легко распоряжаетесь чужим прошлым.

Он с угрозой посмотрел на Морна, тот и бровью не повел.

— Прошу меня простить. Так или иначе, уроки, которые Амирель получила в юности, не пошли ей впрок. И сейчас мы имеем то, что имеем. То, что она явилась к столице лично, должно быть частью каких-то договоренностей с Осфетидом. Она никогда не могла усидеть на месте, праздность на троне — не для этой девчонки.

— Девочке уже ближе к сорока.

— Тридцать пять, если я не ошибаюсь. Но обычно с возрастом люди умнеют, а не наоборот.

— Смогла договориться с Осфетидом, притащить своих людей к столице, нарушить подачу воды и поставки рун в город. Чем не следствие того, что правительница и правда поумнела?

Морн пожал плечами, Сэт мстительно ухмыльнулся. Лира заговорила после долгого молчания:

— Это правда? Вы уверены, что Амирель здесь?

— Уверен. У меня есть глаза и уши в их лагере.

— Если так, то все еще хуже, чем я думала. Нужно спешить. — Она уставилась на Лиса. — Я хочу, чтобы вы отправились в путь, немедленно.

— Осталось придумать, что делать с западным войском, — вор невесело хмыкнул, — которое теперь патрулирует окрестности. Уверен, свалить прочь, да так, чтобы пятки сверкали, тоже будет не так легко. Но мы пробьемся, не сомневайся. Одним махом отправим в небытие их всех и выиграем Вильгельму очередную войну.

Он протянул это с убийственной иронией. Лира вскинулась:

— Вот мы сидим тут, а где-то белоголового готовят к насильной отправке в небытие. То, что фаротский рудник пал, не имеет значения. Эти люди идут к своей цели и ни перед чем не остановятся. Одновременно с тем западная армия тоже получит эти браслеты, а война выплеснется за пределы Столичных земель...

— К слову об этом.

Не удержавшись, Райя подалась вперед, Фрей покосился в ее сторону. В голосе паломницы прорезались панические нотки, впервые за все время. Морн сидел мрачнее тучи, больше не пытаясь улыбаться, кривой рот некрасиво приоткрылся. Сэт выглядел бодрым, куда бодрее, чем в начале разговора. И навряд ли причиной тому был горячий чай. Райя почти уверилась, что вор хотел спасти мир и столицу ровно в той же степени, в какой желал краха Вильгельму и созданному им порядку. Тому порядку, что когда-то взрастил его самого.

Пожалуй, самое время пустить в ход аргумент, который она до сих пор держала при себе.

Инцидент на руднике, предательство Байрона, рассказ Мортимера — пережитое в Фароте оставило глубокий след и напомнило простую истину: не верь никому. После возвращения в Аргент она получила очередное подтверждение. Не зря же Трагот Хослоу сейчас сидел в тюремной камере. Потребовалось время, чтобы понять: кому она может доверять в столице? Раньше со всеми своими проблемами она бы пошла напрямик к отцу. Но теперь...

Даже по поводу Морна у Райи были сомнения, однако за последние дни они если не полностью, то отпали. Черная мантия вел свою игру, но цель у них была общая. Разнились методы. Осталось не упустить момент, когда она станет разменной монетой для сторбленного хитреца. А до той поры им предстоит работать вместе.

Внезапно выяснилось, что во всю эту историю с белоголовыми она впуталась постольку-поскольку. Теперь все зависело от Лиса, Эдвина и тех, на кого они могли опереться. Райя была готова внести свой вклад, но понимала, что в этой истории ей не досталась главная роль. Тем более что идей, как остановить появление новых кратеров, у нее не было.

Что касается войны, в эпицентре которой она очулась... Сэт может ухмыляться и иронизировать сколько угодно. Она не позволит сдать родной город, какими бы ни были счета к Вильгельму и его власти. Подбодрив себя этой мыслью, Райя громко сказала:

— Фарот атаковал нас, как только появились они. — Она постучала ногтем по кольцу, охватывавшему ее запястье. — Да, теперь мы знаем, как снять ошейник, но даже если с браслетами это работает так же...

Фрей вклинился:

— Не рекомендую проверять на себе. Кто знает, вдруг руны, которые Мортимер добавлял в «лекарство», сразу тебя прикончат. Не хотелось бы.

— Даже если все сработает, вряд ли у нас будет возможность поштучно снять браслеты с целой армии. Значит, нужно искать нечто большее. Критический изъян. Уверена, он существует.

— В ошейниках такого не замечено.

— Ошейники почти идеальны — не знаю, кто их придумал, но он был гением. Браслеты создал Фелестин, в заточении, сидя в подвале. Свою роль они выполняют исправно, но им наверняка можно что-то противопоставить.

— Но Фелестин мертв.

— Как и Мортимер. К сожалению.

— Сожалею, но не сильно. Он был психом. Они оба, каждый по-своему. Двое сумасшедших, у которых было достаточно мозгов, чтобы повернуть все вспять, ушли в небытие.

— Двое сумасшедших... Байрон послал нас в подвал обители за дневником первого, а второй собирался использовать его для всех своих затей... Ну... Тех самых, которыми он занимался. — Райя беспомощно развела руками. — Я уверена: если эти записи были так важны для обоих, то в них скрыто именно то, что мы ищем.

Фрей пожал плечами.

— Звучит резонно: каким бы говнюком Тавор ни был, перед смертью он предпочел отдать вам записи, а не что-то еще. Но даже если у нас найдется кто-то достаточно умный, чтобы разобраться в том, что там написано, — это не имеет значения. Дневник теперь у Байрона...

Он запнулся, увидев, что Райя копошится в складках юбки. Девушка не смогла сдержаться, ехидная улыбка выползла на лицо. Мысленно проклиная себя за то, что стоит с физиономией ребенка, провернувшего шалость, она выудила на свет книжицу в мягком кожаном переплете. Фрей сузил глаза.

— Я сам видел, как ты швырнула дневник на землю.

— Если честно, я надеялась его сжечь, но не попала. А потом произошло то, что произошло. Да, та книжка определенно сейчас у Байрона.

— Подделка? — Фрей даже хлопнул в ладоши, в его глазах зажегся огонек.

Морн выпрямился на стуле, но перебивать не стал. Райя поведала:

— После встречи с Мальберном — тогда, в городе, — я поняла: дело плохо. Но об истинных мотивах Байрона могла лишь догадываться. Перед тем как предложить переехать в свой особняк, он пытался разузнать, удалось ли нам вынести что-нибудь из обители. Пожалуй, это был единственный раз за весь разговор, когда он проявил заинтересованность. На рассказ о том, как погибли мои друзья, ему было плевать.

Фрей что-то невнятно рыкнул.

— Поэтому я решила рискнуть и все же показать Мортимеру дневник. Но отдавать ему в руки оригинал, — она потрясла им в воздухе, — было слишком опасно. Мы с Гектором заглянули в лавку, где делают такие штуки. Вышло очень похоже. Сомневаюсь, что Байрон вообще видел подлинник своими глазами, а я бы и сама не сразу заметила подмену.

— Впечатляет, дорогуша. Правда впечатляет, священнослужитель таки хлебнул дерьма, твоими усилиями! То есть все это время, после того как мы вытащили вас из колодца, ты размахивала копией? Это отличная новость. Конечно, он уже заглянул внутрь и убедился, что это не тот дневник, но...

Здоровяк осекся, Райя нервно хихикнула:

— Поэтому мы и отвалили той лавке кругленькую сумму. За срочность. У меня было достаточно времени, чтобы перенести записи и добавить кое-что от себя. Хотя нет, правильное будет сказать, что я повторяла структуру. Если в оригинале шло несколько строчек вычислений, а следом рисунок, то в копии все оставалось на своих местах. Когда нужно следовать образцу, много времени на это не уходит.

— Уверен, Байрон разбирается в ученой писанине не больше нашего.

— А его главный эксперт — мертв. Святому отцу придется потратить время и ресурсы, передать текст на расшифровку. В худшем случае он обнаружит, что записи поддельные.

— В лучшем, правда, воспользуется новым знанием. — Фрей удовлетворенно рыкнул. — Надеюсь, какая-нибудь рунная хрень его и прикончит.

— И правда хорошая новость, госпожа Гидеон. — Морн скрипнул стулом.

Райя повернулась к нему.

— Благодарю. А теперь неплохо было бы найти в этом замке того, кто сможет разобраться в записях. Да, церковь контролирует всех столичных исследователей, но мы найдем выход.

— Если никто не против, я хотел бы взглянуть.

В пылу разговора она не заметила, как открылась дверь. Обернувшись, Райя обнаружила на пороге новых слушателей. Почти всех, кто должен был прийти. И даже больше.

Парацельс вошел первым, неловко удерживая узловатыми руками связку сушеных растений. Именно ему принадлежала последняя фраза, и доктор с интересом смотрел на дневник в ее руке. В коридоре маячил Бася: пробежавшись глазами по комнате, он остановил свой взгляд на Лире и замер, как марионетка, ожидающая дальнейших приказов.

Между ними, возвышаясь над врачом и слегка проигрывая серому плащу, стояла парочка, которую она не рассчитывала увидеть рядом друг с другом. Эдвин посмотрел на нее и тут же отвернулся, попутно стянув с головы дурацкий чепец — выбритая макушка заблестела серебром.

Так у них стало еще больше общего с Риком, который прятал нижнюю половину лица в складках шарфа. Высокие, с загоревшей до шоколадного оттенка кожей и светлыми макушками, они невольно напоминали друг друга. У Эдвина лишь на кончиках прядей проглядывал родной темный цвет волос, тогда как у Рика северная белизна смешалась с сединой белоголового. Оба выглядели изможденными: щеки ввалились, отчего глаза казались огромными на исхудалых лицах. Вдобавок Рик до сих пор носил на себе следы побоев. Путешествие в составе фаротской армии не прибавило ему здоровья.

Райя вздохнула: это не помешало белоголовому подмигнуть ей.

Глава 3. Белоголовый и медальон

Эдвин на цыпочках метнулся к двери. Пританцовывая на холодном полу, натянул штаны и рубаху, зашнуровал ботинки. Ругнулся, тихо, одними губами.

По небу перекатывались облака, из приоткрытого окна тянуло сыростью. Где-то там было солнце, сейчас скрытое от него пасмурным занавесом. И висело оно уже достаточно высоко, без сомнений. Он опаздывал.

Закончив одеваться, Эдвин, мягко ступая, подошел к окну, аккуратно затворил створку, зябко поежился. На мгновение задержался, пытаясь увидеть хоть что-то в туманной завесе. Скосил глаза на торговку. Бывшую торговку.

Ани распласталась перед ним, выставив загорелую ногу из-под одеяла. Одну руку она закинула за голову, подперев коротко стриженный затылок, вторую вытянула вдоль изголовья, рот по-детски приоткрылся. Ровное дыхание, перебиваемое тихим храпом, звучало лучше любой музыки.

Эдвин ощутил непреодолимое желание скинуть обратно на пол колючую одежду, нырнуть напрямик туда, в недра кровати, прижаться к этому человеку. Вместо этого он подошел поближе, кончиками пальцев взялся за одеяло и накрыл им голую ногу. После чего с чувством удовлетворения и в то же время глубокого сожаления вышел из комнаты.

Ему влетит за то, что не разбудил, сомнений нет.

Ани стремилась оказаться в центре любых событий, но судьба неизменно оставляла ее где-то на обочине. Теперь и по его вине. Порой Эдвину казалось, что, став ближе друг к другу, они лишь сильнее отделились. Отправка на север была неизбежна и с каждым днем неумолимо приближалась. За это время юноша успел сломать голову, пытаясь придумать, как убедить торговку не идти с ними. И вместе с тем ловил себя на другой мысли: хотелось не расставаться с ней ни на миг.

Он прикрыл за собой дверь, рассудив, что вряд ли среди пустой болтовни проскользнет что-то важное. Подобные сборища оттягивали неизбежное.

«Нет ничего неизбежного, когда сам принимаешь решения».

«Я знаю».

«Я бы мог перечислить каждого...»

«Знаешь, кого нет в списке тех, кого я собираюсь слушать? Тебя».

Годвин злое примолк. После вылазки за пределы города он восстановился с пугающей быстротой и с тех пор не замолкал даже тогда, когда Эдвин был готов выть от желания остаться наедине с собой. Теперь это удавалось нечасто.

«Я ведь знаю, о чем ты думаешь. И куда бы ты предпочел отправиться вместо того, чтобы бесконечно брести на север, в компании тех, кто никогда не примет иного выбора».

«Так, значит, выбор все-таки есть? Я запомню».

«Помни».

На лице изначального, если таковое вообще имелось, наверняка расплзлась холодная улыбка. Именно таким Эдвин теперь его и представлял: расчетливым, утратившим большую часть своей мощи, но не готовым лишиться ее окончательно. Древний бог, остановившийся на постой внутри его черепашки, совсем не вязался с образом, который церковь вдалбливала в головы всем и каждому с самого детства. Да, когда-то он пожертвовал собой. Не до конца, конечно. Иначе бы они сейчас не разговаривали. Но о том, какими изначальные были до того, как их полюбили ныне живущие, Эдвин предпочитал не задумываться.

Хотя кто знает: если прожить больше тысячи лет на границе небытия, характер и правда может испортиться.

Появление в его жизни Райи Гидеон многое расставило по своим местам. Ее история была столь же безумна, как и его собственная. И с ее слов образ Годвина обрел пугающе четкие очертания: искореженный отголосок главного изначального, придавленный огромной грудой камней где-то там, далеко на севере. Пусть эти камни были ненастоящими, вымышленными — скоро им с Лисом предстояло убедиться в этом лично.

От происходящего голова шла кругом. Эдвин продолжал топтаться в начале судьбоносной развилки, зная, что для него существует только один путь. Но забыть обо всех остальных было не так-то просто.

Зато внимание окружающих было приковано к конфликту, развернувшемуся у них под боком. Аргент томился в осаде. Да, им с Сэтом удалось как следует проредить ряды фаротских военных, о чем Эдвин до сих пор вспоминал с невольной дрожью — и сквозняк тут был ни при чем. Но, судя по словам, которыми разбрасывался Морн, до конца было еще далеко. Оставшись наедине с Парацельсом, Эдвин осторожно расспросил старика о положении дел. До недавнего времени он слабо представлял даже дорогу между городами, что уж говорить о политической обстановке на континенте.

Стало понятнее ровно настолько, чтобы убедиться: пусть с этим разбирается кто-то другой.

Эдвин не сомневался, что Морн в кровь искусал свои тонкие губы, пытаясь придумать, как бы еще их использовать. Спасибо, но нет. Уговор есть уговор. Старый лис выглядел безмятежно, и все же для себя Эдвин решил: если обещания будут нарушены, сдерживаться он не станет.

Морну лучше бы положиться на Райю Гидеон, которая была дочерью важного человека и прекрасно разбиралась во всех этих высокородных делах. Вместе с ней путешествовала компания столь же разношерстная, как и его собственная. Громила с лицом пьянчуги и холеный, гладко выбритый гвардеец — та еще парочка. Казалось, они ведут ее вперед под руки: один слева, другой справа. Обоим Гидеон проигрывала в росте больше чем на голову, а потому еще забавнее было видеть, что в этой тройке главной оставалась именно она.

Помимо этого, другая женщина, тоже высокородная, оказалась в темнице. Для Эдвина это событие мало что значило и вполне могло пройти незамеченным, если бы Сэт не менялся в лице всякий раз, когда кто-то упоминал эту Алиеонору. Имечко было что надо и никак не хотело ложиться на язык. Казалось бы, после встречи с закованным в цепи главнокомандующим ничто не сможет его удивить, но Лис так не считал. А о причинах своего беспокойства, как всегда, умалчивал.

Раздумывая над всем этим, Эдвин быстро шагал по коридорам замка, в которых уже начал хоть немного ориентироваться. Может, кому-то что-то шепнул Морн или тут было так заведено, но редкие встречные слуги и люди, на слуг не слишком похожие, полностью его игнорировали.

Вообще, для такого огромного сооружения народу внутри было на удивление мало. В зданиях, подобных этому, юноша никогда не бывал, но в его представлении место, где жил сам Вильгельм, должно было выглядеть побогаче. Может, в других частях замка жизнь и кипела, но здесь, среди отведенных им помещений и тянувшихся к ним каменных кишок, время замерло. В отдаленные уголки и на верхние этажи он благоразумно не совался, поэтому догадки так и оставались догадками.

Эдвин резко повернул за угол, споткнулся о выбоину в камне и оперся о стену, чтобы не упасть. Машинально потер отметину на ладони, проверяя, на месте ли она. На месте. Морн был прав: раны заживают, но шрамы остаются навсегда. Юноша поднял глаза — и застыл. С противоположного конца коридора к той самой двери, к которой спешил и сам, шагали трое. Похоже, сегодня припозднился не он один.

Кому-то из них он всегда был рад, а кому-то — не очень.

Бася — ну конечно же — даже бровью не повел. Парацельс, отдуваясь за всех, зажал под мышкой какой-то сверток и приветственно помахал рукой. Вздыхнув, Эдвин двинулся им навстречу. С пожилым доктором в последнее время они пересекались реже, чем ему хотелось: бесчисленные заботы полностью поглотили внимание Гааза. И неудивительно, учитывая количество побитых и раненых людей вокруг. Ведь далеко не у всех раны затягиваются сами собой.

Еще одна причина их редкого общения маячила прямоком за плечом целителя. Легкая ухмылка, как всегда, играла на его губах. С лицом, покрытым свежими синяками и порезами, она сочеталась скверно. Эдвин не улыбнулся в ответ, размышляя о том, что большинством этих отметин северянина наградил он сам. Попади изначальный чуть точнее, и для этого парня все было бы кончено.

Рикарда происходящее, похоже, заботило мало. Для человека, которого жизнь долго и старательно возила лицом по земле, он держался молодцом. Шутил и улыбался как ни в чем не бывало. Это нервировало. И плевать, что он при всех нацепил на себя ошейник. Так или иначе, лучше белоголовый в удавке, чем без нее. Мало ли странных людей повстречалось им за последнее время?

Об отличительных чертах северян юноша слышал немало. Может, даже встречал кого-то из них в городе, но не обращал внимания. На Рикарда же было трудно не пялиться — по крайней мере, если до этого всю жизнь провел в Срединных землях.

Даже под маской из застарелых ран в его чертах угадывалось иное происхождение, а глаза сияли голубизной, подчеркивая ввалившиеся щеки и придавая парню еще более полоумный вид. Коротко стриженная седая макушка и повязанный шарф, скрывающий ошейник, дополняли картину.

Его история тоже не могла вызвать ничего, кроме озадаченного почесывания затылка. Казалось, вот он удерживает Бернала за шкуру, недобро улыбаясь, а после дерется с Сэтом в грязи. И тут он уже в замке, со всеми на короткой ноге, освобожденный от пут стараниями высокородной и пожилого врача.

Заступничество Райи Гидеон для Эдвина значило мало, но Гаазу он доверил бы свою жизнь, а потому пытался уложить происходящее в голове. Пока получалось плохо. Рик для него был не старым другом и не помощником. Он был угрозой, которая внезапно сошла на нет. Слишком уж внезапно.

И в скором времени им предстояло отправиться на родину этого парня. Эдвин правда надеялся, что не все северяне такие... непредсказуемые.

Он кивнул, поприветствовав всех троих. Гааз уже взялся за ручку двери, но так и замер с рассеянным видом, вслушиваясь в то, что долетало из-за створки. Избегая быть втянутым в разговор, Эдвин указал пальцем на дверь и вопросительно приподнял брови, попутно размышляя о том, что сейчас мог бы обнимать Ани под теплым одеялом. Повинуясь его жесту, Парацельс сделал шаг вперед. До ушей донеслось:

— ...контролирует всех столичных исследователей, но мы найдем выход.

— Если никто не против, я хотел бы взглянуть. — Старик высказался прямо с порога.

Эдвин выглянул из-за его плеча. Сэт стоял у балконной двери, сложив руки на груди; глаза его нетерпеливо блестели, а уголки губ поползли вверх — вора явно что-то развеселило. А подобное случалось не так уж часто. Лира же, напротив, сидела мрачнее тучи, будто собиралась кого-то хоронить. Эдвин даже знал кого. И не просто собиралась, а всю на этом настаивала.

Морну утренний свет не шел: при нем он выглядел куда менее внушительно. Сидел на стуле, скрючившись и задумчиво поглаживая подбородок.

Перед тем как они вошли, всеобщим вниманием владела Райя Гидеон. Она стояла ближе всех к входу и вдохновенно вещала, активно размахивая руками. Целиком заслонить своего огромного лысого спутника ей не удалось: прямо с порога Эдвин разглядел массивные ладони,

покоившиеся на подлокотниках кресла. Увидев, что высокородная смотрит прямо на него, он спешно отвернулся.

Если так подумать, с кем она явилась в замок, волновало его меньше, чем то, как она это сделала.

Прыжок на ту сторону, похожий на те, что демонстрировал Сэт. Но высокородной удалось преодолеть какое-то огромное, не поддающееся измерению расстояние, что не шло ни в какое сравнение с их скачком через весь Вествуд. Причем Райя справилась без помощи главного изначального, заодно прихватив с собой кучу друзей. Теперь Лис возился с ней, вкладывая в это всего себя. Даже больше, чем в бесконечные тренировки с Эдвином.

Хотя, казалось бы, куда уж больше?

Юноша нервно дернулся. В план вора он особо не верил, но был неравнодушен к нему по другой причине. Если бы вышло, что для Райи Гидеон расстояние — не проблема, то перед ним открывался ряд интересных возможностей. С северной впадиной никак не связанных.

Все так же отводя глаза, Эдвин шмыгнул мимо Гааза и отступил в тень, встав позади вора. Оперся о стену и приготовился слушать. И как раз вовремя — паломница воскликнула, не скрывая раздражения:

— Парацельс, мы уже говорили об этом! И не раз: вещи, которые здесь обсуждаются, не для чужих ушей.

— А я вам уже неоднократно отвечал, госпожа Августин: чужих ушей я здесь не наблюдаю.

Бася медленно прошествовал на свой обычный пост позади Лиры. Доктор захлопнул дверь — возможно, чуть сильнее, чем требовалось. Паломница ладонью отерла лоб, разворошив золотистые пряди, и устало сказала:

— У меня нет личной неприязни. — Повернув лицо к Рикарду, она повторила, глядя ему в глаза: — У меня нет к тебе личной неприязни. Но среди наших врагов есть те, кто использует белоголовых. Использует для того, чтобы обрушить этот мир в бездну.

Она поднялась на ноги, обратилась уже ко всем:

— А этот юноша, помимо того что он белоголовый, провел несколько недель в стане врага. Он сражался против нас. Ровно до того момента, когда оказался в замке. Как удобно, не правда ли? Я помню все ваши доводы, — она взмахнула ладонью, увидев, что Райя и Парацельс одновременно готовы возразить, — но неужели мы готовы обсуждать вещи, от которых зависит будущее Симфареи, в присутствии человека, которому не можем полностью доверять?

Райя тихо сказала:

— Я доверяю ему полностью.

— Рада за вас, госпожа Гидеон. Но не разделяю эту точку зрения. Опять же, очень удобно, что ваш друг ничего не помнит.

— Почти ничего.

— Почти ничего. И это «почти» сводится к тому, что он был заперт где-то внутри своего сознания. И все. Я права, молодой человек?

— Да, абсолютно верно. — Рикард обезоруживающе улыбнулся.

Эдвин поморщился — это тоже не давало ему покоя. Разумы, соседствующие в пределах одной головы. Это о чем-то напоминает, верно? Может, и правда стоит найти время, чтобы преодолеть разделяющий их барьер, который он сам и выстроил?

— В таком случае я вынуждена настаивать. — Паломница поджала губы.

Райя Гидеон выпалила:

— На расшифровку записей понадобится время. И то, — палец ее забинтованной руки взметнулся вверх, — успех не гарантирован. К слову, я услышала вас, господин Гааз, спасибо! Думаю, вам и правда стоит взглянуть. Но если выйти на балкон, что мы увидим? Костры вра-

жеской армии на горизонте. Попутно враг продолжает плести свои интриги, а кое-кто из нас, — Эдвин поймал ее взгляд, — собрался на север, чтобы положить этому конец.

— Госпожа Гидеон... — Лира нервно качнула головой.

— Мы уже обсуждали: у врага точно есть свои люди в замке. И не один-два, а на всех уровнях. Вдумайтесь! Трагот Хослоу оказался предателем, и плевать, принудили ли его к сотрудничеству шантажом или как-то еще. Мало кто на континенте обладает подобной властью. Кто-то устроил для Сэта ловушку в библиотеке, а затем без особых трудностей провел туда белоголового. Фиону и вовсе приставили ко мне несколько лет назад, когда нынешних проблем даже на горизонте не было. И неужели вы верите, что эти люди не знают о ваших планах? — Она уставилась на Лиру. — Ну? Какие мысли на этот счет?

— К чему вы ведете?

— К тому, что ваши опасения смешны. Уверена, противнику, будь то правящая верхушка Фарота или кто-то еще, обо всем и так известно. А значит, если держать Рика в неведении, это не поможет, а навредит всем нам. Я знаю мало надежных людей, и он даст фору любому из них. Все мы оказались в этой комнате потому, что были готовы чем-то пожертвовать.

В этот момент зрение Эдвина слегка поплыло; казалось, что он посмотрел на людей под другим углом, на всех разом. Слова высокородной нашли отклик среди слушателей. Фрей сдвинул брови и отвернулся, в лице Баси что-то дрогнуло, даже Сэт помрачнел.

«Что эти люди могут знать о настоящей потере?»

— И пока вы потакаете своей паранойе и подрываете доверие в наших рядах — враг имеет преимущество. — Райя резко замолкла и уселась обратно в кресло. Она тоже скрестила руки на груди, повторяя за паломницей. — Нам пора перестать спорить об одном и том же. Лучше порадитесь, что Рик на нашей стороне... а не на противоположной.

От Эдвина не укрылось, как эти двое переглянулись. В сказанное явно был заложен смысл, понятный северянину. Лира открыла было рот, но вместо нее высказался Морн. Голос его скрипел, как несмазанная дверная петля:

— Смеею напомнить, что присутствие этого юноши хоть где-либо, кроме одного из подконтрольных Аргенту рудников, уже является преступлением.

Он вдруг ухмыльнулся и сторбился еще больше, наклонившись вперед.

— Но без нарушения правил было бы не так весело. Вас, Рикард, обсуждают как диковину на рынке, и доводы сторон не меняются день ото дня. С одним сложно спорить: ценность ваша как товара чересчур высока. Поэтому я склонен довериться госпоже Гидеон. Но кому это пойдет на пользу — еще предстоит решить. Пожалуй, сейчас лучший момент, чтобы дать вам высказаться.

Белоголовый вновь разомкнул потрескавшиеся губы, обнажив прореху в рядах зубов, Эдвин вздрогнул от отвращения. При этом голос северянина звучал твердо, из тона выветрилась неуместная веселость:

— Честно сказать, провались в небытие тот рынок, на котором вы обычно торгуете. Прорехав через половину континента в клетке, начинаешь немного иначе смотреть на вещи. Кто бы ни победил в этой войне — я проиграю. Останусь преследуемым изгоем до самого конца. Вильгельм и Осфетид — две половинки прогнившего яблока. Черная сердцевина посередине, прямо как бездонный кратер. И то, что я оказался в рядах армии, которая сейчас стоит за окном, — удобное совпадение, сыгравшее на руку другому мне. И, возможно, тому, кто освободил его из очередной клетки.

Рик криво улыбнулся и постучал пальцем себе по виску.

— Теперь карпетский вор ушел в небытие. Его воспоминания где-то там, внутри, и мне очень бы хотелось до них докопаться. На это может уйти время, которого у меня не так уж много. — Он оттянул шарф, обнажив ошейник с перекатывающейся внутри дымкой. — Предпочту провести его с пользой.

Удавка на его шее притянула взгляды, улыбка стала шире.

— Высокородные из Аргента пытались заставить меня дышать пылью на руднике. Ублюдки, которые уничтожили половину Фарота, хотели отобрать у меня даже те крупницы времени, что еще остались. А встреча с ребятами Осфетида закончилась этим. — Он поднес к лицу руку без пальцев, и голубой глаз блеснул в прорехе. — Так что никому здесь не стоит переживать, что отпущенный мне срок я потрачу на предательства, интриги или попытки выслужиться перед кем-то из них.

Ответом ему было молчание. Рикард расправил плечи.

— Поэтому все, чего я хочу, — сломать их планы и разбить этих мразей в пух и прах.

Морн оскалился в ответ. Все зубы были на месте, но краше он от этого не стал.

— Что ж, ваша мысль ясна. Из сказанного можно сделать простой вывод: если у вас и есть сторона, то это сторона Райи Гидеон.

— И не только. — Белоголовый положил руку Гаазу на плечо.

Парацельс покачал головой:

— Хочется верить, что мы все и так на одной стороне.

— Выбрать рано или поздно все равно придется, не сомневайтесь. Но посвятим мы этого юношу в наши планы или нет, будет зависеть от того, что скажут все остальные.

Черная мантия откинулся на спинку стула. Доктор пожал плечами, они с Райей почти одновременно выпалили:

— Мое мнение вы знаете.

— Конечно же, я согласна.

Они переглянулись, Гааз учтиво кивнул высокородной. Фрей погладил лысину ладонью, проговорил своим тонким, не вяжущимся с внешностью голосом:

— То, что этот парень натворил на руднике и в Фароте... Если он собирается намять бока нашим врагам, то советую привлечь его к делу как можно скорее. Иначе он устроит все сам, даже если придется воевать в одиночку.

— С вами и так все понятно. — Лира раздраженно фыркнула. — Главное, убедитесь, чтобы никого ненароком не зацепило. Я останусь при своем мнении. И мне интересно, что скажет Лис...

— Он будет полезен. — Бася прогудел три слова из-за ее спины.

Эдвин поперхнулся, и, наверное, не он один. О присутствии молчаливого плаща можно было легко забыть, до смерти Лорека паломница говорила за троих, теперь — за двоих. Лира развернулась в кресле и открыла рот, но Сэт отлип от балконной двери, все это время не сводя глаз с Морна.

— Если я умею считать, то еще одно «да», и этот спор можно заканчивать. Впрочем, насколько я помню, наше мнение на этом клочке земли ничего не значит. Ты ведь уже все решил, верно?

Черная мантия загадочно промолчал. Эдвин беззвучно застонал. Не то чтобы это имело значение, но до него очередь опять не дошла, все разрешилось само. Еще и вор в довесок пожал плечами.

— В одном мы сходимся: надо этих гадов выпотрошить.

Эдвин понял, что морщится, словно укусил лимон. Заметив, что теперь все смотрят на него, он выдавил:

— Верно сказано: на этом можем закончить.

— В таком случае нам многое нужно обсудить, — несколько кислых мин Морн предпочел проигнорировать.

Юноша сглотнул горькую слюну — его едва не вывернуло желчью. Да что с ним такое? Белоголовый был точно невиноват в одном: в том, что был белоголовым. Да и от суеверий и

предрассудков Эдвин всегда считал себя свободным. Это было легко, ведь встретиться с кем-то из обреченных ребят лично до недавнего времени не представлялось возможным.

А насчет остального... Еще неизвестно, кто из них раньше слетит с катушек. Для человека, чьи раны не затягивались сами собой, Рик с каким-то пугающим упорством подставлялся под удары — если судить по израненному лицу и отсутствующим пальцам. Эдвин подобным похвастаться не мог. Даже с Годвином за пазухой он предпочел бы увернуться от летящего ножа. Белоголовый же был готов ловить лезвие голыми руками. Прямо как Лис.

Так почему же внутри все так переворачивалось от глухого раздражения? Глубоко вздохнув, он уставился на серые облака за окном, позволяя чужим голосам течь мимо. До него долетали лишь обрывки разговора. Надо отдать должное, белоголовый и бровью не повел. Он просто потрогал плечо, которое до сих пор наверняка выглядело как один сплошной синяк, и заинтересованно взглянул на Эдвина.

— Этот медальон сейчас при тебе?

— Да.

— Могу потрогать? Я вроде как бывал в местах, где рун в воздухе больше, чем самого воздуха.

Эдвин замер, Лира дернулась.

— Молодой человек, не слишком ли вы торопитесь на ту сторону? Защитный механизм медальона устроен так, чтобы любой, кто прикоснется к нему без права владения...

— Да-да, это я понял. Но если его ковали хрен знает сколько сотен лет назад, еще в эпоху изначальных, то вряд ли учли парней вроде меня. Ведь белоголовых тогда еще не существовало. — Он почесал седую макушку и протянул здоровую руку ладонью вверх. — Так можно?

— И что это даст?

— Понятия не имею. Но надо же с чего-то начинать приносить пользу?

Помедлив, Эдвин привычным движением полез в карман штанов — медальон он носил с собой всегда и везде. Позолота тускло блеснула. С замиранием сердца Эдвин осознал, что впервые за долгие месяцы кто-то, кроме него, добровольно коснется украшения.

Безделушка легла на загорелую ладонь.

Эдвин весь подобрался и внимательно уставился на белоголового. Что может случиться? Парень забьется в конвульсиях и лишится своей здоровой руки? Ощутит странный холодок кожей? Начнет болтать с Годвином вместо него?

«Не надейся, мальчик. Мы еще не закончили».

Рик склонил голову. Он точно заметил, что его собеседник переменился в лице. Ощупал безделушку большим пальцем, не переставая что-то высматривать в глазах Эдвина. Проверял, не дурачат ли его? До сих пор никто не верил ему на слово, каждому требовалось доказательство. В этот раз Эдвин надеялся обойтись без прогулок по той стороне и нарочитых порезов.

— Благодарю, — Рик протянул ему медальон обратно и пожал плечами, — но я ничего не чувствую. И, как видите, не начал кататься по полу, стеная от боли, или что-то в этом духе.

— Рунный металл на тебя действует так же, как и любые другие руны, — никак. Логично, но я почти надеялся, что с такой старой вещицей будет иначе. — Парацельс заинтересованно прищурился.

Эдвин сунул медальон обратно в карман. Лира спросила, чеканя слова:

— И что теперь?

— Вы мне скажите. — Рик поправил шарф. — Судя по унылым физиономиям, которые я вижу изо дня в день, вы заготовили для всей этой истории убойную концовку. Райя упомянула путешествие на север, можно поподробнее?

Новость о том, что половина присутствующих собралась отправиться в его родные земли, заставила Рикарда удивленно вскинуть брови и покачать головой. Зато, услышав о конечной

точке — центре впадины, где и близко не бывал никто из ныне живущих, — белоголовый пожал плечами.

— Что-то такое я и надеялся услышать. Абсолютное безумие. Не знаю, что хуже: попытка попасть в самое опасное место на континенте или то, что до него придется идти через северные земли. Я там бывал, знаете ли. Вам не понравится.

Эдвину внезапно стало холодно, по телу побежали мурашки — будто он уже переползал через сугробы, пошатываясь под хлесткими ударами ледяного ветра. Во всяком случае, сейчас он представлял себе это именно так. Рик тем временем внимательно посмотрел на него.

— Если бы было можно, я бы взял это на себя — и рунную штуковину, и изначального, который идет в придачу. Но я только что коснулся медальона, и Годвин вроде как дал понять: в твоей голове ему комфортно. Не то чтобы я успел соскучиться по временам, когда с башкой было не все в порядке...

— Не думайте, молодой человек, что тут нет других желающих взять чужую ношу. Я уже говорила, — Лира дернула плечами, — что даже если бы передача владения стала возможна, Эдвина это отправит на ту сторону.

— Может, перейдем на «ты»?

Паломница его проигнорировала:

— Да, вы способны выдерживать физический контакт, но Эдвин — самый взрослый белоголовый из когда-либо существовавших и уже перешагнул возрастной порог. Единственный шанс разорвать этот порочный круг — закрыть прореху и покончить с белоголовыми раз и навсегда.

— Значит ли это, что эта штука станет не нужна? — Рик пальцем указал на свою шею.

— Очень на это надеюсь, ради вашего же блага.

— Последние месяцы я провел в попытках избавиться от ошейника, а когда добился успеха, выяснилось, что от судьбы не уйдешь. Забавно, правда? Благодаря Райе его теперь можно снять в любой момент, но как-то уже и не хочется.

— Порой нужно получить что-то, чтобы понять — оно тебе не нужно. — Гааз похлопал его по плечу и невесело улыбнулся.

Рикард закатил глаза.

— Но кто мог подумать, что еще один способ снять ошейник, уже без вреда для всех остальных, я узнаю вот так, с чужих слов. Если все и правда сработает таким образом... — Он выразительно скривился.

— Что вы имеете в виду?

— Никогда не верил в хороший конец для всех и каждого: всегда кто-то остается в дураках. Какова вероятность, что если Годвин упокоится окончательно, то помрут все, кто был хоть как-то связан с этой прорехой в небытии? — Он недвусмысленно развел руки в стороны.

— Мы никак не можем этого знать. Но не думаю, что для вас это имеет большое значение, юноша. Как бы грустно ни было признавать, ваше время и так на исходе. Не мои слова — ваши. Если, уничтожив медальон, получится избежать неизбежного, то так тому и быть.

— Не спорю. А что насчет тех, у кого еще есть время в запасе? — Эдвин увидел, что Рик косится в их с Сэтом сторону. — Было упомянуто, что во впадине не способны выжить даже белоголовые, вглубь зайти невозможно. Совершить прыжок напрямик туда? Ну, допустим. Но еще и вернуться... — Он покачал головой.

— Вас посвятили в суть дела не для того, чтобы вы критиковали нашу единственную возможность спасти все живое на континенте. Возможно — опять же, возможно, — когда все закончится, впадина перестанет быть таким опасным местом.

Эдвин отвернулся к окну. В сказанное паломницей он не верил. От всей этой задумки с самого начала воняло опасностью и смертью. Просто несло. Даже при первой встрече Лира вела себя так, словно он отобрал у нее возможность прикончить себя ради всего остального

мира. Все эти «возможно» звучали неубедительно. Пока нет уверенности даже в том, что они доберутся до цели. Если получится, в лучшем случае на ту сторону отправится Годвин, в гордом одиночестве, теперь уже с концами. А в худшем...

Старый лис, прочитав его мысли, наконец высказался:

— Именно поэтому мы все еще здесь. Несмотря на то, что столица мне, мягко говоря, поднадоела еще в прошлый визит. То, каким образом Райя оказалась в Аргенте, может стать ключом к спасению. Этот Мортимер ведь так и сказал: тебя выбрали не случайно?

Высокородная пожала плечами.

— Мортимер — псих. Был им. По его словам, когда мы наворотили дел на руднике и ему перестали привозить белоголовых, он получил приказ взяться за меня. Или что-то в этом духе. Но с чего Байрон отдал такой приказ и кто его на это надоумил — загадка. Возможно, это была попытка вывести меня из игры, продолжая при этом свои безумные опыты.

— Выбрать для опытов именно дочку главного столичного дипломата, и чтобы это еще и увенчалось беспрецедентным успехом? — Вор хмыкнул. — Нет, я не верю в такие совпадения. Что-то в тебе есть, девочка, чего мы не видим. А когда увидим, то поймем, как нам, будь оно все неладно, перескочить к центру впадины с той же легкостью, с какой ты преодолела расстояние между городами, притащив с собой еще троих человек... Трех с половиной.

Разговор шел дальше без его участия, но Эдвину было все равно. Он отгородился от всей этой болтовни, однако время от времени косился в сторону высокородной, которая вновь что-то горячо доказывала, размахивая руками. Если и правда получится объединить ее дар с его силами...

Прошел, может, час, а может, всего десяток минут, но Эдвин обнаружил, что стоит у стены в потемках: небо еще сильнее заволокло тучами, а скрытое за ними солнце ушло в сторону. Разговор стих. Мортимер, вновь превратившийся в темное пятно — совсем как при их первой встрече, — проскрипел:

— Что в итоге?

— Несколько дней. Максимум — неделя. — Сэт шумно прочистил горло. — Хотелось бы больше времени, но его нет. А оставшееся проведем с пользой. Мы с Райей попытаемся найти общий язык, у Парацельса будет время покопаться в этой книжке, раз ему так хочется.

Черная мантия оскалился:

— Господин Гааз, столица надеется на вашу помощь, несмотря на сжатые сроки.

Целитель перехватил поудобнее покупки, которые так и держал в руках, и кивнул. Лира поднялась на ноги. На лице ее все еще держалась унылая гримаса, но слова вора послужили сигналом:

— Давно пора. Мы займемся последними приготовлениями.

Поманив Басю за собой, она вылетела из комнаты. Серый плащ, делая один свой шаг на ее два, вышел следом.

Эдвин вздохнул и открыл было рот, но так ничего и не сказал. Он мог бы прибиться к кому угодно из них и заняться делом, вот только его роль определили давно: сосуществовать с изначальным в голове. Большого, похоже, никто и не требовал. Сэт будет занят, а значит, если повезет, удастся избежать очередной порции изматывающих тренировок. Все равно толку от них было мало. Если они столкнутся с угрозой, сопоставимой с третьей фаротской армии, никакие удары мечом и кувырки не помогут.

Рикард шагнул вперед, уставившись на Лису.

— Ведь Парацельс тоже идет с вами?

— И Бася. И Ани... Где она, кстати?

Эдвин неопределенно махнул рукой себе за спину. Вор почесал переносицу.

— Не то чтобы я в восторге от нашей компании, но уговорить кого-то из них остаться здесь будет сложнее, чем добраться до впадины. Не так ли?

Гааз и Эдвин синхронно кивнули: доктор — уверенно, отвечая лишь за себя, а Эдвин — за Ани, и без особого энтузиазма. Белоголовый озадаченно замер.

— Райя...

Та качнула головой — из стороны в сторону, может, слегка виновато, но не более. И правильно. Вряд ли столичной высокородной очень хотелось покинуть родной город, только-только сюда вернувшись. Особенно когда вокруг все идет кувырком, а путешествие на север обещало быть долгим и тяжелым.

Рик нахмурился, но ничего не сказал. Морн, правильно истолковав его замешательство, кашлянул и с натугой поднялся на ноги. Шрамы на его лице вновь побелели.

— Как я и говорил: выбирать рано или поздно придется.

После чего зашаркал прочь, оставив старого врача, белоголового и высокородную наедине. Сэт проявил максимум такта и вышел на балкон — словно хотел убедиться, что вражеская армия все еще стоит на месте. Воспользовавшись моментом, Эдвин тоже покинул комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

«Чем займемся?»

«Поиском успокоения».

Глава 4. Согреваясь ложью

Месиво под сапогами противно хлюпало, с каждым шагом обволакивая ногу чуть ли не по щиколотку. Далия задрала голову к небу и высунула язык, ловя тяжелые капли дождя. Растерла прохладную влагу по лицу и оскалилась в широкой улыбке — так резко, что свело челюсть. Повторила это движение еще раз, подумав, что любой, кто наткнется на нее в рассветных потемках, перепугается вусмерть.

Еще бы: часто ли встретишь пожилую даму, которая стоит среди грязи и лыбится, широко распахнув глаза?

Да уж, пожилую.

Размяв мышцы лица в последний раз, она расслабилась и пальцами запихнула обратно выбившиеся из-под шапки пряди. Некоторые из них были седыми. Перед отправлением из Теодоры она успела отметить свое сорокалетие, но ощущала себя древней старухой. Под словом «отметить», конечно же, подразумевалось «мысленно раскланяться». Еще один год прошел.

Казалось бы, они с Веллестеран были ровесницами и шли рука об руку столько лет, что замучаешься считать. Но пока ее правительница выросла, Далия старела. С годами Веллестеран неустанно наливалась женской красотой: точеные черты становились все острее, а бледная кожа светилась благодатью, подчеркивая право на трон. Даже серебряные пряди в прическе ее не портили, а, наоборот, оттеняли высокий статус.

Скулы Далии с возрастом тоже заострились, а щеки ввалились — но то был отпечаток тяжелых забот и изматывающих путешествий. Безжалостное солнце оставило свой след в виде сетки морщин, будто карта пройденных дорог легла прямо на кожу. А седые пряди стали финальным штрихом в картине, которую написали годы.

Она посмотрела себе под ноги, притопнула каблуком, брызнув коричневой грязью во все стороны. Променяла бы она все это на возможность сидеть в тепле, умываясь молоком, или что там еще делают гладкокожие красавицы?

Да никогда в жизни.

Кто-то на троне, а кто-то по колено в дерьме. Не стоит нарушать устоявшиеся закономерности, даже если кому-то они кажутся нечестными. Далию все устраивало. Почти все.

Крякнув на выдохе, она шагнула дальше, погладив плохо зажившее ребро. Да, речь именно об этом.

Во-первых, раздражало, что в последнее время она и десятка шагов не могла пройти без напоминания о пережитой встряске. Ссадины и царапины зажили быстро, но одно из сломанных на плато ребер решило выпендриться, отчего Далия начала заметно горбиться, еще сильнее вживаясь в образ старухи.

А во-вторых, ее не устраивало, что мир все еще катится в пропасть. Прямо как совсем недавно — она сама.

Своих ребят она похоронила просто — перекинув тела через край. На большее не хватило ни сил, ни времени, но внизу их ждала хорошая компания. Те, кто свалился туда без ее помощи. Кости солдат, проделавших стремительный путь вниз еще во времена штурма твердыни.

Лошадей она отпустила. Кроме той, на которой двинулась дальше, всю дорогу постанывая и подвывая, как раненая псина. Знала бы Далия, что эта красотка с коричневой гривой сломает ногу и сдохнет, не добравшись до столицы, — не тратила бы силы на скулеж. А о последнем отрезке пути она предпочла бы вовсе не вспоминать.

Да и стоило ли так торопиться, чтобы угодить прямиком на войну?

В прошлый раз, пока вокруг сражались люди, она была глупой малявкой, хоть и ощущала себя донельзя взрослой. Все познается в сравнении.

Конфликт пока не вышел за пределы этих земель, но уже разрушил все, чего они добились за долгие годы. Далия знала: такие времена — период возможностей. Для каждого, кого затянуло в эту перемалывающую кости воронку.

Вот только на той стороне властью уже не попользуешься.

И теперь перед ней стояли две простые задачи: передать власть в правильные руки и уберечь Симфарею от грядущих потрясений. Легче некуда, верно? Смешно.

Слово «простые» она придумала не сама, а процитировала. И, покатав его на языке, мрачно подумала, что автор цитаты сейчас не утопает по колено в грязи. Благо она почти на месте. Даже не увидев, а предсказав, что знакомые тени вот-вот появятся на горизонте, Далия, не сильно усердствуя, подала голос:

— Это я.

— Стой!

Раздалось шипение: отдавший команду запалил отсыревший факел. Далия хмыкнула. Сознавал ли он, что превратил себя в мишень, аккуратно подсвеченную прямо посреди белевого тумана?

Солдат подошел ближе, вытянул факел, подслеповато шурясь, как новорожденный котенок. А затем проворно погасил огонь, ткнув древком в сырую землю. Далия вздохнула: оставалось надеяться, что ее узнали по голосу. Все остальное смахивало на гребаный цирк.

Парень сипло закашлялся и махнул рукой, предлагая топать дальше. Бедолага. Далии приходилось не то что стоять на таком паршивом посту, но и ночевать в условиях куда хуже. Правило тут простое: береги горло от стрелы, спину — от ножа, а задницу и все, что к ней крепится, — от холода. От заходящегося в кашле бойца толку меньше, чем от мертвого. А уж сколько людей подохло не от железа в кишках, а от гнилой болезни — она бы не взялась подсчитать.

Миновав пост, Далия прошла мимо уныло жмущихся друг к другу военных. Помахала, получив в ответ кивки и новую порцию сиплого кашля. Как бы она ни относилась к этим парням, часть из которых годилась ей в сыновья, а часть — в отцы, отметить стоило всегда.

Полоска земли вокруг тента напоминала болото. Покачиваясь, Далия на ходу достала пузырек с припасенным снадобьем и капнула на язык. А затем, отодвинув отяжелевший от сырости полог, просочилась внутрь — к спасительному теплу.

Теплу, которого было не так уж и много. Стоящая по центру рунная лампа своим светом превратила всех присутствующих в бледных мертвецов. Отверстия, источавшие тепло, были открыты во всю ширь, но проигрывали в схватке с промозглым утром.

Впрочем, дисциплина внутри была покрепче, чем снаружи: западники застыли по струнке, живым барьером перекрывая путь разгоряченному воздуху, который так и норовил сбежать из походного шатра. Далия аккуратно опустилась на корточки, поморщившись от вспыхнувшей боли в ребрах.

Спросила вместо приветствия:

— Ну и как оно? Не сиделось дома в тепле и комфорте?

Амирель подняла глаза от испещренной метками карты.

— Великие дела не делаются в комфорте.

— Знаю многих, очень многих людей, кто мог бы с этим поспорить.

Правительница Вествуда пожала плечами и уставилась себе под ноги. Далия запечатлела этот миг глубоко в памяти — для будущих донесений. Все они были приблизительно одного возраста, но если Веллестеран была взрослой женщиной в самом расцвете своей красоты, а Далия — старухой на побегушках, то Амирель можно было принять за подростка.

Плоская спереди, не сильно округлая сзади и ниже Далии на полголовы. Темные волосы были заплетены в косу — небрежно перекинута через плечо, она покачивалась при каждом движении. Огромные карие глаза на смуглом лице могли натолкнуть на мысль о незащитном

олененке, хотя с детством правительница Вествуда попрощалась слишком рано. А вместо доброты в ее взгляде плескалось нечто совсем иное.

Далия пока не успела разобрать что.

Жизнь на душном и солнечном западе не шла сейчас впрок. Амирель утопала в складках теплой одежды, что еще больше подчеркивало хрупкость ее фигурки. Казалось, что они сидят, закопавшись в сугроб где-нибудь в Баше, а не коротают время над картой Столичных земель, находясь в этих самых землях. Но Далия непроизвольно поежилась и мысленно согласилась: за самым жарким летом на ее памяти последовала самая гадкая осень. Паршивая — во всех смыслах.

Единственным, кто здесь плевать хотел на холод, был Павель, который явился не с запада. Утепляться он не стал: стеганный фаротский гамбезон теперь был застегнут на все пуговицы, и только. Разве что на лице прибавилась пара ссадин, а одна, особо крупная, на виске, никак не хотела заживать. Руки он заложил за спину и стоял ровно, будто кол проглотил, готовый подать голос если к нему обратятся.

К таким людям Далия всегда относилась с уважением: опасные немногословные ублюдки. Лис был таким. Когда-то. Взглянешь — и легко представишь, как этот человек проворачивает свой меч, наматывая на него твои кишки. И пока по всему континенту высокородные размахивали руками в тонких перчатках и раздавали приказы, такие люди выигрывали для них войны.

На руках Амирель перчатки тоже имелись, но отнюдь не с шелковой вышивкой. Изящные, хрупкие пальчики были затянuty в кожу, подбитую мехом. Указательным она сейчас водила по карте, бормоча что-то себе под нос. Много странного творилось в последнее время, но Далия не могла перестать пялиться на происходящее, как на какую-нибудь диковинку.

К Веллестеран она относилась со всем уважением и знала ее как облупленную. От подножия трона до увенчанной короной макушки. И, положив руку на сердце, не могла представить правительницу в подобной обстановке, посреди размокшей под дождем земли.

То же самое можно было сказать про Осфетида, который придерживался старых традиций и предпочитал вершить дела чужими руками. Все они были такими.

Далия вряд ли смогла бы затесаться среди простолюдинов, но мысленно всегда проводила черту между собой и теми, кого считала «настоящими» высокородными. И дело было в титуле. Скорее в образе мыслей. Поэтому сейчас, среди солдатни, грязи и тумана, она находилась на своем месте.

А вот Амирель — нет.

Или же все, кто столько лет поминал запад исключительно из-за давних стычек, жестоко ошиблись?

Да, Уриил не смог удержать власть и даже уйти красиво. Сам присягнул владыке, сам расколол свой народ на две половинки, режущие друг друга. И умер, оставив своей дочурке залитое кровью пепелище. Вильгельм ее на этом пепелище и короновал — бросив пятнадцатилетнюю девчонку собирать родину по кусочкам. Очень грустно. Или очень смешно, тут уж как посмотреть.

Но, глядя сейчас на Амирель, Далия впервые задалась вопросом: ошибся ли старик? Если да, сколько еще подобных просчетов она смогла бы найти? Прорехи в нерушимом мировом устройстве. А в любую прореху можно запихать кончик ножа и как следует расшатать. Этим она сейчас и занималась.

— Как успехи?

— Взяли их здесь. — Амирель ткнула пальчиком в карту.

— Потери?

— Только с их стороны. Выживших нет.

Далия по-совиному склонила голову набок.

— Впечатляет. Значит ли это, что Кол Брут не соврал?

— Генерал Брут — хороший человек. И я верю ему. Но проверить возможности не было: мы застали их врасплох, да и конвой был снаряжен как обычно. Либо они еще не успели перевооружить своих, либо прекрасно знают, что от рунного оружия теперь мало толку.

— Оружие остается оружием, что ни говори. Выходит, и дальше придется верить ему на слово?

— Возможно. Но мои люди здесь не для того, чтобы сомневаться. Эти штуковины и впрямь сводят на нет их главное преимущество.

— Да уж... остается численное. — Далия подняла глаза на Павеля. — Покажи-ка еще разок?

Солдат без лишних слов вытянул руку и задрал рукав. Браслет плотно обхватывал запястье. Прозрачная стекляшка, не более.

Таким чистым и незамутненным ошейник оставался на шеях самых молодых, но даже тогда притягивал взгляд. У тех, кто постарше, внутри удавки перекачивалась белесая дымка. Браслеты виделись Далии дешевой копией, пусть и вызвали некоторое любопытство.

Их еще предстояло проверить в деле. Но, зная подход Осфетида, она не сомневалась: тот, кто изготовил для него эти игрушки, успел искромсать достаточно плоти рунными клинками, чтобы убедиться — все работает как надо.

— Руны, которые вы забрали. Их хватит?

Павель кивнул. Как там величал его Кол Брут — Скромный? Далия хмыкнула. Не стоит путать скромность с неумением общаться с людьми. Видала она таких, возвращенных в казарме, с мозгами набекрень. Но лучше так, чем какое-нибудь трепло.

— Госпожа, позвольте поинтересоваться...

— Просто Амирель.

Далия вздохнула. Вопреки всему, она до сих пор видела в этой женщине совсем юную девчонку, только-только севшую на трон. А прошло, страшно сказать, два десятка лет. Она следила за языком, и привычный этикет служил напоминанием: где она и с кем. И ни капли не помогало, что Амирель намеренно противилась своему статусу в чужих глазах. Умная маскировка или обычная непосредственность? А может, желание расположить к себе таким образом?

Правительница прочла ее мысли:

— Даже если это тяжело — сделайте усилие. Госпожой, как правило, меня величали в других местах. Там было светлее, суше и чище.

— И все же вы предпочли оказаться здесь.

— Верно. Когда вернусь, то вновь стану «госпожой», так и быть.

Далия качнула головой:

— Просто Амирель. Хорошо. Позвольте поинтересоваться — вы тоже носите браслет?

Ответом ей был очередной задранный рукав. Исчерпывающая демонстрация. Ответ — да.

— И как ощущения?

— Никак.

— У вас нет опасений...

— Нет. Напомню: Вильгельм подчинил себе континент во многом потому, что сумел обуздать прогресс. Осфетид сейчас пытается сделать то же самое, и в этом я его полностью поддерживаю. Так что мое предложение остается в силе: если Веллестеран или вы лично решите присоединиться — браслеты для вас найдутся.

— Значит ли это, го... Значит ли это, что вы всерьез намерены идти в бой? И ждете того же от меня? — Далия невесело усмехнулась.

— Что есть бой? Если где-то погибает целый гвардейский конвой, пока ты стоишь в стороне, считается за участие?

— Полагаю, едва ли.

— Я бы поспорила: большинство из них все равно не успели обнажить мечи. Кто-то воюет железом, а кто-то — духом. Но если согласиться с вами, то да, я отсиделась неподалеку. Удивительно, что серебряные доспехи уже не вызывают такого трепета, стоило поверить в себя. — Амирель обезоруживающе улыбнулась. — И все-таки дело не в этом. Как я могу требовать от своих людей чего-то, если не готова к этому сама? У меня есть наглядный пример того, чем закончился иной подход.

— Если вы имеете в виду...

— Своего отца, да. Не отводите взгляд, все в порядке. Я прекрасно понимаю, кем он был и кем стал в глазах других. Но папа не был ни трусом, ни властолюбцем, ни плохим человеком. Вовсе нет. Он хотел для нашего народа самого лучшего, но так и не спросил, хочет ли народ того же. Я не повторю этой ошибки.

Она пальцем погладила прозрачный ободок.

— Поэтому, если по моей воле люди вынуждены прозябать в сырости и грязи, — я буду с ними. Если они идут в бой — я встану рядом. И если ради их же безопасности нужно надеть браслет на руку — я сделаю это первой.

Далия слегка качнула головой. Порой лучше быть трусом, чем просто мертвым. Возможно, высокородная засиделась на западном троне, раз уж с таким остервенением бросилась копаться в грязи. И если Амирель готова рискнуть и грудью напороться на меч, чтобы вдохновить своих людей, — ее право. Но у покойников есть дурное свойство: о них слишком быстро забывают. Пока правительница ввязывалась во все это дерьмо, памятуя об Урииле, ее люди шли за ней и только за ней. А нет человека — нет и верности.

— Так что скажете? Насколько я осведомлена о деятельности крыла, вероятность наткнуться на светящийся кинжал у вас даже выше, чем у тех, кто сражается на поле боя.

— Пока что воздержусь. — Далия демонстративно потерла запястья. — Мы предпочитаем быть теми, кто надевает кандалы на других, а не носит их сам.

Амирель пожала плечами. Улыбнулась, поджав губы, вроде бы даже с сочувствием.

— Ваше право. Но не кроется ли в ваших словах метафора? Считаете, эти браслеты — те же кандалы? А ключ от них — у Осфетида?

— Могу задать тот же вопрос. В Фароте я последний раз была довольно давно, а судя по недавним новостям, сейчас это не лучшее место для прогулок. Впрочем, свободного времени у меня все равно нет. Но спросит ли потом Осфетид со всех, кто доверился ему?

— Одно дело — довериться. Другое — присягнуть, — Амирель сверкнула глазами, но тут же расслабилась, оправила рукав. — Я не откусываю больше, чем в состоянии проглотить. Это, как правило, свойственно мужчинам, дурная привычка. Все, что мне нужно, — свободный запад.

— И он обещал вам его?

— Как он может обещать мне то, что и так мое? Фарот нуждался в небольшой поддержке, и я оказалась готова ее обеспечить. И еще в одном мы схожи — желаем смерти Вильгельму и краха всем порядкам, которые он успел навести. Осфетид об этом знает и может быть спокоен: мне не нужна столица, ее руны, ее белоголовые. А потому, когда все закончится, каждый из нас получит свое. Делить нечего.

— Симфарей большая.

— Она уже поделена. Была поделена, пока один безумец не придумал себе, что может решать за всех. И вы это знаете, иначе не сидели бы сейчас здесь.

Осфетид заварил всю эту кашу крайне не вовремя. Нет, не так — худшего момента нельзя было и подобрать. Словно кто-то шепнул ему на ухо: хочешь погрузить страну в хаос — действуй прямо сейчас. Интересно, свежий кратер под боком заставил его хоть на миг задуматься? Или, наоборот, подтолкнул в спину?

Вслух Далия сказала другое:

— Почему я сижу здесь — вам известно.

— Не чересчур ли много усилий ради одного человека?

— Отнюдь. Я тут тоже одна, как можете видеть.

«Пока что».

Амирель искренне развеселилась:

— Это даже звучит забавно, не находите?

— Было бы забавно, если бы мои люди не умерли по пути.

— Это прискорбно, но иногда события идут своим чередом. Меня удивляет, что Веллестеран не отправила людей в сторону Столичных земель сразу же, как узнала новости.

— Отправила. Меня. Возможно, просто не пытается откусить больше, чем может проглотить.

«И отправила даже раньше, чем ты, Осфетид или кто-то еще поняли, что скоро мир начнет меняться».

Правительница Вествуда кивнула.

— Он ожидал этого. Возможно, я верю в лучшее в людях, но давно предлагала обратиться за поддержкой и на восток, и на север. Осфетид это проигнорировал. Ладно, насчет севера я не сильно удивлена.

Далия мысленно согласилась. Иоахим был стар, а статусом мог соперничать с тряпичной куклой, надетой на чайник. Да и сам север всегда был чересчур суровым местом, не похожим ни на какое другое. Казалось бы, промерзший кусок земли на пути к впадине давно изменился: на месте мелких, занесенных снегом деревушек выросли настоящие города, сменились поколения. Но порядки остались прежними.

Вильгельм не терпел холода и не искал выгоды на далекой окраине континента. Только бы не ударили в спину. Рудников там отродясь не было, а потому выиграли все: Иоахим продолжал изредка посещать аргентские приемы. В те немногие разы, когда они пересекались, Далия задавалась вопросом: понимает ли этот несчастный, бледный, подслеповато шурящийся старик, что он всего-навсего марионетка?

Даже если так, его это, похоже, устраивало. На севере незримо правили гильдии и кланы, которые Вильгельм успешно и своевременно купил, что позволило сосредоточить внимание на других частях света. Свободные от больших налогов и не обремененные присутствием гвардейцев северяне решали проблемы между собой, не сильно докучая всем остальным. Хрупкое равновесие. Договариваться с ними — себе дороже.

Амирель продолжила рассуждать:

— Но оставить Веллестеран в стороне? Они с Осфетидом могли бы посоперничать в нелюбви к владыке. Даже мне до них далеко.

— И все же он пришел именно к вам.

— И вот я здесь, вместе со своими людьми. А вы — одна-одинешенька. Получается, был прав?

И вновь в словах Амирель был резон. Осфетид мог быть одержимым местью безумцем, но точно не дураком. Путь с востока сюда неблизкий, Далия успела прочувствовать это на собственной шкуре. Она прекрасно понимала: Веллестеран для всех оставалась затворницей, которая полирует прелестной задницей трон в Теодоре, не утруждая себя визитами в столицу. Такой порядок выстраивался годами. И в мирное время переброска войск через весь континент не осталась бы незамеченной.

Это сыграло им на руку.

У Веллестеран хватало своих забот, и Далия искренне сомневалась, что правительница позволила бы втянуть восток в эту бойню раньше времени. А значит, пока придется справляться самой. В одиночестве против нескольких гребаных армий. Одна проблема ложилась на

другую, а со спины поджимала третья. Ну ничего. Если все и правда пройдет как надо — оно того стоит.

Как-никак, Амирель рискнула всем, разбив войско на части и оставив свой город в подвешенном состоянии, надеясь вернуться туда уже с победой. Ее главным козырем стала внезапность, об участии западников в войне должны были знать очень и очень немногие. Но сейчас они вместе сидели в этом шатре, а потому замысел уже треснул по швам.

Да, Осфетид таки смог очистить свой город от гвардии; Далия понятия не имела, как он это провернул, и была готова учтиво снять шапку, если бы не было так холодно. А Амирель теперь ждала, когда Аргент отзовет гвардию из Вествуда себе на подмогу.

Но Далия знала: не дождется.

— Не имеет значения, прав он был или нет. Теперь любая помощь, с учетом всех сборов, доберется сюда глубокой зимой, в лучшем случае. К этому времени либо порядки в столице сменятся, либо этот шатер покажется нам обоим верхом комфорта.

— Трудно не согласиться. — Амирель зябко передернула плечами.

— Значит, наши договоренности остаются в силе?

— Да. Я, знаете ли, слышала, что даже один наемник из крыла Теодоры стоит десятка обычных солдат. Что уж говорить об их предводительнице?

Далия проглотила недовольство, вызванное как словом «наемник», так и тем, что слава бежала впереди нее. Быть заметной — не то, к чему она стремилась.

— Спасибо на добром слове. Ваша мечта сбудется — трон Аргента сменит владельца. И наши земли наконец сбросят оковы.

— Все так. А вы получите то, за чем пришли.

«Это уж точно. И попутно попытаюсь удержать этот мир от падения в небытие».

— Подытожим? — Амирель задрала голову, глядя на Павеля.

Мужчина наконец освободился от кола, на который был насажен задницей, и присел рядом. Ткнул пальцем в метку на карте.

— Генерал передает, что ваши люди хорошо поработали. В нынешних условиях опоры моста не подлежат быстрому восстановлению. Даже если бы у них был к ним доступ — это задачка на многие месяцы, а скорее, годы. Аргент столкнется с нехваткой воды. Уже столкнулся.

— Отличная новость, если исключить то, что их в любом случае придется восстанавливать, когда все закончится.

Скромный это замечание проигнорировал, передвинув палец чуть в сторону, объясняя уже больше для Далии:

— Люди Амирель перехватили поставку рун. Большая потеря для Аргента. И находка для нас: запаса должно хватить на какое-то время, пока фаротский рудник в подвешенном состоянии.

Звучал он настолько монотонно и сухо, что Далии захотелось прочистить чем-нибудь горло. Облизнув губы, она уточнила:

— Вы планируете взять под контроль столичный рудник?

— Пока нет. Позже. Это потребует лишних людей и ослабит периметр. Ждем. Нехватка рун может спровоцировать их на ответные действия — это будет нам на руку.

— Есть новости из города?

— Немного. Все в замке притихли и выжидают чего-то.

Далия почесала горбинку на носу.

— Или там некому выступать перед народом. Гидеон у вас, Хейзел мертв, Хослоу никогда не красовался на публике, Урбейн давно переложил бремя проповедей на чужие плечи.

«А Морн сам выбирает, перед кем ему выступать».

— Это все равно тревожит. — Амирель подергала косу. — Хочется верить, что после провала переговоров в Фароте Вильгельм забился в комнату без окон с самыми толстыми стенами и ждет, когда государственный совет со всем разберется. А они оказались ни на что не годны. Но это было бы слишком хорошо.

Далия позволила себе возразить, очень надеясь, что прозвучит не чересчур ехидно:

— Я бы поспорила. Сидит он в застенках или нет, на их противодействии это не сильно сказывается. Как там, к слову, поживает главный дипломат? На которого вы так рассчитываете?

Павель не поддался на провокацию:

— Мне не докладывают.

— Хорошо. Но после его визита Аргент долго не подавал признаков жизни, позволив вам выжечь Иммар и подойти к столице. А потом армию разметало по всему периметру. И мне прекрасно известно, что солдаты теперь боятся, а командование тянет время. Брут опасается повторения таких ударов, не так ли?

Скромный не дрогнул, просто продолжал смотреть ей в глаза. Только рука дернулась, как если бы засохшая рана на виске вдруг зачесалась.

— Вам удалось выяснить, что это было?

— Нет. Мы восполним потери, со временем. Раненые находятся на попечении лекарей.

— Как это выглядело? — Казалось, Амирель хочет вырвать свою косу с корнем.

— Я уже говорил. Никак. Почти сразу после диверсии на мосту нас разметало во все стороны, это все. Я бы сравнил с направленным пороховым взрывом, без огня, дыма и бочек.

Ребра заныли пуще прежнего. Уж кто-кто, а Далия прекрасно представляла, с чем столкнулись солдаты в тот день. Воспоминание резануло глаза яркой вспышкой:

«Я буду искать тебя, несчастный человек. И найду».

И вот — нашла. Мальчишка проделал долгий путь, и, что хуже всего, оказался он сейчас прямо здесь, от этого не было бы никакой пользы. Сплошной вред.

Амирель нахмурилась.

— Честно говоря, не могу представить нечто подобное. Полагаете, это связано с рунами? Священнослужители придумали для Вильгельма что-то еще? Не хотелось бы, чтобы браслеты оказались беспомощны перед... этим.

— Не берусь судить. Но в столице скоро будет нехватка рун. Если они были задействованы, то в немалом количестве, иначе одним разом все не ограничилось бы. Меня смущает другое.

— Что?

— Я бы на их месте бил прямо по центру, в сторону командования.

— Передумали в последний момент, не хотели зацепить своих? По словам Брута, пленный генерал — достаточно известная в столице персона.

Далия уставилась себе под ноги, чтобы не выдать лишнего. Получается, Кол Брут предпочел утаить некоторые подробности, ограничившись рассказом о захвате гвардейца. А ведь Медведя знали далеко не только в столице.

Амирель и вовсе должна была помнить его лучше остальных.

Во времена ее детства он был ключевой фигурой в Вествуде. Можно сказать, именно его меч расчистил дорогу к уходу Уриила на ту сторону и к утверждению власти Вильгельма в тех землях. Она покосилась на Павеля. Если военный и знал, что последние годы Медведь провел на востоке, то предпочел оставить вопросы на потом и сказал:

— Если и так, то Хейзела они не пожалели.

— Он всегда был широк, возможно, не успел увернуться. — Амирель приподняла брови, предлагая присутствующим разделить веселье.

Но Скромный вряд ли умел веселиться.

— Если учесть, как закончилась встреча в Фароте, они побоялись отправить кого-то более важного. Проигнорировали наш запрос. Да, эта делегация должна была получить сообщение. Но они не могли этого знать, а потому перестраховались. Вероятно, владыка был очень недоволен привратником.

— Провернул удобные ему перестановки, повесив вину на вас? Вряд ли кто-то поверит, что аргентцы сами убили своего парламентаря и по совместительству — главного привратника. Уже бывшего. Что в итоге с пленными и делегацией?

— Слишком много тел нужно перебрать, большинство изувечены до неузнаваемости. Опустили обоих гвардейцев из его отряда, но не генерала. Правда, он и так был при смерти почти все это время и, скорее всего, остался где-то там, среди трупов.

Далия сжала зубы. Бернал плохо кончил, с треском провалив порученную ему миссию. Но она была уверена, что тут стоит благодарить Лиса — именно он отвел удар от старого приятеля. Даже не сомневалась. Старые связи все еще имели значение.

— Что до делегации — большинство также испарилось в суматохе. Подтверждена смерть Хейзела, он не успел убежать далеко. Коска Эйгон у нас, но от него пока ничего не удалось добиться.

Вот это была новость. Далия подала голос:

— Коска Эйгон жив?

— Зависит от определения.

— И все же, — она покачала головой с уважением, — ну и крепкая же скотина. Я восхищена. Скольких из ваших он успел положить, прежде чем его скрутили?

— Достаточно.

Интересно, сколько подобных вопросов ей придется задать, чтобы Скромный перестал скромничать и дал ей в морду?

— Получается, обменяли одного генерала на другого, — не так плохо. Насколько я знаю, Эйгон принимал активное участие в гвардейской жизни столицы, маячил прямо за спиной Трагота Хослоу. Возможно, удастся выяснить что-нибудь полезное.

— Мы работаем над этим.

— По вашим словам, он уверен, что его сына убили в Фароте. — Амирель потерла ладони друг о друга в попытке согреться. — Это так?

— Эскорт Гидеона не мог обойтись без гвардейцев. Если Эйгон уверен, что его сын был в составе делегации, вероятно, он сам его туда и определил.

— Тогда навряд ли он будет сговорчив. Даже если окажется способен говорить.

Скромный промолчал: чужие семейные проблемы, если их можно было так назвать, заботили его мало. Далия мысленно прикинула расстановку сил. Расклад был так себе. Тупиковый.

Да, Аргент удалось неплохо так прижать. Но ни у Осфетида, ни у Амирель пока нет сил для решительного удара — им остается играть на истощение. Взять рудник они не решаются, что уж там говорить про штурм городских стен. Амирель будет ждать сигналов с запада — и не дождется. В столице тем временем начнет твориться кавардак.

В сложившейся обстановке самым ценным ресурсом оставалось время. Затянувшаяся осада в перспективе сыграет ей на руку. Разве что простым жителям Аргента придется принять удар на себя. Высокородных последствия тоже затронут, но позже. Ничего страшного, не разбив яиц, яичницу не приготовишь. Но если к этой проблеме следовало подступиться с бесконечным терпением, то другая требовала иного подхода. И, надо признать, тут она провалилась по всем статьям, как и Бернал.

Далия вытерла рукавом выступившую на лбу испарину.

Внезапно она почувствовала себя абсолютно бесполезной и немощной. Все, что произошло на плато, было ее виной. Погибли люди крыла. Ее люди. Назад время не отмотаешь, но

до столицы она все же дошла, подгоняемая долгом и взятыми на себя обязательствами. Ради того, чтобы осознать: бремя уже давно на чужих плечах.

— Как вы себя чувствуете? — Амирель участливо посмотрела на нее. — Выглядите немного... болезненно. Я могу распорядиться, чтобы для вас подогрели питье. В такую погоду, знаете ли...

— Нет, спасибо.

Сказав это, Далия поставила жирную точку, громко чихнув. Поморщилась от боли в ребрах, сморгнула навернувшиеся слезы. Хуже всего было то, что в словах Амирель не было и тени иронии — только искренняя забота. Но можно половину жизни провести в сточной канаве, спать на земле в дождь и снег, а потом подохнуть от сквозняка в набитой шелками комнате.

Поэтому Далия не стремилась к шелкам.

— Павел, подсобишь?

Она требовательно протянула руку вперед, легко перейдя на «ты». Они же в дрянном шатре, а не на приеме в замке, так ведь?

Скромный, помедлив, расстегнул две пуговицы и достал откуда-то из недр куртки плоскую флягу размером с ладонь. Приняв ее, Далия вытащила пробку и сделала щедрый глоток. На глазах повторно выступили слезы, но то были слезы удовлетворения. Огненная жидкость обожгла горло; она почувствовала, как лучшее лекарство от любых хворей обволакивает пищевод.

Вернула флягу владельцу, поймала вопросительный взгляд Амирель.

— Я, знаете ли, много лет провела среди солдат. Поэтому не будем тратить время: уже решено, кто пойдет третьим?

С этими словами она склонилась над картой, дождалась, пока Павел кивнет, и веско добавила:

— Давайте обсудим дальнейшие действия.

Глава 5. Плесень

— Кхе-кхе.

Райя даже не вздрогнула. Это покашливание она рано или поздно ожидала услышать у себя за спиной. Можно сказать, пришла в сад именно за ним. Черная мантия не подвел.

Морн, подобрав полы одеяния, уселся рядом. Девушка покосилась в его сторону, но предпочла пока промолчать. Какое-то время они сидели, пялясь перед собой, будто ряд некогда пышных, а сейчас увядших цветочных кустов был самым интересным зрелищем на свете. Лепестки кремерских роз стойко пытались удержаться на стеблях, но в большинстве своем сдались, потемнели и плавно опали на прогулочную тропинку.

— Это делает им честь. — Морн кивнул на жухлый ковер. — Свалились на землю, но все еще красивы. Иногда стоит рискнуть и перестать держаться за свое место. Возможно, то, что ждет впереди, ничуть не хуже.

— Я помню, что вы неравнодушны к этим цветам. Но неужели лежать на земле под угрозой оказаться растоптанным чужим сапогом — столь же завидная участь, как и красоваться на ветке?

— Стоит думать не только о себе. Возможно, будь у цветов воля, они бы выбрали иную участь. Но природой заложен всем нам знакомый круговорот: покрасовался сам — уступи другому.

Райя хмыкнула и подняла воротник повыше, стараясь укрыться от прохладного ветерка, гулявшего по саду.

— Помнится, на этом самом месте вы в прошлый раз пожелали отбросить высокородные уловки и не тратить время на мишуру. С тех пор много воды утекло, и слова теперь значат еще меньше, чем прежде. Так, может, мы...

— Не будем тратить время на мишуру?

— Да.

— А времени и не осталось. — Морн улыбнулся. — Тогда же я сказал, что окружение диктует свои порядки.

— И что же изменилось в вашем окружении?

— Все. Думаю, вы и сами это заметили.

Да, она заметила. Аргент изменился. Та его часть, которую Райя вспоминала, когда слышала слово «дом».

— Поэтому я и ждала вас, рано или поздно. Хорошо, что это случилось раньше. Я ценю открытость, которую вы проявили в присутствии моих... и ваших новых друзей. Но я не зря тратила время на заседаниях государственного совета, внимая речам и отделяя важное от несущественного. Есть что-то еще. Я боялась — и одновременно надеялась, — что ошиблась. Впрочем, раз уж вы здесь, значит, так оно и есть: это «что-то» вы хотите обсудить со мной.

Черная мантия покивал:

— «Что-то» и в вас поменялось, Райя Гидеон. Во время нашей последней — и тогда еще единственной — встречи наедине вы дрожали точно эти лепестки на ветру, хоть и пытались казаться смелой.

— И что же, теперь я выгляжу уверенно?

— Нет, вас все еще потряхивает. Просто вы больше не боитесь, что кто-то это заметит. Порой принять себя важнее, чем пытаться что-то исправить.

— Не уверена, комплимент ли это, но расценю ваши слова именно так. А теперь выкладывайте: почему мы в дерьме? Уверена, к этому все и сводится.

Морн тихо рассмеялся. Еще недавно Райя поразились бы тому, что этот человек вообще способен издавать подобные звуки. Сейчас же она пожалела, что не готова разделить его веселье.

— Вы слишком много общаетесь с Фреем. Но высказались емко, этого не отнять. Итак, почему... Что ж, кое-что я успел рассказать на общем сборище: нас ждут проблемы с питьевой водой и рунами. И одного этого достаточно, чтобы хорошим пинком отправить нас всех к краю могилы.

— Неужели все так плохо?

— С рунами все и так было скверно. К перебоям в поставках из Фарота добавился перехват конвоя, а мы и без того всю осень жили, затянув пояса. Со стороны этого не видно: наши соседи по замку не привыкли отказывать себе в прихотях. У простых людей там, — он указал в сторону внешней стены, — нужды совсем иные, и по ним этот удар пока не так заметен. Но станет заметен. Город огромный. И он полон злых, капризных и издерганных людей. Такова человеческая натура. Конечно, есть и другие — добрые, порядочные, — но их раздавят первыми, если что-то пойдет не так.

— Мне кажется, весь масштаб проблемы способны осознать те, кто часами выслушивал эти бесконечные отчеты на заседаниях совета. Я знаю, как много потребляет Аргент, и согласна: это настоящая беда. Осфетид изначально задумал бить по больным точкам, пресекая любую помощь извне. Если вы сказали правду и Амирель вступила в конфликт, то мы отрезаны от поставок еще и с запада. Главный тракт тоже заблокирован — я читала донесения, а от Иммара ничего не осталось. Два основных пути, и оба недоступны. Разве что мы решимся отозвать гвардию из других гарнизонов, но это, как уже говорилось, слишком опасно.

Морн, сощурившись, посмотрел на диск взошедшего солнца, все-таки сумевший пробиться сквозь облака. Подставив грубое лицо под его лучи, он заговорил:

— Вы умны. Уж это-то точно можете принять как комплимент. Приятно наконец пообщаться с кем-то, кто схватывает все на лету. Добавлю, что Осфетид обратил предательство Трагота Хослоу себе на пользу. Если раньше и оставались сомнения, то после вашего рассказа стало очевидно: не он устроил этот кратер в собственном городе. А значит, и главнокомандующего все это время контролировал не он. Но каким-то образом прознал, что в гвардии царит полный хаос, и успешно этим воспользовался.

— Не стоит забывать, что к кратеру в Фароте начали готовиться загодя. Рик настаивает на этом, и я ему верю, но это не поддается объяснению. Если Осфетид знал, что часть его города канет в небытие, почему он ничего не сделал?

— Вариантов много, и все плохие. Но свои мысли по этому поводу я пока оставляю при себе, если вы не против. Как и по поводу осады.

— Но вы сказали, что упомянули лишь часть проблем. Чем еще вы хотели поделиться?

— Смотрите сюда.

Морн покопался в складках мантии, выудил какой-то предмет и протянул ей. Райя уставилась на мягкую округлую штуковину на ладони, пытаясь понять, что это такое. Ойкнув от отвращения, она взмахнула рукой — и эта дрянь шлепнулась на землю с неприятным чавкающим звуком. Морн, не выказав ни капли брезгливости, аккуратно поднял ее и, удерживая двумя пальцами, заставил девушку присмотреться. Хотя без этого вполне можно было обойтись.

Потому что разглядывать сгнившее яблоко — сомнительное удовольствие.

Совсем небольшое, некогда зеленое — должно быть, из урожая этой осени. Сейчас один его бок покрывал бархатистый, промятый от падения налет плесени. Вторая половинка только начинала сдавать: кожица на ней потемнела, стала липкой и легко прорвалась под нажимом пальцев мужчины. Плод источал тяжелый, сладковатый запах гнили — так пахнет прошлое, которое никак не удастся отпустить. На этом фоне даже аромат роз в саду мгновенно поблек.

— Что это?

— Яблоко. Вы знали, что когда-то я служил в армии?

Брови Райи уползли на лоб.

— Нет. А вы служили?

Она непроизвольно начала пялиться на его кривой, тощий силуэт, хоть его и скрывала мешковатая одежда. Морн был даже чуть ниже нее и сильно сутулился, а когда сидел — это было еще заметнее. Руки напоминали ветки столетнего дерева, а к перекошенному лицу она до сих пор так и не привыкла. Постоянно приходилось напоминать себе, что глава тайной службы не так уж и стар. Скорее всего, ему было около пятидесяти, как и Лису. Но вор, несмотря на старые и новые раны, по сравнению с Морном выглядел как пышущий здоровьем юнец.

Черная мантия сразу же догадался, о чем она сейчас думает. Объяснил, тщательно подбирая слова:

— Да. Если вы думаете, что... Скажу так: я не всегда походил на человека, который одной ногой на той стороне. Хотя и в таком положении мне тоже приходилось бывать. А кто-то, судя по нашим недавним знакомствам, в таком состоянии пребывает постоянно.

— Расскажите подробнее.

— Не буду утверждать, что даже в юности я мог бы посоревноваться мускулами с капитаном Коской, да и ростом всегда был невысок. Но если сравнивать с тем, что сейчас, то поверьте: подъемы по лестницам, прогулки по коридорам и прочие физические нагрузки не были такой уж большой проблемой. А вот в чем я мог бы с ним потягаться, так это в наивности. А еще в рвении — слепом и бездарном, как у всех молодых людей.

— Он верит в...

— Не переживайте, пройдет с возрастом. Если он доживет. Я вот дожил, и наивность с меня как мечом срезало. Что, к слову, недалеко от истины. Но тогда... Мой отец был знатным в только ему известном поколении и при этом человеком, прекрасно устроившимся в жизни. К началу завоеваний Вильгельма он уже ушел в небытие, но успел повлиять на мою карьеру в регулярном военном корпусе. Как с хорошей стороны, так и с плохой. К тому моменту я был уже достаточно взрослым, чтобы не питать иллюзий. Даже почти обзавелся семьей и неким положением, которое вполне могло сыграть на руку в той неразберихе, что творилась на континенте.

Сейчас я понимаю, что махание оружием и хождение строем — не то, чем нужно заниматься, если хочешь доковылять до старости в целости. Время стоит тратить на то, что хорошо получается. В моем случае это всегда были задачки, где требовалось пораскинуть мозгами. Однако отец очень хотел видеть меня в армии, и в какой-то момент его рвение передалось мне в десятикратном размере. Видите ли, можно быть сколько угодно эрудированным и сообразительным, но при этом оставаться полнейшим глупцом. Обратное приходит с опытом.

Райя сидела тихо. На ее памяти Морн редко говорил так долго, обычно ограничиваясь парой фраз.

— В какой-то момент засевшая в голове мысль стала невыносимой: я решил, что обязательно должен кому-то что-то доказать. А кому? Отцу? Показать, что я способен на многое и без его покровительства? Себе, чтобы крепче спалось по ночам? Окружению, чтобы навсегда пресечь болтовню о «попечительстве»? Какой бы из вариантов вы ни выбрали, могу сказать с уверенностью: все они — глупость. Достаточная для того, чтобы добровольно явиться в лечебный дом. Вместо этого я сдался в армию.

— Но вы и так были солдатом, не так ли?

— Да. И, учитывая мое положение, вполне мог бы пересидеть все те годы в тепле и комфорте, вдали от любых проблем. Вместо этого я добровольно прибил к тем, кто маршировал по континенту. К счастью, как я сейчас понимаю, уйти получилось не сразу. Поначалу я тратил

время на сомнения, но они, к сожалению, ничего не изменили. Потом — на семейные ссоры. Вот они-то как раз закончились вполне закономерно.

— Ваша жена не хотела, чтобы вы рисковали жизнью?

— Мы не были женаты, порой не виделись месяцами, жили в разных городах и даже на разных концах континента. На тот момент у нас и без того были непростые отношения, и я оставил ее одну с маленьким ребенком на руках. Все ради продвижения по службе. Но куда сильнее, как я теперь понимаю, ее взбесило то, *за кого* именно я собирался воевать. Идеи и амбиции владыки никогда не находили отклика в ее душе.

Он оскалится, насмехаясь над самим собой.

— Но я все же ушел. Перешагнул через любые терзания, полагая, что разберусь со своими проблемами и вернусь, чтобы все было как прежде. Но как прежде уже никогда не было.

Девушка поймала себя на мысли: она тоже покинула столицу, пусть и совсем ненадолго. И ведь действительно — теперь «как прежде» не будет уже никогда.

— Не скажу, что был нарасхват. По меркам армии я был мелковат, а уж для гвардии и подавно. Таскать броню того времени мне могли поручить разве что ради хорошей шутки. Но я видел в этом цель — доползти до столь высокого чина в военной иерархии, чтобы в будущем сказать себе: я добился всего, чего мог. Сам. Знаете ли, гвардия в те годы была чем-то сродни священному войску. О большем и мечтать нельзя, если не боишься погибнуть в очередном бою.

— И вы добились своего?

— Уже в самом конце войны. Быстро пожалел: с этой серебряной машиной на плечах потеешь так, что на теле чешутся места, о которых обычно даже не вспоминаешь. Вроде бы с тех пор доспехи улучшили, но, как можете догадаться, проверить у меня уже не было ни желания, ни возможности. Но тогда я был крайне горд собой: получил столь долгожданное повышение и был направлен в гарнизон, хорошо себя зарекомендовавший. Под командованием Эйгона Тагнора.

Райя подскочила на месте. Звук, с которым она опустилась обратно на скамью, спугнул стайку птиц с ближайшей ветки.

— Дед Гектора?

— И отец Коски Эйгона, все верно. Хороший пример для подражания: у него в Аргенте тоже осталась семья, что ничуть не мешало Тагнору шагать по континенту в первых рядах. Ничего удивительного, что он добился успеха. Насколько я знаю, сейчас под его началом ходят приставленные к нему служанки, но даже они до сих пор вздрагивают от громогласных приказов.

— Вы получили назначение. И что было потом?

— Как я и сказал, то был самый конец войны. Последний шанс проявить себя, когда никто уже толком не сражался — просто делили земли. Вы, как девушка образованная, должны помнить, чем знаменит отряд Эйгона.

— Осада восточного пика. — Райя никогда не считала себя знатоком истории, но отдельные даты и события за время обучения ей втемяшили в голову намертво.

— Да-да. Тридцать шесть гвардейцев, при этом лишь пара-тройка из нас были по-настоящему опытные. Все остальные — под стать мне: юная поросль. Теперь-то я понимаю, что никто не собирался отправлять туда по-настоящему ценных людей. Разве что Тагнора разменяли как мелкую монету, с чем он послушно смирился ради карьеры сына. Но это все было уже после. А тогда... полтора месяца в этом замке. Знаете, возможно, у меня даже было преимущество.

— О чем вы?

— Я всегда был довольно худ, мало ел и был непривередлив в еде. Но осада, похоже, стала последней каплей. Публично не принято обсуждать, что мы тогда ели и что пили: запасов в самом замке почти не осталось, а воды, которую удавалось добыть, критически не хватало.

Райю передернуло.

— Не знаю, почему выкарабкался именно я. Умерли многие из тех, кто был куда крепче — и телом, и духом. Вы должны знать, что выжило в итоге восемь человек. И то, во что к концу превратился тот же Тагнор, — наглядное следствие нашей тогдашней «диеты». Но и тут я умудрился отличиться. Другие в итоге восстановились — худо-бедно, во всяком случае внешне.

Морн провел ладонью по и без того зализанным назад волосам, словно предлагая рассмотреть его лицо повнимательнее.

— Но не я. Ни один лекарь так и не смог объяснить, какие процессы запустило во мне поедание собственных сослуживцев. Раз уж я говорю с вами откровенно: до сих пор любой кусок нормальной еды заставляет меня блевать и срать в таких объемах, что впору звать белоголового, чтобы низверг все окружение в небытие. Уж лучше так, чем отмывать это все. И дело не только в мясе — вот уже долгие годы я не ем ничего, кроме редких овощей и фруктов, да и то в ничтожных количествах.

Он попытался расправить плечи.

— Уж не знаю, это ли стало причиной или все те же отголоски осады, но кости мои ломит непрерывно, отчего держать спину ровно — сущая мука. Как и делать что бы то ни было вообще. Я не могу и минуты усидеть на месте без желания расколотить собственную голову о камни, настолько это невыносимо. А еще от этой ломки мне постоянно холодно, даже летом. Но я терплю. Привык терпеть.

Черная мантия выдержал паузу и слегка прикрыл веки. Лицо его при этом оставалось бесстрастным.

— К счастью, на должности, которую я получил после войны, обошлось без физических нагрузок, а доспехи сменились кое-чем куда более удобным. Сменилось даже имя. Вряд ли меня смогли бы узнать в лицо даже близкие люди, но и они остались в прошлом.

Глава тайной службы оправил одеяние. Райя молча уставилась на заляпанный винными пятнами рукав его мантии, не находя слов. Брякнула первое, что пришло в голову:

— А шрамы?

— Эти? — Морн поочередно коснулся губы и лба. — Подрался в юности. Какой-то мертвецки пьяный и очень высокородный хлыщ вмазал мне по лицу бутылкой. Что касается выпивки... Вижу, вас заинтересовали эти винные пятна. Красное вино — исключение и моя единственная слабость. Тоже загадка, но от него меня не выворачивает. Наоборот, боль слегка притупляется. Так что благодарю вас за ту посылку.

— Не стоит благодарности. — У Райи в голове теперь вертелась одна мысль: — Говорят, та осада была частью сделки, завершившей войну на востоке. Сделки, которая устроила всех причастных. Почти всех. И вы сейчас сами это подтвердили. Значит, все эти годы вы знали, что таким...

Она замялась, но Морн подбодрил ее кивком.

— Таким вас сделал Вильгельм. Без его участия там точно не обошлось. И вы все равно остались на службе на следующие двадцать лет. И продолжаете служить. Почему?

— Я служу не человеку. Я служу стране, — ответил Морн. — И буду это делать, пока чувствую, что остаюсь полезен. Знаете ли, за это время я еще больше поднаторел в математике. Война все равно закончилась бы — днем раньше, днем позже. С тем же результатом для владыки. Но тогда погибло бы куда больше людей, чем горстка гвардейцев. Возможно, половину востока пришлось бы выжечь, как это было на западе или в Срединных землях. А потому нужно найти в себе силы уважать чужие расчеты. Даже если они не в твою пользу.

— Многие, кто говорит, что не служит кому-то... не хотят этого признавать, — других слов у Райи не нашлось.

— Не переживайте, скоро вы убедитесь в моей правоте. — Морн улыбнулся шире, чем когда-либо, но лицо его искривилось, как от внезапной боли. — Так о чем это я... Ах да.

Возвращаясь к этому, — он помахал перед ее лицом вонючим яблоком, — я с давних пор ношу с собой парочку фруктов. Въевшаяся привычка. Так спокойнее. Иногда даже не ем их, просто приятно знать, что карман не пуст. И представьте мое удивление, когда пища, которую я раньше мог таскать с собой неделями, начала чересчур быстро портиться.

— Что вы имеете в виду?

— Этот плод — урожай этой осени. Причем местный. Еще недавно он качался на ветке во внутренних садах. Уверен, вы там бывали.

— Да, но давненько не заходила.

Это было правдой. В детстве Райя любила пропадать там часами, карабкаясь по веткам и таская яблоки. За это ей регулярно доставалось от служанок, которым приходилось искать ее среди листвы, запрокинув головы и без особой надежды взывая к благоразумию маленькой госпожи. Воровством это, конечно, не было, но Райе нравилось воображать, как она добывает что-то запретное исключительно благодаря собственной хитрости и ловкости.

— Этот плод был сорван чьей-то заботливой рукой и в корзине проделал путь до местной кухни. Там он избежал участи оказаться в каком-нибудь пироге и был доставлен ко мне в покои. Слуги знают о моем трепетном отношении к еде, хотя причины его им неизвестны. То было три дня назад.

— И вы носили его в кармане? — Райя уставилась на гниль перед собой. — Не роняли? Может, дело в тепле...

— Я носил это яблоко при себе умышленно, чтобы показать вам. И обращался с ним очень бережно. Признаки гнили появились уже к исходу первого дня.

— Что заставило вас устроить эту проверку?

— Еда портится уже давно. — Морн помрачнел. — Я, как вы знаете, не стесняюсь задавать вопросы. И они у меня появились, стоило мне пару раз случайно отведать плесени.

— Что вы узнали? Какой-то саботаж или...

— Если под словом «саботаж» вы подразумеваете, что в замок проник враг и каким-то образом заставил гнить еду, даже только что сорванную с ветки, — к сожалению, нет.

— К сожалению?

— Я полагаю, что в этом случае мы бы обнаружили источник проблемы где-то в кладовых замка. Неприятно, но хотя бы понятны дальнейшие действия. Увы, еда гниет по всему городу.

Райя покрутила головой из стороны в сторону. Звучало как бред.

— Слушайте, это было бы объяснимо летом, учитывая, какая жара стояла. Но с чего бы продукты начали портиться сейчас, еще и так быстро? И как вы узнали, что такое творится по всему городу?

— Мне есть с кого спросить. Люди жалуются. Трактирщик, обнаруживший, что заготовленный с утра чан с похлебкой больше ни на что не годен. Простолюдинка, которая, разбирая дома овощи, обнаружила гниль, но ругань с продавцом ни к чему не привела: на прилавке-то все смотрелось нормально. Десятки таких историй. И еще больше тех, что не попали в донесения. Более того, прямо перед началом осады на поклон к господину Луксу явился один из городских поставщиков. Весь его урожай испорчен, прогнил насквозь, притом что он едва-едва успел все собрать и уже готовил к отправке. Беднягу чуть удар не хватил, но тогда его жалобы прошли незамеченными. Он отправился обратно ни с чем. — Морн покачал головой. — Теперь, наверное, может порадоваться, иначе бы застрял в городе.

— Какие-нибудь закономерности во всем этом?

— Да, и они вам не понравятся. Источник гниения все же в Аргенте или неподалеку. В Фароте ведь ничего подобного не наблюдалось?

— Нет.

— Вот-вот. Мне тоже не попало никаких подтверждений тому, что с этим столкнулись где-то еще. Пока что. В начале осени подобных инцидентов было меньше, либо они не попали

в мое поле зрения. Но в последнее время их все больше. Вот это яблочко, — он в последний раз взглянул на плод и резким движением зашвырнул его в кусты, — сгнило у меня на глазах, можно и так сказать.

— Вы замеряли сроки? Как быстро портится еда?

— Они непостоянны. Какие-то продукты в наших кладовых лежат годами, и все в порядке. А приготовленный на рассвете котелок еды к обеду уже будет с душком. Я пробовал по-разному: распорядился доставить две краюхи хлеба из одной лавки. Один поставщик муки, один продавец, выпечены в одной печи. Одна все еще лежит в моем столе, вот уже пару недель, — разве что задубела до состояния, когда можно зубы сломать. Вторая заплесневела через два дня.

— Выходит, это случайность? Какой-то еде... не везет? А какая-то остается пригодной к употреблению, как обычно?

— Той, которой «не повезло», становится все больше. Это заметно даже без донесений: процесс идет по всему городу и носит повальный характер. Если вас интересует примерное соотношение... Возьмите десять ящиков разнообразной еды — минимум три из них пойдут на выброс. В кладовых замка ситуация еще хуже: две четверти от проверенных запасов. Прибавьте к этому то, что даже приготовленная из здоровых продуктов пища через несколько часов может испортиться. А еще плесень имеет свойство мгновенно расползаться, если ее проморгать.

— Но я ни разу не замечала подобного.

— Вряд ли еда в вашей тарелке успевает просуществовать больше получаса. — Морн криво ухмыльнулся. — Поэтому жалоб от людей, подобных нам с вами, почти нет. Тем, кто трапезничает в замке, еду подают незамедлительно, и с той же скоростью она оказывается в желудках. Пока речь идет о нескольких часах, а чаще — днях. Вот если настанет момент, когда гниль начнет проявляться за считанные минуты...

Райя поводила каблуком по земле, размышляя. Плохо, очень плохо. Сомневаться в словах Черной мантии причины не было. Если он говорит, что с едой происходит что-то странное, — значит, так и есть. Но даже на фоне прочих бед, что творились вокруг, эта была чересчур невероятной. И опасной. Опасной для всех в городе.

Ее собеседник тем временем продолжал чеканить слова:

— ...у меня есть догадка. Предположение, если хотите.

Встрепенувшись, девушка уставилась на Морна, но тот покачал головой.

— Ваш ход. Ну же. Хочу, чтобы вы раскинули мозгами и сами сказали мне: что изменилось в городе за последнее время? Что могло послужить причиной перемен?

— Осада?

— Войско пока что за нашими стенами, к счастью. А проблема внутри, пусть и успела слегка выплеснуться наружу.

Райя задрала голову к небу. Что поменялось в городе за время ее отсутствия? Морн прав: наступление вражеской армии стало шоком для нее лично, но за всю историю мира подобные вещи граничили с обыденностью. Как и предательства, склоки или смерти. Нет, здесь что-то еще, чего раньше не бывало. Кто-то.

Она резко повернулась к нему.

— Годвин?

— Годвин лишь попутчик, квартирант в чужом теле, если мы все готовы в это поверить. Может, он и правда слышит нас и болтает со своим носителем. Главное, что перемещения его ограничены волей и желаниями Эдвина — так, во всяком случае, утверждают его друзья и он сам. Но именно с появлением парнишки проблема обозначилась так явно.

— Вы думаете, это он...

— Травит еду? Что вы, уж точно не целенаправленно. Мальчик абсолютно потерян в этом мире, не будь рядом с ним Лиса... Неважно. Следите за руками. Я осторожно расспросил всех

его спутников. Объединились они в Вествуде, где не наблюдалось никаких проблем, по крайней мере с пищей. После чего проследовали сюда, в столицу, не взаимодействуя ни с кем по пути. Но, по словам участников этого похода, иногда еда и правда портилась, пусть и достаточно редко, чтобы можно было списать все на дорожные тяготы. Если сопоставить даты, то что произошло прямо перед их отбытием с запада?

Райя попыталась мысленно свести дни. Тихонько уточнила:

— Кратер в Фароте?

— Верно. По заверению госпожи Августин, это упрочило связь нашего мира с той стороной, а мальчик начал слышать изначального в своей голове. Судя по докладам, которые я выслушал, за время путешествия силы его значительно выросли. Настолько, что фаротская армия до сих пор сортирует мертвых и раненых, — во всяком случае, мне хочется в это верить. Из этого я делаю вывод, что и упомянутая связь крепнет, а прореха в небытии растет.

— Я помню этот разговор. Новые кратеры нужны врагу, чтобы приблизить развязку.

— Нашим новым друзьям удалось сберечь библиотеку, но юноша все равно влияет на окружение. С недавних пор он поселился в замке — и пища в округе сразу стала портиться чаще. Чтобы не увидеть здесь закономерность, нужно быть наивным человеком. Я к таким не отношусь.

Райя поковыряла ногтем зацепку на рукаве, пребывая в глубокой задумчивости. Морн, видя, что ее одолевают сомнения, добавил:

— Я все перепроверил: земледelec, у которого прогнил заготовленный урожай, живет в нескольких часах верхом от Аргента. Через его владения Лис со спутниками как раз проходил на пути в город. В последнюю ночь они остановились неподалеку, на саму ферму не заходили и никак с хозяином не взаимодействовали. Но если я прав, то одного присутствия юноши поблизости хватило. В осенней суматохе плесень распространилась быстро и незаметно.

— Это... Это очень плохо. Мы часами обсуждали дефицит воды, а накануне выяснили, что к нему добавились еще и перебои со снабжением рунами. И со всем этим еще можно как-то совладать, я уверена. Но если город столкнется с нехваткой пищи, да еще так быстро, как вы описываете, — это катастрофа.

— Рад, что вы пришли к тем же выводам, что и я.

— Я несколько раз расспрашивала Сэта о том, что произошло на переговорах. Брут как раз таки упомянул, что «смерть ждет за стенами, без рун, воды и еды». Это можно было счесть обычной бравадой, но теперь даже эта фраза отдает душком. Неужели Осфетид знал о чем-то подобном и потому дал приказ выступать?

— Понятия не имею. Но просчитал ли он все заранее или обстоятельства сошлись не в нашу пользу — не имеет значения. Город висит на волоске. Если гниль продолжит расплзаться с такой скоростью, у нас нет даже тех крох времени, что оставались прежде.

— Но если еда гниет везде, где Эдвин успел побывать, то у фаротской армии тоже огромные неприятности. Он ведь был в их лагере.

— Не так уж и долго. Мы пока не знаем, сколько должно пройти времени, чтобы этот губительный эффект возымел действие. Впрочем, если его участия в переговорах хватило, чтобы дополнительно ослабить осаждающих, — это будет хорошим подспорьем. Но даже если их припасы начнут портиться, мы зависим от поставок гораздо сильнее.

— И что делать? — Вопрос сорвался с губ сам собой, прозвучав беспомощно и наивно. Райя запустила руку в волосы.

— Эдвин, Лис и все, кто готов отправиться с ними, собираются покинуть город в ближайшее время. Возможно — подчеркну, только возможно, — после их отъезда все придет в норму. Но разгребать дерьмо мы все равно будем еще долго. К тому же их путь лежит на север, а он далек и опасен.

Райя похолодела.

— Думаете, каждое поселение на их пути постигнет та же участь?

— Мыслите шире. Они сами столкнутся с этой проблемой. Чем дальше, тем суровее условия и больше времени в пути без возможности пополнить припасы. Если одним прекрасным утром обнаружится, что на завтрак осталась только плесень... Тот, ради кого затевался этот поход, сам и сведет его участников в могилу. Горькая ирония, не находите?

— Вы говорите об Эдвине или Годвине?

— Не имеет значения. Знаете, Райя, я не люблю упускать возможности. — Морн перевел взгляд на стены замка. — А мальчик был и остается прекрасной возможностью. Наш уговор по-прежнему в силе, я держу слово. Способ вывести их отсюда найдется. Но не скрою: я надеялся, что, прежде чем мы расстанемся, уникальные навыки этой компании еще удастся обратить на благо страны. Такие люди, как Сэт, всегда делают вид, что живут ради себя. Но стоит случиться беде — и они не способны остаться в стороне. Поэтому ими так легко манипулировать.

Он развел руками.

— Но какой толк в манипуляциях, если теперь время работает против нас? Чем дольше мальчик находится поблизости, тем хуже. А если отправить их всех прочь, не предупредив о последствиях, — эти люди уже обречены.

— Так предупредите!

— Полагаю, в таком случае любой разумный человек, коим господин Лис, несомненно, является, изъявит желание остаться здесь подольше, чтобы найти способ обезопасить себя от голодной смерти. И вам, и мне, и всем остальным в городе это не пойдет на пользу.

— И наоборот: если план Лиры провалится, то Симфарее ничто уже не поможет.

— Теперь вы понимаете всю тяжесть свалившейся на меня дилеммы.

Они помолчали. Райю вновь пронзил болезненный спазм, сродни тому, что атаковал ее в Фароте: сердце колотилось, на лбу выступил пот. Но если тогда это можно было объяснить губительным воздействием рун на организм, то сейчас все было куда проще — страх. Точнее, пронзительный ужас, который сковывал тем сильнее, чем больше она раздумывала над ситуацией, в которой они оказались.

Девушка вытерла потекший нос рукавом, слабым голосом сказала:

— Изначальный, которого мы все тысячу с лишним лет превозносим в молитвах, может нас всех погубить? Как-то это неправильно.

— Если я начну перечислять все противоречия между тем, что вижу, и тем, что должен видеть, мы не уйдем отсюда до конца завтрашнего дня. — Морн вдруг весь подобрался и посмотрел ей в глаза. — От привычки утирать сопли пора бы избавиться, особенно вам, госпожа Гидеон.

— Пока не придумала, чем еще можно заняться.

Прозвучало дерзко, но Райю и правда окатило отрезвляющей волной легкого презрения. Словно Черная мантия требовал от нее совсем иной реакции — не такой жалкой. Глава тайной службы, которая, если начистоту, в ее глазах уже лишилась былой загадочности, тут же смиловившись:

— Как минимум вы можете облегчить их путешествие одним способом: помогите Лису докопаться до сути этих ваших скачков сквозь небытие.

— Я уже говорила: все, кто мог в этом всем разобраться, мертвы. А я понятия не имею, как подобное вообще стало возможно.

— Утверждать, что все светлые умы ушли в небытие, находясь при этом в обители Аргента, — довольно неосмотрительно. А пока приложите больше усилий. В будущем это может стать хорошим подспорьем для всех нас.

— Честно сказать, я и до нашего разговора не очень верила, что они смогут добраться до впадины. А теперь...

Райя призналась в этом больше себе, чем Морну. Но тот согласно кивнул.

— Иной раз груз не просто выглядит неподъемным, а таковым и является.

— Как же получилось, что он весь на наших плечах? Вы правильно сказали: мы в главном замке на континенте. Так почему такое чувство, словно нас бросили?

Тихий смешок вместо ответа. Втянув холодный воздух сквозь зубы, ее собеседник медленно поднялся на ноги. Скрюченная фигура заслонила собой небо — удивительно, как это удавалось столь изломанному, сутулому человеку?

У Морна точно имелось решение для этой невысказанной загадки, но вместо этого мужчина протянул ей костлявую ладонь. Жест был скорее символическим: вряд ли бы он и правда смог помочь ей подняться.

— Вы наконец-то задаете правильные вопросы. Давайте пройдемся.

Глава 6. Два безумца

Рик ладонью прижал к голове шапку. Он нацепил ее ради одного: в коридорах замка каждый встречный считал своим долгом уставиться на его короткий ежик светлых волос. Макушка притягивала чужие взгляды не хуже костра, на который слетаются ночные мотыльки.

Впрочем, в его внешности с недавних пор хватало куда более приметных деталей.

Огрызками пальцев он кое-как ухватил свисающие вдоль ушей завязки и затянул их под подбородком. Провел языком по прорехе в зубах, задумчиво осмотрелся. Шапка и правда пригodiлась: здесь, среди облаков, промозглая осень вгрызалась в кости куда сильнее.

Пространство вокруг напоминало городскую площадь — мощеную камнем, огромную и почти пустую. С одним отличием: это место не расстиралось по земле, оно над ней нависало. Чтобы добраться сюда, ему пришлось преодолеть прорву ступеней. Подъемник наверняка имелся, но Рика это мало заботило.

Казалось, край площадки вот-вот коснется тяжелых, налитых влагой облаков, а вершина замка окончательно растворилась в бесцветной, холодной мгле. Каменный настил сужался треугольником, напоминая наконечник стрелы, направленный на север. По периметру тянулся высокий парапет. Кругом было пусто, лишь по центру высилась небольшая, по колено, платформа. Похоже, она служила фундаментом для чего-то крупного в те времена, когда здесь собирались толпы.

Теперь желающих взобраться так высоко, на эту продуваемую всеми ветрами площадку, кроме него, не нашлось. Почти. Присмотревшись, у самого парапета, на острие «стрелы», он заметил одинокий силуэт.

Рик тихо выругался. Не то чтобы он упорно искал одиночества. Просто еще со времен безумного детства, когда у него не было вообще ничего своего, он питал слабость к подобным побегам. Скрыться от чужих глаз, остаться наедине с собой хоть ненадолго. Особенно когда нужно собраться с мыслями — а в этом он сейчас нуждался отчаянно. Но, похоже, на здешний ледяной ветер уже претендовал кое-кто еще.

Он помедлил, раздумывая, не нырнуть ли обратно в широкий проход за спиной, пока его не заметили. От этой мысли колени заныли пуще прежнего. Ну уж нет.

Кроме того, другой возможности поболтать может и не представиться.

Рикард пошел вперед, не скрываясь. Но Эдвин и не оглядывался. Стоял, опершись локтями на парапет и всматриваясь в серую пелену горизонта. Плечи он прижал к ушам, изнывая от холода. Рик снисходительно хмыкнул. Мороз был его давним спутником, хотя сейчас они путешествовали порознь. Других людей ветер бил по рукам и лицу, до красноты. А Рик пропускал его сквозь себя, почти наслаждаясь. Он знал, что может быть гораздо хуже.

Эдвину это тоже предстояло узнать. Глядя ему в спину, Рик от души понадеялся, что парня и всех остальных снарядят потеплее. Мысль о грядущем походе тут же стерла улыбку с его лица. К счастью, размышления можно было отложить на потом.

Он коротко кашлянул. Эдвин резко обернулся и уставился на него исподлобья. Рик невольно расправил плечи — он готов был поклясться, что на мгновение лицо парня исказилось от испуга и враждебности. Будто тот ожидал увидеть за спиной кого-то другого. Но в глазах мелькнуло узнавание. Напряжение сошло, вернулась привычная безучастная гримаса.

Рик встал рядом и сказал, глядя перед собой:

— Не ожидал тут никого встретить. Пусто, промозгло и одинаково далеко от неба и земли.

— Но сам-то ты тут.

— Да. Сегодня утром я хотел потолковать с Гаазом. Но старик уклонился от разговора, как от стрелы. Мол, слишком занят. Посоветовал пойти проветрить голову, заодно и про это место рассказал.

— Не тебе одному.

Вот оно что. Неужели старик нарочно свел их здесь?

Но Эдвин, казалось, прочитал его мысли:

— Он рассказал мне об этом месте еще по пути в Аргент. Говорил, что каждый раз, когда сам бывал здесь, поднимался наверх посмотреть на город. Вряд ли он ожидал, что я тоже сюда приду. Извини. Я могу...

— Оставайся, — Рик покачал головой, — поразмышлять в одиночестве я всегда успею.

Эдвин явно хотел развернуться и уйти, как-то странно дернулся, но все же остался у края. Еще сильнее сгорбившись, он спросил:

— Что ты хотел обсудить с Парацельсом? Если это не тайна.

— Не тайна. Я просил его не идти с вами. Туда. На север. — Рик подбородком указал вперед.

Повисло неловкое молчание, после чего Эдвин уточнил:

— Просил? Или упрашивал?

— Скорее второе. И раз уж он посоветовал мне сходить сюда — успеха я не добился.

— И зачем тебе это?

— Честно?

— Да.

Рикард сцепил руки в замок, подпер ими подбородок. Стараясь аккуратно подбирать слова, сказал:

— Я оказался на распутье. Долго заботился о самом себе, а потом все вдруг поменялось. Как ты уже знаешь, до недавних пор я жил в Вествуде. Вместе с Гаазом. И как-то привык к нему. Но меня заперли в клетке и увезли прочь. Паршивый опыт.

— Могу представить.

— Да. По правде говоря, не думал, что мы с ним когда-нибудь увидимся вновь. Ошейник на шее не располагает к прогулкам по людным местам. Хотя в последнее время я только по ним и шатаюсь. Кстати, виновницу моих скитаний ты тоже знаешь. С Райей мы знакомы куда меньше, но солгу, если скажу, что не успел прикипеть к этой высокородной.

Эдвин задумчиво окинул его взглядом и неуверенно уточнил:

— Вы с ней...

— Поцелуйчики и все такое? Ну уж нет. В какой-нибудь другой жизни у нее были бы все шансы, но в этой нас постоянно пытаются прикончить, что слегка подрывает боевой настрой. Больше ни о чем не могу думать, знаешь ли: как бы не уйти в небытие раньше времени и уберечь от этого тех, кто рядом. Райя мне скорее как сестра, пусть и темноволосая, кареглазая. А себя я приберегу для кого-нибудь столь же обреченного. Жаль только, белоголовых женщин не бывает.

Эдвин покосился на него — то ли не понял шутки, то ли не оценил. Рик добавил:

— Выходит, не так-то легко отказать себе в удовольствии позаботиться хоть о ком-то.

— То, о чем ты говоришь, похоже на Лиса. — Эдвин снова оперся локтями на камень. — Поначалу меня поражало его упорство. Казалось, в его жизни не осталось ничего, кроме стремления выполнить очередной заказ. Было даже слегка завидно. Не надо думать ни о ком и ни о чем.

— Казалось? А потом?

— А потом взглянул в зеркало. И увидел там того, кого Лису постоянно приходится вытаскивать из дерьма. Он так же печется о тех, кто рядом. Берет на себя больше, чем нужно. Но упрямо делает вид, что это ради нашего общего дела.

Рик кивнул. От него не укрылось, как парень украдкой погладил карман штанов. А господин-кожаный-жилет вел себя именно как любитель вытаскивать других из навозной кучи. Даже если все попадали в нее по его вине. В этом они были похожи.

Эдвин добавил:

— Я пытаюсь платить ему той же монетой. При одной из таких попыток ты сам присутствовал.

Тут не поспоришь. Насчет навоза Рик не был уверен, но вот грязи в тот день было по колено.

— Поэтому, как бы это ни выглядело со стороны, все мы — болевые точки для кого-то. И чем сильнее ты ее оберегаешь, тем проще на нее надавить.

— И какая у тебя болевая точка? — Поймав настороженный взгляд Эдвина, Рик развел руками. — Да брось, я ведь выложил свои карты. Хотя парочка у меня, конечно, та еще. Старый доктор и высокородная с шилом в...

— Моя семья. — Эдвин запнулся. — Не только они, конечно. Еще все, с кем мы пришли в город. — Он смущенно кашлянул и еще больше помрачнел. — Проклятье, если послушать Лиру, мне нужно позаботиться обо всем мире.

— Брехня.

— В каком смысле?

— Мир лежит на чьих-то плечах в сказках. Ну, или в писании. Вроде как с одним из таких любителей жертвовать собой ты теперь даже знаком. И куда его это завело? — Рик указал пальцем прямоком Эдвину в лоб. — Впрочем, даже у Годвина имелись под рукой изначальные, которые оставались с ним до самого конца. Не стоит брать все тяготы мира на себя, а то плохо кончишь. И напоминай об этом Лису почаще, так же, как я сейчас напомнил тебе.

Эдвин потер лоб, но смолчал.

— А что там с твоей семьей? Большая?

— Мать и мой... В общем, старик, на которого я работал, когда жил в деревне. Но он как... — Эдвин замялся.

— Судя по тому, что ты не упомянул отца, можешь не подбирать слова. Я умею связывать одно с другим. Этот «старик» — важный для тебя человек. Этого достаточно.

— Он не так уж и стар. Но да, я скучаю по нему. По ним обоим. — Эдвин сжал кулаки. — Было бы куда легче со всем справляться, если бы не приходилось то и дело гадать, что там с ними происходит.

— А есть причины для беспокойства? Если не считать того, что весь мир катится в пропасть, думаю, во многих местах сейчас куда безопаснее, чем в Аргенте.

— Причины? Может, есть. Может, нет. — Эдвин потер переносицу, будто у него внезапно разболелась голова, и тихо спросил: — А твоя семья?

— Не заслуживает упоминания. — Рикард пожал плечами. — У тебя и то больше шансов с ней повстречаться, там, на севере. Но надеюсь, что этого не случится.

— Почему?

— Смотря кого считать семьей. Родную кровь? Тогда могу заверить, что мой отец — плохой человек. А в детстве я считал семьей всех, кто приходил к нему на поклон. И поверь, они были ничем не лучше.

— А ты?

— Скажем так: я точно не худший из них. — Рик оскалился, зная, что его улыбка — зрелище не для слабонервных. — Так что советую избегать подобных встреч всеми силами.

— Учту. Что там на севере? Помимо твоей семьи, в которой все очень нехорошие?

— Куча других таких «семей», но помельче. Север поделен между ними, обычные люди могут этого даже не замечать. Иногда проще закрыть глаза на очевидное и жить своей жизнью. Что еще... Гильдии торгуют друг с другом, как и везде. Местные грызутся за монеты, как и

всегда. Территории давно «чи-то», но это не избавляет от регулярных стычек, порой абсолютно идиотских. Какой-нибудь пятилетка обчистит чужой карман, чтобы не получить лишний удар плетью, а тот, кого обокрали, окажется сыном важной шишки. Бородатой, пузатой и очень обидчивой. И все начинают резать друг друга, сразу же забыв, что кровь льется из-за горстки монет.

— Твой отец такой же?

— Ну уж нет. К нему приходят, когда уже не могут договориться сами. Но цена жизни в таком случае снижается до одного медяка. Он, знаешь ли, не любит, когда его отвлекают.

— От чего?

Рик пожал плечами.

— Долгое время его любимой забавой было «учить» меня. Под это слово подходило много всякой дряни. Когда я сбежал с севера, он, наверное, нашел себе другое занятие.

— Слушаю тебя, — Эдвин поежился, не отрывая взгляда от горизонта, — и мне совсем туда не хочется. И дело уже даже не во впадине.

— Это я еще не рассказал о ярости морозов и высоте сугробов. Не знаю, кто додумался гнать вас туда перед началом зимы, но худшего времени не найти. Точнее, знаю кто и зачем, и все-таки этой Лире Августин стоило придумать что-нибудь получше. На стыке Столичных земель и моей родины погодка почти как здесь, но чем дальше, тем хуже.

Он поправил шарф, попутно выковыривая из памяти давно забытое:

— Я родился в Карпете. Жить там вполне можно — правда, по местным меркам будет довольно уныло. А вот до Баша, который значительно дальше, добираются только полные психи. Особенно посреди зимы. Есть два-три месяца в году, когда погода сносная, разве что чуть прохладнее, чем тут. Даже дороги подсыхают. Но в остальное время тракты превращаются в размытые слякотные канавы. Потом их сковывает лед, и они становятся непроходимыми до самой весны.

— Может, поэтому Лира так торопится. Мы не можем позволить себе увязнуть в снегах.

— Тогда вам стоило выдвигаться еще вчера и идти не сбавляя шагу. Никто не знает, какой будет эта зима. Надеюсь, не самая холодная, вслед за самым жарким летом.

— Что-нибудь придумаем.

— Твой друг уже придумал. Лис верит в Райю и в ее умение скакать между городами. И в этом больше здравого смысла, чем во всей болтовне Лиры. Без обид.

— Я и не обижаюсь. Но пока из этого ничего не вышло. А ты сам сказал: время поджигает. Есть риск, что мы растратим последние крохи и все равно двинемся в путь ни с чем. И поплатимся за эту задержку уже далеко отсюда.

— Даже не знаю. Тогда, может, попробуешь помочь им обоим?

Эдвин уставился на него, Рик закатил глаза.

— Для меня, конечно, в новинку, что люди умеют шагать через ту сторону. Но удивляться нет времени. Лучше подумать о том, какие возможности это открывает. А ты вроде как связан с небытием крепче, чем кто-либо еще. И не просто с небытием, а напрямую с главным изначальным.

Судя по физиономии Эдвина, с клятым Годвином он сейчас и общался. Рик почувствовал, что по груди потекли капли пота, несмотря на холод. Он спешно добавил:

— Поэтому, если переживаешь за своих друзей и хочешь о них позаботиться, стоит начать уже сейчас. Пока снег где-то там, за горизонтом.

Он закусил губу, пытаясь прикинуть, что сейчас творится в голове у этого парня.

— Спасибо за совет. — Эдвин плотнее запахнул воротник. — Похоже, даже оказавшись на распутье, ты хочешь угодить всем.

— О чем ты?

— Ты сказал, что пытался отговорить Парацельса идти с нами. Это многое говорит о твоей вере в наш успех.

— Ключевое слово — «пытался». Старик себе на уме и рвется в бой, будь он неладен. Я бы пошел с вами, но не могу. Да меня никто и не звал. Слишком много всего творится в этом городе и округе. Я не могу вновь оставить Райю, особенно после того, как ее едва не прикончил фаротский церковник. И предпочел бы, чтобы Гааз тоже был где-то неподалеку, это правда. Но раз уж не могу его переубедить, то хочу хотя бы сделать так, чтобы вы все не сгинули по дороге. А в остальном... Да, ты прав. Я не верю в успех.

Зато честно. Эдвин кивнул:

— Я тоже.

Рик даже не удивился. От них с Лисом веяло мрачной обреченностью — именно на это он и напирал в разговоре с Гаазом. Но старик остался глух и слеп. Быть может, то, что парень сам все понимает, пойдет делу на пользу?

Эдвин тем временем продолжал:

— Я тоже пытался отговорить Ани от похода. Уже несколько раз. Но я плохо умею подбирать слова.

— Видимо, как и я. Вы с ней...

— Да.

Закусив губу, Рик призадумался. Открытием это не стало, но хуже безумного похода может быть тот, где кто-то творит безумства, потому что влюбился. Или еще из-за какой-нибудь глупости.

— Пока есть время, может, поменяемся? Я поговорю с твоей дамочкой, а ты возьмешь на себя Гааза. Он все еще видит во мне мальчишку, каким я был при нашей первой встрече. Может быть, тебя он все же послушает.

— Сомневаюсь. А насчет Ани — сомневаюсь еще больше. Она проделала весь путь от Вествуда до Аргента и намерена идти до самого конца. Так она мне сказала.

— Одно дело — идти до конца. Другое дело — этот конец приблизить. Но я понимаю, о чем ты. Нас окружают самые упрямые люди на свете.

Эдвин скривил губы в подобии улыбки, но она тут же исчезла. Рикард добавил:

— Можно взглянуть на это иначе: даже на пороге гибели мира одиночество нам, похоже, не грозит.

— Одиночество — это то, о чем я иногда мечтаю. Но все никак не могу остаться один.

Они постояли молча около минуты. Впрочем, Рик-то точно молчал. А вот Эдвин мог общаться с изначальным, который засел у него в голове. Как знать?

Стараясь об этом не думать и пользуясь тем, что Эдвин смотрит куда-то вдаль, Рик высунул язык, ловя мелкую морось. Дождь даже не капал: воздух был пропитан влагой, окутывавшей их, как кокон.

— Ты правда не помнишь, как оказался тут? В Аргенте?

Рикард так и замер с высунутым языком, дурак дураком. Эдвин, к счастью, этого не увидел.

— Я не соврал. — Он пожал плечами. — Отлично помню все происходившее в Фароте и нашу вылазку в замок. Закончилось все грустно, это правда. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что все было не зря, Райя смогла выбраться. Жаль, что она одна. Пара ребят, которые были с нами, погибли.

— Один из них был братом Фрея, верно? Мне жаль.

— Да. Мне тоже жаль, особенно когда вижу, как плохо ему сейчас. Веришь или нет, но при первой нашей встрече он был куда здоровее. Во всех смыслах.

— Могу представить. Достаточно взглянуть на Басю. — Эдвин снова невесело усмехнулся.

— Да уж. Этим двоим рубаху по плечу найти — та еще задачка. О чем это я? Ах да. Райя выбралась, а я вроде как приготовился умереть. Подрался с ребятами из Фарота, помню, что их было много. Где-то там в подземелье оставил свои пальцы, — он помахал увечной рукой в воздухе, — и зубы, — демонстративно оскалился. — Дальше все путается. Есть подозрение, что очнулся я в тюремной камере, но это может быть и неправдой. Ведь взаперти я провел все следующие недели.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь уже знаешь эту историю — о том, что творилось у меня в голове с самого детства. Пришлось раз пять пересказать ее во всех подробностях, прежде чем с меня сняли кандалы. Лира никак не могла поверить, что я ни хрена не помню. Даже того, как пытался прикончить ее любимчиков.

— Ты и правда пытался.

— И получил сполна. — Рик пощупал ребра. — В общем, до этого взаперти сидел карпетский вор. Настоящий я. Хотя в какой-то момент легко было запутаться: кто из нас кто и кто тут за главного.

— Что значит «сидел взаперти»?

— Сложно объяснить. Представь себе дверь. Крепкую, окованную железом, может быть, даже с пазами под засов. Но никакого засова нет, только хлипкий замок — такой же плод воображения, как и все остальное. Поэтому она всегда была приоткрыта, скрипела от сквозняков, вся в трещинах и вмятинах. Прямо как моя физиономия после нашей стычки.

— Извини.

— Никаких обид. Люблю иногда приукрасить, знаешь ли. В общем, заглянешь в темную щель — и увидишь мое истинное лицо. Карпетский вор, сидящий взаперти, но всегда готовый выйти наружу. Хуже всего — я позволял ему все больше и больше. А нужно было наоборот: держаться от насилия подальше. И после побега с севера это даже получалось. Но после попадания на рудник, наоборот, стало довольно тяжело оставаться в стороне.

Рик покачал головой, вспоминая:

— Когда я отправился с Райей, то сделал правильный выбор. Но это сейчас легко говорить. В какой-то момент все висело на волоске, — для наглядности он показал пальцами этот мизерный промежуток.

— Ты начал выпускать его слишком часто?

— Сложно было отказать себе в удовольствии. Отец добился своего: карпетский вор был неуправляем. Несгибаем. Он брал на себя всю боль, которую я не мог выдержать. И как следует его кормился. В какой-то момент я оказался слишком слаб, чтобы справиться самому.

— Дверь приоткрылась чересчур широко?

— Можно и так сказать. А когда она захлопнулась, я обнаружил себя с другой стороны — без возможности выбраться. Да и без желания, если быть до конца честным. До недавних пор это было все, что я помнил. Реальный мир добирался до моих глаз, ушей и ноздрей смутными образами: запах крови, скрежет железа, жар костра. Я даже не понимал до конца, где нахожусь. Комната казалась самым реальным местом на свете, а настоящий мир, наоборот, — отголоском фантазий. Так я и коротал время, пока карпетский вор развлекался в рядах фаротской армии. Как он выбрался из замка и зачем ему все это понадобилось, могу только гадать.

— Но ты же в итоге здесь? Как так вышло?

Рик пожал плечами.

— Наверное, на самом деле я все же хотел вернуться. Понимал, что если этого не произойдет — дело плохо. Время там идет иначе: у меня были все минуты и часы этого мира, когда это требовалось, и наоборот — заточение ощущалось как краткий миг, не давая окончательно сойти с ума. В конце концов я понял, что еще не сделал всего, чего хотел. И сразу выяснилось,

что дверь всегда была открыта. Нужно было найти в себе силы встать и пойти к выходу. И вот я очнулся посреди слякотной поляны, прямо здесь. — Он указал за стену.

— Ты и правда выглядел растерянным. Теперь ясно — почему.

— Еще бы. Какой-то мужик попытался меня прикончить, исчезая в одном месте и появляясь в другом. Зрелище то еще, если до этого не видел прыжки через ту сторону своими глазами. А ты тем временем... Ладно, не будем об этом.

Может, Эдвин и хотел еще раз извиниться, но что-то для себя решил и вместо этого сказал:

— Похоже, у нас у обоих мозги набекрень, чего не сказать о других. Поэтому я верю тебе. Но не стоит ждать того же от Лир. Дай ей время.

— Времени у нас как раз немного. А уж недоверие от паломницы с суровой мордашкой я как-нибудь переживу.

— Не говори так при Басе, и вы подружитесь. Особенно если не нужно будет беспокоиться, что ты опять утратишь контроль над собой. Эта твоя дверь — она теперь крепко заперта?

— Нет больше никакой двери, — Рикард покачал головой, — как и комнаты. А карпетский вор сгинул вместе с ней.

— Если так, то каково это — потерять часть себя?

— А я и не потерял. Перестал отлынивать от грязной работы и делить себя на «истинное» и «несущественное». Это давно нужно было сделать. Настоящий я сейчас говорит с тобой. И когда нужно будет ввязаться в очередную заварушку — там тоже буду я. И не завидую тем, кто эту заварушку устроит.

Он нехорошо улыбнулся. Сделать это осознанно было приятно. Эдвин задумчиво кивнул — похоже, ответ его удовлетворил.

— Было непросто перестать видеть в тебе того человека, который встретил нас на въезде в лагерь. А потом пытался убить. Но раз уж я ухожу, а ты остаешься здесь... Теперь мне будет спокойнее от мысли, что, если понадобится, наших врагов встретит кто-то похожий.

— Договорились.

Решив, что это уместно, Рик слегка хлопнул его по плечу. Развернулся и оперся на парапет спиной — смотреть на тоскливый пейзаж уже не было сил. Помедлив, он спросил:

— Изначальный в твоей голове... Как у вас все происходит? Так понимаю, никаких дверей и прочей ерунды?

— Не думаю, что двери могут его удержать. Да, все совсем иначе. Твое истинное «я» было не очень разговорчивым?

— Вовсе нет. У нас все было по-другому: пока действует один, второй притаился где-то неподалеку.

— Я понял. Нет, с Годвином все иначе. Он всегда здесь.

— Даже сейчас?

— Да.

— Жуть. И как оно? Герой из писания сейчас стоит рядом со мной? — Рик картинно повернул голову, оглядев пустую площадь.

Эдвин не оценил юмор:

— Понятия не имею, как он выглядит. Нет, это просто голос. Поначалу был шепот, чаще всего неразборчивый. Я думал, что свихнулся и болтаю сам с собой. Но потом он перестал бросаться пространными фразами и внятно заговорил о том, чего я в принципе не мог знать. Стал реагировать на события вокруг, иногда даже быстрее, чем я сам. Лира предположила, что кратер в Фароте связал наш мир с той стороной достаточно прочно, чтобы все это началось. С тех пор это напоминает катание на веревке, привязанной к ветке.

— Нужно раскачаться как следует, чтобы совершить прыжок?

— Да. Я один раз так чуть не утонул, поддался на уговоры парней... Неважно. Здесь все так же: он копит силы, а потом случается нечто, для чего требуется высвободить эту мощь. Происходит всплеск. А затем нужно грести к берегу и раскачиваться заново. Но с каждым разом эти передышки все короче и короче.

— Повторив одно и то же действие сотню раз, только дурак не научится делать его быстрее и лучше. — Рик помедлил, прежде чем уточнить: — Ты мог бы его описать? Как... не знаю, собеседника? Похож он на изначального, в честь которого церковь так много проповедует?

— Не знаю. — Эдвин и правда озадачился. — Поначалу он бормотал какой-то бред, подобно безумцу, лепечущему вслух. А теперь это ощущается как обычный разговор. Но похож ли он на самого себя из писания — понятия не имею. Я его не читал. Если не считать страниц с постулатами в детстве.

— Это и неважно. Мне интересно именно то, каким ты его видишь. Если можно так сказать.

— Общаюсь ли я со спасителем и героем? Зависит от того, что ты вкладываешь в это слово. Еще совсем недавно я был наивен. Верил, что любой столичный воин заслуживает такого титула. В реальности оказалось, что настоящие герои не носят сияющие доспехи и говорят совсем не то, что ожидаешь услышать. А чаще и вовсе остаются в тени. И то, какими методами был спасен мир, лучше в разговоре опустить. Судя по тому, что иногда говорит Годвин... За разделяющую нас тысячу с лишним лет немного поменялось.

Эдвин взял паузу — похоже, ему было нужно собраться с мыслями.

— Он любит обернуть все так, чтобы вопросы повисли в воздухе, а мне пришлось самому искать ответы. Или ставит перед выбором, напирая на то, что из нас двоих решения принимаю я. При этом, как правило, по какой дорожке ни пойдешь — будет худо. Кажется, отсутствие контроля бесит его больше всего. Так он пытается сохранить хотя бы иллюзию влияния на происходящее. Иногда все наши потуги выглядят в его глазах нелепой суетой, а иногда он приходит в ярость, едва услышав о наших планах. И жестокости ему тоже не занимать.

— Жестокости?

— Каждый раз, когда нужно применить силу. Ты понимаешь, о чем я говорю. Люди ведь и правда умирают... Не могу сказать, кто из нас больше в этом виноват. Да, я источник всех бед, но Годвин наслаждается происходящим. Разве это похоже на героя? Он всегда с готовностью наносит удар. Иногда даже не спрашивая разрешения.

Рик вскинул голову.

— Было и такое?

— Несколько раз. Когда мы были в опасности и все висело на волоске. Сам бы я не успел среагировать. Несмотря на все недомолвки, он почему-то дорожит нашим... совместным существованием.

— Став затычкой между реальным миром и той стороной, начнешь ценить любое общение.

— Может быть. В любом случае это нас всех спасло. И не раз. Но в такие моменты он ближе всего к тому, чтобы «быть здесь». — Эдвин уныло обвел взглядом площадь. — А я наблюдатель, который трясется за свою шкуру, но слишком немогущ, чтобы справиться самому.

Он выпалил это и слегка приподнял брови, сам удивляясь тому, что произнес. Рик стало почти жаль парня.

— Если это и правда спасает жизнь тебе и всем остальным, не так уж плохо иметь козырь в рукаве.

Ложь вплелась в их разговор, заняла выделенный под нее пробел на листке. Рик думал совсем о другом. Если начистоту, услышанное вызвало у него нешуточную тревогу. Знал он

человека, у которого в зашнурованном кошельке был припрятан наточенный нож на все случаи жизни. И нож этот тоже умел болтать и ехидничать. Ничем хорошим это не закончилось.

Но Эдвин пропустил последнюю фразу мимо ушей. Вытер ладонью лицо, нервно сказал:

— Нужно разобраться со всем этим. В дорогу не возьмешь больше, чем способен унести.

И прежде чем отправиться на север, следует сбросить лишний груз.

Парень говорил сам с собой. Рик, уже не скрывая беспокойства, вновь легко коснулся его плеча.

— Ты как, в порядке?

— Да. — Эдвин вывернулся из-под его руки и опять подтянул воротник к подбородку.

— Мне пора идти.

Он сделал пару шагов к воротам, но, вспомнив о чем-то, развернулся и добавил:

— Я обычно держу язык за зубами, но это не со зла или вроде того. Больше люблю слушать и наблюдать. Понимаешь, о чем я?

Рик развел руками. Не всем быть болтунами.

— Но я... В общем, с первой встречи у нас не заладилось. Но я правда рад, что, когда покину город, тут останутся люди вроде тебя. Вот.

Они кивнули одновременно, будто бы пожав друг другу руки, но без лишних церемоний. Эдвин развернулся и быстро пошел к арке. Рик проводил его взглядом, пока юноша не скрылся за поворотом, а сам снова повернулся к парапету и задумался.

Не то чтобы он нуждался в новом приятеле и все же был рад, что им удалось поболтать — прояснить недомолвки и даже обсудить кое-что интересное. Вот только беседа оставила на языке неприятный привкус.

И почему, будь оно все проклято, последние слова парня прозвучали как прощание?

Глава 7. Портреты

— Куда мы идем?

— Проявите терпение.

Справедливо, но крохи ее терпения растаяли еще в начале пути, учитывая, насколько неспешно продвигался Морн. Коридоры тянулись один за другим, а когда закончились, начались лестницы. Это было гораздо хуже. Жалоб не звучало, но Райя никак не могла выбросить из головы недавний рассказ. Каждый его шаг теперь выглядел как небольшой подвиг.

Она не могла припомнить, когда в последний раз забиралась так высоко в стенах аргентского замка. Быть может — никогда. Позади остался проход, ведущий в зал государственного совета. Выше, по ее сведениям, находились личные покои и комнаты для тех, кто ценит уединение и может его себе позволить. Обычным людям на этих этажах делать было нечего. Даже не так. Обычным высокородным.

Морн вновь прочитал ее мысли:

— В этом тоже есть некая ирония. Я говорил, что после войны обрел должность, где физическая мощь не имеет значения. И при этом оказался намертво связан с бесконечными лестницами. Нижние этажи уже успели кое-где оснастить подъемниками, но здесь об этом можно лишь мечтать. Урбейн даже затеял перестройку одной из башен поближе к своим покоям, но это не быстрый процесс. Знали бы вы, сколько раз я пешком проделывал путь от своего кабинета сюда и обратно. Наверное, это часть моего искупления. Или чья-то издевка.

Он выделил «чья-то». Райя, которая тоже успела запыхаться, выпалила:

— Почему вы не обустроили себе кабинет прямо здесь?

— И оказаться запертым под облаками, гоня подчиненных с докладами туда-сюда? В моем положении заставить себя спуститься было бы слишком сложно. А я предпочитаю быть ближе к земле и простому люду. Должность обязывает.

После прибытия в замок Райя успела побывать в комнате, которую Морн величал своим «кабинетом». На ее взгляд, с близостью к простому люду он даже перестарался: помещение легко могло сойти за пыточную. Впрочем, знала она его не так уж давно. Возможно, эта догадка была не так далека от истины.

— О том, что вы сейчас увидите, не должно стать известно ни одной живой душе. Ни единой.

Она вздрогнула от неожиданности, но уверенно ответила:

— Не переживайте, меня с детства учили хранить секреты.

Морн остановился так резко, что она врезалась в его спину. Отскочив назад, Райя смогла выдохнуть и таки обратить внимание на то, что их окружало. Глава тайной службы вел ее по ярко освещенному коридору, рунные лампы мерцали через каждый десяток шагов. Проход был не очень широким, разведи она руки и смогла бы коснуться стен. Под ногами стелился красный, с серебряным узором, ковер; девушка вполне могла допустить, что плетение состоит из рунных нитей, подобно одеяниям главных священнослужителей. Широкие окна, покрытые каплями дождя, за которыми не было ничего, кроме серой мглы. Портреты в простенках, изображающие когда-то давно живших на свете людей, но ныне забытых всеми. Путь ощущался почти торжественно, здесь вереницей могла вышагивать рота гвардейцев, готовясь принять заслуженные награды.

Награды за очередную резню.

Такие мысли не шли впрок даме в ее роли и положении, но разговор в саду оставил свой отпечаток. Внезапно ковер начал казаться ей рекой крови, убегающей куда-то вперед.

Черная мантия обернулся, глядя на нее из-под сведенных вместе бровей. Склонил голову слегка в сторону.

— Я хочу, чтобы вы уяснили. Вам может казаться, что некое тайное знание уже пустило корни в вашей голове. Как-никак, вы успели заявить о своем присутствии на государственном совете, а за последние недели и месяцы через многое прошли. Я все вижу и ценю ваш вклад, не сомневайтесь. Но хочу, чтобы вы знали: вся болтовня, которая слетает с языков там, — он ткнул пальцем под ноги, указывая на нижние этажи, — не более чем плесень на яблоке. А заодно и в вашей голове. Можете счистить ее, без сожалений. А потому скажу еще раз. Никому. Ни одной живой душе. Не должно быть известно. Вы меня поняли?

Райя посмотрела в его темные глаза и внутренне содрогнулась. Спору нет, глава тайной службы раньше неоднократно вызывал у нее дрожь, сидя на своем стуле во время общих собраний и высматривая что-то в лицах участников. То был испуг по незнанию — людям свойственно бояться того, чего они не понимают. После возвращения она начала общаться с Черной мантией ближе чем когда-либо и уже успела поздравить себя с восхождением на очередную ступень. Присутствие этого человека рядом больше не заставляло ее беспричинно нервничать.

Но сейчас... Она оказалась на месте тех, с кем Морн вел допросы, а не разговоры. И в его взгляде она увидела нечто, что в очередной раз заставило уверовать: этот человек занимает свое место по праву.

— Да, я поняла.

Он еще несколько секунд смотрел на нее не моргая, после чего развернулся и, подобрав полы мантии, пошел дальше. Хрипло возвестил:

— Почти пришли. Взгляните-ка пока сюда.

Они прошли через испещренную узорами, гостеприимно распахнутую двустворчатую дверь. Райя остановилась так резко, как если бы вновь влетела в спину своего поводыря. Но в этот раз она сбилась с шага намеренно, чтобы осмотреться.

Ковер продолжал стелиться под ногами, но теперь он разрезал напополам просторный зал с высоким потолком, каменным полом и колоннами вдоль стен. Дорога вела к еще одной двери, сейчас запертой.

Слева, в окружении всякой декоративной ерунды, стояла огромная, обитая темной тканью кушетка: крупные квадратные ножки, резные подлокотники, которые своей шириной превосходили туловище Райи. При желании она бы смогла без проблем вытянуться здесь во весь рост и с комфортом выспаться. Расположение этого здорового предмета мебели наводило на размышления о бесконечных минутах, а может, и часах ожидания, которые были уготованы любому, кто примостит свой зад на это суровое роскошество.

Она медленно повернула голову вправо, чтобы оценить пейзаж, которым предлагалось полюбоваться каждому ждущему. Медленно сошла с ковра, будто ступила на берег, подошла поближе. Морн зашуршал одеянием где-то за ее плечом — может, от нетерпения или чувства неловкости, — но сейчас это было неважно.

Потому что она во все глаза смотрела на огромный портрет.

Вильгельм встречал ее с полотна тем же взглядом, который она не раз ловила во время редких личных встреч. Из-под кисти художника владыка вышел заметно моложе нынешнего себя, но в уголках глаз уже залегли хитрые, в чем-то даже заботливые морщинки. Мастеру удалось сохранить и знакомый ей прищур, и опасный блеск в глазах, поневоле заставляющий вспомнить о поклоне и повиновении. В зачесанных назад волосах почти не было седины, тонкие губы изгибала легкая снисходительная улыбка. Владыка был изображен по пояс: сидя в кресле, одну руку он положил на подлокотник, вторая терялась где-то за резной рамой.

Наверное, таким он был, когда она родилась, уже после своей победы, но за много лет до этого момента. Морн слегка кашлянул; Райя дернулась от неожиданности, с трудом отвела глаза от существующего вне времени лица, обернулась. Мужчина взглядом указал куда-то чуть ниже.

Портрет Вильгельма был по-настоящему большим: даже встав на цыпочки и вытянувшись во весь рост, Райя не смогла бы достать до верхнего края. Он притягивал взгляд из любой точки комнаты — неудивительно, что поначалу она не обратила внимания на еще одну картину. В этот раз узкую и длинную, протянувшуюся слева направо прямо под портретом правителя Симфареи. Почти фундамент, на который он установил свое кресло.

Она уставилась на рисунок; по размерам он был куда скромнее и изображал сразу нескольких людей, а потому лица их были не столь проработаны и различимы. Но она без проблем узнала каждого.

Художник изобразил группу мужчин за длинным столом, по центру сидел все тот же владыка, из-за чего девушке начало казаться, что в глазах двоится. Правда, здесь он был куда старше, навевая на мысли о временах не столь давних. Седины в волосах и морщин прибавилось, но он смотрел прямо на зрителя все с той же хитрой полуулыбкой, сжимая в руке бокал.

За спиной Вильгельма толпились люди, но мастер изобразил их как кучу смазанных силуэтов, серых, приглушенных. Лица у этих теней едва угадывались. Приглашенные к трапезе, но не заслуживающие упоминания. Зато по обе стороны стола расположились члены государственного совета. Вот их было достаточно легко узнать, пусть весь акцент сцены и пришелся на владыку.

Левее всех сидел Артамир, привратник столичного рудника, седой, учтивый высокородный, с тонкими чертами лица — каким она его и помнила. Показательно, что если Хейзел к тому моменту уже и пребывал в должности, здесь его участие не было отражено: предпочтение было отдано пожилому зрителю над местными белоголовыми, а не тому, кто отвечал за рудники в целом.

Рядышком, между ним и владыкой, занимая огромный кусок стола, примостился Трагот Хослоу. Подбородок задран, суровое, но благородное лицо, даже борода подстрижена до состояния трехдневной щетины. Подготовился к позированию или то был комплимент от художника?

Тощий, старый, со впалыми щеками, Лукс расположился справа, настолько, что его туловище даже слегка торчало из-за края стола. Казалось, автор до последнего сомневался, добавлять ли главу хозяйства за общий стол, и все же решился. Райя отметила, что Кеннета Роже — вечно хмурого, но ответственного за увеселения — позировать не пригласили. Словно веселью, в любом его проявлении, здесь не было места. Никто кроме владыки не улыбался.

Урбейн, куда же без него, светлым пятном белел по левую руку от Вильгельма и справа для зрителя. Церковная мантия, губы плотно сжаты, взгляд устремлен чуть в сторону, он словно тянулся к чему-то на столе, игнорируя всех остальных. Блеск голубых глаз намеренно приглушен, они выглядели просто серыми.

Почти все. Теперь Райя не могла оторвать взгляд от последнего лица, столь хорошо ей знакомого.

Ее отец был единственным, кто не сидел за столом, но при этом остался легко узнаваем. Главный дипломат Аргента стоял позади владыки, частично прикрытый им и совсем немного — плечом Урбейна.

Почему-то старше всех на вид, отчего сердце девушки резануло болью. Гидеон склонился над всеми, слегка ссутулившись и стесняясь своего положения за чужими спинами. Одна рука где-то на спинке стула правителя, вторая вытянута вперед. Словно он хотел взять еще немного вина со стола, но в последний момент отвлекся на окрик художника. Мудрые глаза смотрели прямо на Райю, седых волос так же мало, как при их последней встрече. Куча морщин, брови слегка приподняты, что бывало всегда, когда он учтиво выслушивал собеседника.

Она глубоко задышала, пытаясь справиться с чувствами, но даже в момент смятения смогла по достоинству оценить мастерство портретиста. Без сомнений, каждый из присутству-

ющих позировал отдельно, а уже после был добавлен за общий стол, и целостность сцены была выписана идеально. Казалось, мужчин застали за важным, влияющим на чужие судьбы разговором, и в момент внезапного оклика они таки прервали диалог, благосклонно отвлекшись на зрителя.

Морн сделал шаг вперед и встал рядом с ней.

— Не то чтобы меня часто заставляли ждать в этом зале... Но не скрою: я успел изучить эти полотна во всех мельчайших деталях. Вплоть до каждой царапинки на раме, что уж говорить о бесчисленных мазках краски. Владыка висит здесь уже долгие годы, мастера наняли незадолго до конца той войны. Представьте мою радость, когда спустя годы был заказан общий портрет. Новый объект для бесконечного созерцания.

— Почему вас нет за столом?

— Вы забываете, Райя, что для персон, в отличие от вас, не столь сведущих я простой надзиратель за порядком и слугами. Или какой еще показной титул мне выдали за спиной? Давно не интересовался. Пусть немногие оказываются в этом зале — важно соблюдать устоявшийся порядок до конца.

Он на мгновение примолк, после чего добавил:

— А еще сидеть в одной позе часами было бы для меня чересчур изощренной пыткой.

— Верю. Вы ведь разбираетесь в них как никто.

Черная мантия покосился на нее с интересом, но ничего не ответил. Райя уточнила:

— Портрет свежий?

— Относительно. Ему несколько лет, но нарисован он был уже после того, как сформировался знакомый вам состав государственного совета, с некоторыми допущениями. В какой-то степени к этому картина и приурочена. Но как обычно бывает, со временем кто-то утратил доверие или ушел в тень...

— Как Артамир?

— В том числе. Наш пожилой привратник всегда предпочитал общество цифр и бумаг людскому. Но и наоборот, время показало, что другие люди заслуживают места за столом.

— Не вижу тут Хейзела, Роже...

— Вообще, я имел в виду вас.

Райя вопросительно приподняла бровь, чтобы скрыть изумление и, надо признать, теплое чувство в груди от подобной лести. Но Морн проигнорировал ее ужимки, продолжив говорить:

— Да, для всех места не нашлось. Скажу вам по секрету, что господин Кеннет Роже, несмотря на свою напускную суровость, гуляет по коридорам этого замка с приклеившимся к нему титулом «представителя шутов». Вильгельм всегда снисходительно относился к народным песням и пляскам, пусть и признавал, что порой они могут пойти на пользу.

— А Хейзел?

В этот раз перед ответом Морн слегка помедлил:

— Назначение господина Хейзела Грольма на должность всегда вызывало ряд вопросов. Я пытался через доверенных лиц донести до окружения и лично до владыки всю несостоятельность подобного решения. Но не был услышан. Подозреваю, что пока мои возражения влетали правителю в одно ухо, в другом стоял крик, требующий прямо противоположного.

— Вы изучили его? Что-то было не так?

— Скорее наоборот. Господин Грольм всегда был достаточно неубедителен во всех аспектах своего бытия, неприемлемая простота души. Даже если бы он собрался плести интриги, то тут же наследил бы за собой пятном подливыв. А я, знаете ли, предпочту иметь в окружении опасного соперника, нежели полную бездарность. Поэтому на картине ему не нашлось места, если вы понимаете, о чем я.

Райя выдавила из себя улыбку.

— Но тем не менее его назначили на пост.

— Полагаю, он был во многом... удобен. В нашей нынешней ситуации этот факт не выглядит столь беспечно, но присутствие здесь Артамира намекает на реальное положение дел. Кто-то получил уважение и доверие. А кто-то — должность.

А еще кто-то до сих пор жив, а кто-то отправился в небытие. Похоже, не заслужить доверие Черной мантии было самым неосмотрительным решением в жизни Хейзела. Особенно в момент, когда любая беспечность стала непозволительная. К слову об этом...

— Как можно говорить о беспечности, если он здесь. — Райя смотрела на суровое лицо Трагота Хослоу.

— Назначение, в котором мог засомневаться совсем уж отчаянный скептик. Военный, носящий доспех как вторую кожу, ассоциирующийся с ним. Играет за круглым столом, пьет и лапает женщин? И все это — при живой жене? А кто из военных такого не делает? Увы, наши враги смогли разглядеть брешь в подобных пристрастиях куда лучше.

— Как он?

— Гораций регулярно навещает нашего бывшего главнокомандующего для профилактической беседы, так скажем. Но он уже давно не сообщал ничего нового.

— Что с ним будет?

— Посмотрим. Вам об этом задумываться не стоит. Поверьте: в наших застенках он не испытал и сотой доли уготованного судьбой. Я видел, как люди страдали несоразмерно больше за куда меньшие проступки. А потому не терплю предательства. Во всяком случае, столь явного и болезненного.

Стараясь не думать о том, что происходит в тех самых «застенках», а заодно оттягивая неизбежное, Райя указала на Урбейна:

— Как так вышло, что владыка, при всем его стремлении править, отрезал святому отцу такой жирный ломоть власти? Даже здесь он изображен ближе всех к центру стола.

— Красиво говорите, опять узнаю влияние Фрея. Он всегда с презрением относился к людям в белых одеждах — возможно, потому, что сам предпочитает черное, как и я. Ответ на ваш вопрос в нем и заложен — а именно в прозвучавшем титуле. После завершения войны мы еще долгое время жили на огромной пороховой бочке с тянущимся к ней погасшим фитилем, готовым в любой момент вновь вспыхнуть. И владыка, как я полагаю, прекрасно это осознавал. Церковь стала тем самым институтом, привычным для людей, способным стать им опорой и отвлечь внимание от прочих бед. А святой отец удачно оказался рядом, получив награду за свою безоговорочную поддержку в те смутные времена.

— Он всегда был таким резким?

— О да. Но, знаете ли, для того чтобы направлять людей и мотивировать их к молитве, — Морт картинно приложил пальцы ко лбу, — не нужно быть святым или лучиться благостью. Достаточно уметь руководить. И этот навык у святого отца отточен за годы. Вы же в курсе, что раньше священнослужители не были собраны под одной пятой?

— Да.

— После того как Симфарей слилась в единый организм, Вильгельм стал ее сердцем. Однако даже сильное сердце ничего не гарантирует: всегда есть риск, что поток жизни пойдет не тем путем. Объединенные под началом Урбейна священнослужители выстроили новую жизнь вокруг постулатов, значение которых лишь возросло. Тонкие нити веры тянутся отсюда к каждому жителю континента и по сей день опутывают страну. Уже выросло поколение, не помнящее разницы между уважением и превознесением. Но это работает.

— Даже чересчур. И от поколения не зависит, скорее от умения священнослужителя проповедовать. Мне удалось близко пообщаться с Байроном и его окружением, эти люди истинно верят. Правда, не совсем в то, к чему мы привыкли.

— Это даже забавно. Несмотря на родство, Урбейну всегда было важнее, чтобы верили все вокруг. Проповеди для него — инструмент в умелых руках.

— Не вижу ничего забавного. Зато Байрон действительно верит в то, что говорит. Вас не смущает их очевидная связь?

— Раньше смущала даже больше, если честно. Верите или нет, но действия Байрона создали между ними пропасть. Если бы вы знали Урбейна так же хорошо, как я, то поняли бы: он никогда не рискнет всем, что нажил за эти годы. Ради чего? Чтобы увидеть пришествие Годвина или крах всей Симфарей, как повезет? Ну уж нет. Куда больше меня волнует другое.

— Что же?

— Потеря стабильности. Протянутые по стране ниточки рвутся одна за другой, но это полбеды. Гораздо хуже, если кто-то убеждает себя, что именно ему суждено сплести их воедино.

— Думаете, Урбейн может заявить о своих притязаниях в этой суматохе?

— Все мы претендуем на что-то, даже вы, хотя этого и не осознаете. — Морн нахмурился. — Но когда Осфетид взялся кромсать ножом налаженные связи, многим это не пришлось по душе. В том числе и святому отцу. Но с этим мы как-нибудь разберемся. Благо у всех есть свои слабости.

Под «мы» он подразумевал себя, не собираясь делиться подробностями. Просто пялился на рисованного священнослужителя, улыбаясь уголком губ. И своей фразой он подвел черту, осталось обсудить лишь одно. Сглотнув и глядя на застывшее лицо своего отца, Райя спросила:

— Как вы думаете — он жив?

— Осфетид не глуп, он и не собирался убивать столь ценного заложника, коим является Гидеон. А что с ним сейчас, мы не можем знать. Кстати, вы упомянули, что Урбейн изображен ближе всех к владыке, но я бы поспорил. Присмотритесь повнимательнее.

Девушка задержала взгляд на руке отца, лежащей где-то на спинке чужого кресла. Устало резюмировала:

— Если и так, на пользу это не пошло. Если бы Вильгельм не отправил его в Фарот, всего этого можно было бы избежать.

— Чего именно? Вы бы сейчас не так сильно переживали за свою семью? Может быть. Но поверьте, Осфетид осуществил бы нападение независимо от того, кто явился к нему на порог. А вот в том, что владыка отправил вашего отца, вы ошибаетесь. Гидеон сам рвался туда.

Райя изумленно уставилась на него.

— Что?

— Ваша реакция схожа с моей. На тот момент сложно было предсказать масштаб беды, свалившейся на наши головы, но кратер в Фароте уже сам по себе был беспрецедентной катастрофой. И потому отправлять столь важного человека в нестабильный регион было глупо. О чем я незамедлительно сообщил как владыке, так и напрямую вашему отцу. — Морн вздохнул. — Не скажу, что наш с ним диалог строился на взаимопонимании и уважении. Скорее, на взаимном упрямстве. Чем все завершилось — вы знаете. Гидеон таки оказался там, куда так стремился, пусть и с небольшой задержкой.

— Это я виновата. — Райя повернулась к нему, удивляясь, почему так сильно першит в горле. — Он знал, что я где-то там, на руднике или рядом. Пытался найти зацепку, хотел мне помочь. А мы ведь и правда были так близко друг к другу...

Глава тайной службы ничего не ответил. Не выдержав затянувшегося молчания, Райя спросила:

— Каково ваше мнение о нем? Вы высказались обо всех, кто изображен здесь. — Она кивнула на портрет.

— Вряд ли я смогу описать Гидеона лучше, чем его собственная дочь. И это было бы как минимум не очень красиво. Но если прислушаться к тому, что вы сказали... Если у Гидеона есть личные мотивы и, принимая решения, он руководствуется ими, то это никому из нас не пойдет на пользу.

Райя отвернулась, сложив руки на груди.

— Зачем вы привели меня сюда? Показать портреты, о которых никому нельзя рассказывать?

— Вовсе нет. Если ваше стремление приобщиться к искусству удовлетворено, предлагаю следовать дальше.

Он отвернулся и размеренно пошел вперед, к закрытой двери. Приблизившись, постучал — дважды, тихо и учтиво. А потом еще дважды, желая убедиться, что его услышали. Райя едва удержалась от того, чтобы протереть глаза: она-то думала, что перед главой тайной службы открыты абсолютно все двери замка.

Створка плавно отошла в сторону — ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь. Райя увидела бледное дородное лицо женщины средних лет. На ней было зимнее лакейское одеяние с короткой накидкой, а волосы скрывала светлая теплая шапочка. Девушка отметила, что эта бледность не имела отношения к испугу, к которому в своем нынешнем окружении она уже успела привыкнуть. Женщина просто не любила бывать на солнце.

Морн что-то шепнул; она склонила голову и отошла в сторону, широко открыв дверь. Мужчина шагнул через порог, обернулся.

— Вы идете?

Райя быстро скользнула следом. Если служанку и удивило ее присутствие, то она никак этого не выказала, даже не подняла головы: так и стояла, замерев в полупоклоне. Впереди их ждала широкая, в десяток ступеней лестница, начищенная до состояния зеркала. Выше находился еще один арочный проход, но уже без дверей. Свет лился на ступени, танцуя разноцветными бликами, заставляя окружение контрастировать с торжественно мрачной приемной.

Сглотнув вязкую слюну, Райя неуверенно посмотрела на Морна, но тот, вздохнув, уже начал подниматься, ступенька за ступенькой. Подразумевалось, что ей нужно идти следом. Этот небольшой подъем дался ей легко — дрожала она скорее от волнения, в то время как Морн одолевал ступени, беззвучно ругаясь одними губами.

Свечение, бьющее сквозь арку, ослепило ее.

Комната была огромной, превосходя размером даже зал государственного совета. Вдоль стены напротив тянулись окна от пола до потолка, украшенные витражами. Отдельный рисунок на каждом, и даже серого дневного света хватило, чтобы погрузить комнату в вихрь цветастого мерцания, гуляющего по поверхностям. Она разглядела знакомые церковные узоры, но никак не могла сосредоточиться — великолепие било по глазам. Что здесь творилось в солнечный день — сложно было вообразить.

Одно из окон было распахнуто и служило выходом на балкон: холодный ветер задувал внутрь. Стало понятно, почему служанка укуталась в теплую одежду. Райя поежилась. Морн спросил:

— Как обычно?

— Да. Любит свежий воздух. — Голос раздался прямо за спиной. Райя нервно вздрогнула. Женщина говорила ворчливо, но с ноткой заботы, навеявая мысли о доброй бабушке.

Черная мантия пошел вперед, безжалостно давя цветные всполохи каблуком. Сквозняк разворошил волосы; Райя зажмурилась, давая глазам передышку, и выскочила наружу, прыжком под давящие на макушку облака. Так высоко в замке она еще не взбиралась. Дверь за спиной закрылась, оставив их наедине друг с другом и с холодом.

Наедине ли?

Морн, уже не обращая на нее внимания, свернул вправо и остановился у небольшого стола. В ясный день отсюда должен был открываться невероятный вид на город и окрестные земли. Сейчас же осенним туманом безропотно любовался единственный зритель, скромно примостившийся на стуле в самом углу.

Взглянув на него, Райя сипло охнула и склонила голову. К чему-то подобному она готовила себя последние несколько минут — наивной душой она не была, но реальность все равно ударила прямо под дых. Не каждый день оказываешься в такой компании.

Вспомнив все, чему учил отец, и надеясь, что никто не заметит дрожь в голосе, Райя смиренно произнесла:

— Приветствую вас, владыка.

Глава 8. Хромая забота

— Хромая, ты уверена, что мы в правильном месте?

— Уверена.

— И долго еще ждать?

— Столько, сколько нужно.

Нахмурившись, солдат проворчал что-то себе под нос и, к счастью, умолк.

Болтал он много, часто невпопад. Отзывался на имя Груно. Широкая, покрытая щетиной морда, проплешина, тянущаяся от лба до макушки, маленькие глазки с вечным прищуром и тонкие, искривленные в ехидной ухмылке губы, — все в нем создавало образ простого бандита с парой ножей за пазухой.

Но за внешностью обычного головореза скрывался опытный солдат — именно его Кол Брут отправил на подмогу Амирель перед взрывом моста, доверив все планы и инструкции. Такое кому попало не прикажешь. Подробности Далия узнала совсем недавно и ненароком: что-то выболтала Амирель, чем-то умудрился прихвастнуть сам Груно — в том числе и бойней, которую они устроили в окрестностях рудника.

Так или иначе, представление об этом человеке у нее сложилось, метки были проставлены. И сейчас Далия желала лишь одного — чтобы он наконец заткнулся.

Именно поэтому Павелль нравился ей куда больше — настолько, насколько вообще можно проникнуться симпатией к людям ее круга. Эта опытная скотина умела держать рот на замке, вытягиваясь по струнке даже сидя. В таком состоянии, близком к ступору, вояка мог пребывать бесконечно долго, чем и занимался сейчас.

Но сомневаться не приходилось: он неустанно следил за происходящим вокруг, готовый в любую секунду вынырнуть на поверхность из глубин, куда погружался, пока все было спокойно.

А еще он был единственным, кому не пришлось выдумывать себе кличку. «Скромный» — само ложилось на язык и прекрасно ему подходило. Чего нельзя было сказать о херне, которая прилипла к ней самой.

«Хромая». Серьезно? Будь проклята эта солдатня, лишенная воображения, ума и чувства такта. Потеряй палец — будешь «Беспалым», глаз — «Одноглазым», уродишься низкого роста — нарекут «Малышом». С выдумкой в казармах всегда было туго, Далии это было прекрасно известно, просто до недавних пор этот факт заботил ее меньше всего на свете.

Но стоило ей начать прихрамывать из-за этих гребаных ребер, как прозвище само ее нашло. Была в этом некая несправедливость, если учесть, что клички изначально были ее идеей. Точнее, обязательством, возложенным на каждого в их отряде.

Груно, недолго думая, нарек себя «Болтуном», лыбясь во всю ширь лица и не обращая внимания на Далию, глаза которой в тот момент едва не закатились к затылку. Прозвище ему подходило, этого не отнять.

Придатком к их странной компании был Яви, за свое телосложение получивший имя «Тощий». Большие глаза на узком лице придавали ему по-детски наивное выражение, но легкие морщинки и тусклый взгляд карих глаз выдавали человека, разменявшего как минимум четверть века. Длинные ресницы, редкие русые волосенки, кудряво спадающие на лоб, — тот самый тип мужчин, которые до старости похожи на подростков. Поначалу это может сыграть на руку, но со временем становится все большей проблемой.

Особенно если присмотреться.

Как обычно бывает? Вначале такие ребята очень хотят повзрослеть: отпускают смешную поросль над верхней губой и старательно хмурят брови, чтобы придать себе важный вид. Не получается. Но чем старше они становятся, тем заметнее это врожденное преимущество перед

стремительно лысеющими и дряхлеющими ровесниками. И рано или поздно оно уже не идет впрок. Сублинный, похожий на ребенка-переростка взрослый мужик наконец перестает вызывать у окружающих хоть какие-то серьезные чувства.

Но Яви сейчас об этом не думал. Куда больше его заботил кляп, перетянутый вокруг головы и врезавшийся глубоко в приоткрытый рот. Запястья покраснели от пут, а самого его усадили прямиком на землю, отчего мантия, когда-то белая, а сейчас покрытая бурыми, коричневыми и серыми пятнами, запачкалась еще сильнее. Влажные полы одеяния окутали костлявые лодыжки, сапоги увязли в грязи вместе с тощей задницей.

От одного его вида Далии пришлось подавить приступ кашля. Болезнь и скоропостижная смерть парня не входили в ее планы. Нахмурившись, она поднялась с пня, на котором сидела, и подошла к Тощему, заставив того зажмуриться. Одним движением подхватив мужчину на ноги — весил он как птенец, — она оттащила его к своему месту и заставила сесть, надавив на плечо. Застыв рядом, достала снадобье и капнула пару капель себе на язык. Боль в ребрах ушла на второй план, но конечности сразу занемели. Она скрестила руки на груди.

Груно вновь оживился:

— Материнская забота?

— Забота о нашем общем деле. Если он подохнет от холода прямо в этой грязи, можем сразу расходиться по домам. — Для наглядности она ткнула в Яви пальцем. — Ни один кудрявый волос не должен упасть с этой головы, понятно изъясняюсь?

Вояка пожал плечами и ничего не ответил. Одной рукой он с остервенением чесал щетинистую щеку, пальцами другой теребил пару игральные костей или их подобие: они глухо клцали друг о друга в такт его движениям. Его молчание она предпочла расценить как согласие. Зато Тощий задрал голову и что-то замычал, не сводя с нее взгляда. Далия вздохнула: стоит проявить хоть каплю здравого смысла, и объект заботы начинает рассчитывать на большее. Она отвернулась, игнорируя нарастающее мычание.

— Заткнись. — Болтун заложил руки за спину, слегка наклонился вперед и сказал, некрасиво оттопырив губу: — Волосы не трону, а вот о других частях тела речи не шло. Ты выживешь, но их потеря станет болезненным опытом, это я обещаю.

Яви хлопнул глазами и заткнулся, почему-то покраснев — наверное, от страха. Далия прикрыла глаза, давая порыву ветра содрать с лица еще один тонкий слой кожи. Копируя манеру Скромного, она развела плечи в стороны, вытянувшись так, что ребра протестующе взвыли. Стиснув зубы, она позволила этой вспышке боли утихнуть, зато в голове сразу прояснилось.

На некоторое время вокруг установилась тишина. Ее нарушали шелест травы, клцанье костей да скрип кожаной куртки Груно, который, несмотря на строевое прошлое, не мог долго усидеть на месте. Затем к этим звукам добавился тонкий писк, будто где-то неподалеку выползла мышка-полевка. Далия недоуменно приоткрыла глаза и взглянула на Тощего. Страхась выдавить из себя что-то более громкое, он издавал невнятные звуки, глядя на нее глазами размером с блюдце.

Вздохнув, она присела перед ним на корточки.

— Насколько я знаю, священнослужителей обучают смирению. Это так?

Скрип куртки за спиной утих. Не обращая на это внимания, она продолжила:

— Когда я задаю вопрос, я ожидаю получить ответ, юноша. Чтобы ответить «да» или «нет», рот тебе не нужен. Так что?

Мальчишка кивнул, глаза его заслезились.

— Хорошо. Тогда предлагаю тебе вспомнить все проповеди, которые звучали в монастырях, кельях, соборах, на площадях и в местах, где их могли слышать только изначальные. Быть может, многие из них вылетали прямиком из твоего рта. Сейчас я рекомендую тебе молиться

молча. Уверена, Годвин услышит тебя и так — и не обидится, что его верный последователь вызывает к нему столь несмело. И знаешь, почему я советую тебе этим заняться?

Голова качнулась из стороны в сторону. Не знает.

— Потому что эта белая, — она скользнула взглядом по его рубищу, — точнее, некогда белая мантия — все, что у тебя осталось. Может, под слоем дерьма она вся светится от благодати, которую должен источать любой последователь церкви. Найди в этом успокоение и прими свою судьбу. Она сейчас в моих руках. — Для наглядности Далия покрутила перед его лицом ладонью в перчатке. — Иначе знаешь, что?

Опять отрицательный жест: подбородок едва двинулся слева направо и обратно. Она указала большим пальцем себе за спину.

— Господин Болтун не единственный тут, кто умеет аккуратно отрезать не особо важные для жизни части тела. Совсем не хочу, чтобы ты захворал, сидя на холодной земле, это правда. Но если теперь ты решил, что у меня еще есть запас терпения и доброты, то глубоко ошибаешься. Доступно изъясняюсь?

На этот раз голова осталась неподвижной. Парень прикрыл глаза, по щекам потекли слезы, и раздался журчащий звук, неожиданно громкий. Далия недоуменно прищурилась, а затем опустила взгляд. Пахучие струйки вымочили и без того влажную ткань мантии и потекли по пню, впитываясь в землю прямо перед носками ее сапог. Яви обмочился.

— Кажется, я знаю, о чем он хотел сказать своим мычанием.

Голос Павеля звучал издевательски ровно. Если бы он умел издеваться. Солдат констатировал факт.

Груно добавил:

— Никакие молитвы не спасут, когда ссать хочется. Сам столько раз взывал к изначальным в такие моменты, но раз на раз не приходится. Зато так даже теплее, уж я-то знаю.

Далия потеряла переносицу и поднялась на ноги. Где найти силы на все это?

— Я не вовремя?

Все обернулись на незнакомый голос. Груно схватился за меч на поясе, но Далия остановила его взмахом ладони, сглотнув подступивший к горлу ком.

— Спокойно!

Солдат внял ее предупреждению и медленно убрал руку с оружия. Скромный даже не пошевелился, но взглядом уже обшаривал девушку, ради которой они коротали время на ветру. Далия понимала: даже если забыть о случившемся с Яви казусе, от них всех и без того должно пахнуть, как от выгребной ямы. С внешним видом дело обстояло не лучше: походные лагеря и тяжкие времена наложились друг на друга, не способствуя ни опрятности, ни человеческому облику.

Зато гостьей Далия залюбовалась — настолько та цвела и пахла. Пялилась на них с легкой улыбкой на устах, источая аромат весеннего луга. Крылья носа Далии непроизвольно затрепетали, пытаясь вдохнуть как можно больше запаха весны, столь далекой от этого момента.

Девушка спрятала темные волосы под белоснежную косынку, несколько прядей все же выбились наружу и обрамляли лицо. Для кого-то она могла стать воплощением красоты, а другой прошел бы мимо, даже не взглянув в ее сторону. Небольшой бугорок на носу сразу бросался в глаза, но Далию, обладательницу внушительного клюва, подобное ничуть не смущало. Крупные серьги оттягивали мочки ушей. Светлое, совершенно не по погоде платье прикрывал темно-алый передник в тон каемке платка. Загорелые руки девушка смиренно держала перед собой, плавно перекачиваясь с носка на пятку.

— Вовремя. — Далия шагнула ей навстречу. — Я уже успела промерзнуть до костей на этом проклятом ветру.

Гостья жестом остановила ее. Приподняла брови, с легким намеком взглянула на свое платье, которое больше подошло бы для теплого летнего вечера. Хмыкнула:

— В таком случае нам всем придется потерпеть еще немного... старушка.

— Придерживайся имен, о которых мы условились.

— Но я...

— Следуй плану. — Далия подпустила стали в тон.

Простое требование. Ей не одну сотню раз приходилось повторять его вслух, втемнявшая в головы подчиненных. Нехватку мастерства можно компенсировать дисциплиной — древняя истина. Это касается даже прозвищ, какими бы дурацкими они ни были. И никаких «кроме нас тут никого нет» — так это не работает. Личина должна стать второй кожей, чужая или собственная — неважно. Заменить собой настоящее лицо, имя, привычки. Чтобы в ответственный момент не стоять с мокрыми штанами из-за сорвавшегося с языка слова. Порой Далия даже в собственной голове отказывалась откровенничать, принимая правила игры такими, какие они есть.

Гостя вздохнула:

— Отлично, Хромая... чудесное имечко, к слову. Приветствую тебя и всех остальных.

У вас все готово, как я вижу?

Все одновременно уставились на пахучую струйку. Яви весь затрясся, попав под перекрестье взглядов.

— Можно и так сказать.

— Советую говорить как есть. Потому что компания, которую я вижу перед собой, не пройдет по улицам и десятка шагов, не привлекая внимания стражи.

— Мы не собираемся много гулять.

— Этот парень... В Фароте так обращаются со всеми пленными? — По лицу девушки пробежала тень презрения и отвращения.

Груно пожал плечами.

— Стараемся. На то они и пленные.

— Хорошо. Я поняла. Но если учесть, что мне придется проводить время в его компании и даже касаться его, кому-то из вас придется его как следует отмыть. Я этого делать не собираюсь.

— Не особо понимаю, о чем ты толкуешь, девочка, но перебежешься. Мы, как ты знаешь, сейчас на войне, — он оскалился, — а значит, можно и потерпеть.

— Болтун, да? Теперь я вижу... В войнах, как правило, участвуют пахучие, вымазанные в грязи животные, это правда. И если тебя это полностью устраивает, то можешь вернуться в казарму, из которой выполз. — Глаза ее блеснули. — Мы играем по другим правилам.

— Болтай о правилах сколько хочешь. Вместо них у меня есть приказы, поэтому ты можешь засунуть...

— Отставить!

Груно холодно уставился на Далию.

— Тебя кто-то назначил главной?

— Обойдусь без руководства фаротской солдатней, пусть этим занимается ваш генерал. — Далия намеренно не стала называть имени, выделив последнее слово. Все и без того поняли, что речь о Коле Бруте. — Но нравится тебе это или нет, мы собрались здесь не для того, чтобы резать чужие глотки или грызть их друг другу. Все куда интереснее. Поэтому я не потерплю сумасбродства.

— Она права, — возвестил Павел скучающим тоном.

Груно что-то проворчал себе под нос, но быстро умолк. По чину эти двое были одного ранга, причем Груно шел с Брутом от самого Фарота, рука об руку. Павел прибил позже, поучаствовав в сожжении Иммара. Но от Скромного исходило нечто такое, отчего к нему прислушивались все: от руководства до простых солдат.

— Вы закончили?

— Почти. Как называть тебя? — Павел наконец вышел из ступора.

— Лепесток, — гостья хихикнула, — неплохо, правда? Мне пытались навязать имечко помрачнее, подобно вашим. Но если уж нужно отказаться от своего имени, то предпочту зваться так, как мне самой нравится.

Далия, теперь известная как «Хромая», сжала зубы. Павел кивнул и задал следующий вопрос:

— Как все будет происходить?

— Хочешь обсудить весь план сразу? Тут, на холоде? — Лепесток зябко дернула плечами.

— Я, по правде, не планирую надолго задерживаться здесь, посреди поля. Поболтаем потом. Но могу сказать, чем мы займемся сейчас, раз уж все готовы.

Она покопалась в сумке, висящей на поясе, и вытянула несколько полосок темной ткани, окантованных аккуратной строчкой по краям.

— Завяжите себе глаза.

— Что за дерьмо? — Груно вскинулся. — На кой я должен...

— Отставить!

— И правда, стоит отставить, — Лепесток со скучающим лицом ковырнула носком сапога землю. — Так мы работаем. Ценим каждого, с кем приходится сотрудничать, и моей милой мордашки вам хватит за глаза. Если, конечно, сотрудничество окажется плодотворным. А некоторые вещи лучше оставить за пределами вашего поля зрения. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе наши договоренности могут быть пересмотрены не в вашу пользу. — Ее глаза блеснули. — Мы делаем свое дело и гарантируем выполнение заказа. Но до тех пор, пока заказчик играет по правилам. А правила — вот они.

Она потрясла тканью, зажатой в кулаке. Над поляной повисла тишина. Павел шагнул к ней и протянул руку. Лепесток отдала ему ленты и безмятежно улыбнулась. Скромный передал по одной Далии и Груно, зашел за спину Яви и крепко перетянул ему глаза широкой черной полосой — тот едва успел пискнуть. Теперь молодой церковник представлял собой еще более жалкое зрелище: обмочившийся и ослепший новорожденный котенок.

Затем Скромный нацепил повязку себе на глаза, даже не потрудившись удостовериться, что другие последуют его примеру. Он замер как истукан, нависая над сипло дышащим Яви; острые скулы, очерченные сверху полоской ткани, выпирали еще сильнее. У Далии создалось впечатление, что даже с закрытыми глазами Павел продолжает наблюдать за происходящим вокруг.

Груно выругался, не стесняясь в выражениях. Перетянул себе глаза и завертелся на месте, явно чувствуя себя неуютно. Вздохнув, Далия посмотрела на повязку в руке, а затем подняла голову. Впереди, заслоняя горизонт, высилась внешняя стена Аргента, за ней в тумане просматривались шпили городских башен. На их фоне стояла пахнущая цветами гостья. Поймав ее взгляд, Лепесток кивнула. Далия ответила тем же и повязала ткань — мир погрузился во тьму.

Далия почувствовала, как теплые руки коснулись ее головы, проверяя узел и плотность повязки. Затем Лепесток двинулась дальше. Спустя секунду раздался раздраженный возглас Груно:

— Эй, полегче!

Ответом ему стало снисходительное шиканье, а следом — просьба:

— Господин Скромный, не могли бы вы немного присесть? Я не дотягиваюсь. Да, вот так. Ну и чудненько. Благодарю.

Яви возвестил об окончании проверки испуганным мычанием. После чего Лепесток не просто крикнула — заорала, заставив вздрогнуть даже Далию:

— Все в порядке, можно! Можно!

Тишина. Только напряженное дыхание четверых людей с нелепыми прозвищами и столь же нелепым планом. Вообще, до этого он представлялся осмысленным, продуманным и логичным, но сейчас, стоя на ветру с перевязанными глазами, Далия впервые сполна осознала, что ей предстоит сделать. И на кого положиться.

Она услышала, как шуршит трава: кто-то тяжело ступал по вязкой земле. Лепесток благоразумно оповестила:

— Все в порядке. Не рыпаемся. Мы готовы?

Тот, к кому был обращен вопрос, не издал ни звука. Все естество Далии противилось незнанию. Она втянула носом воздух, не имея возможности разглядеть хоть что-то из-под куска ткани. Кто-то взял ее холодную ладонь своей — теплой и неожиданно крепкой. Мужская, судя по размеру, покрытая мозолями. В нос ударил запах пота вперемешку с тяжелым ароматом духов. Это нелепое сочетание едва не заставило Далию рассмеяться. Если для Лепестка такой запах был привычен, то этого человека явно облили чем-то пахучим, чтобы скрыть его собственный. Умно.

Далию отвели чуть в сторону, неизвестный отпустил ее руку, заменив свою ладонь другой — сухой и столь же мозолистой. Павел. С другой стороны подвели Груно, сцепив их друг с другом в какой-то дикий, незрячий хоровод. Лепесток положила обе руки ей на плечи, заставив в очередной раз вздрогнуть, и ее голос раздался прямо над ухом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.